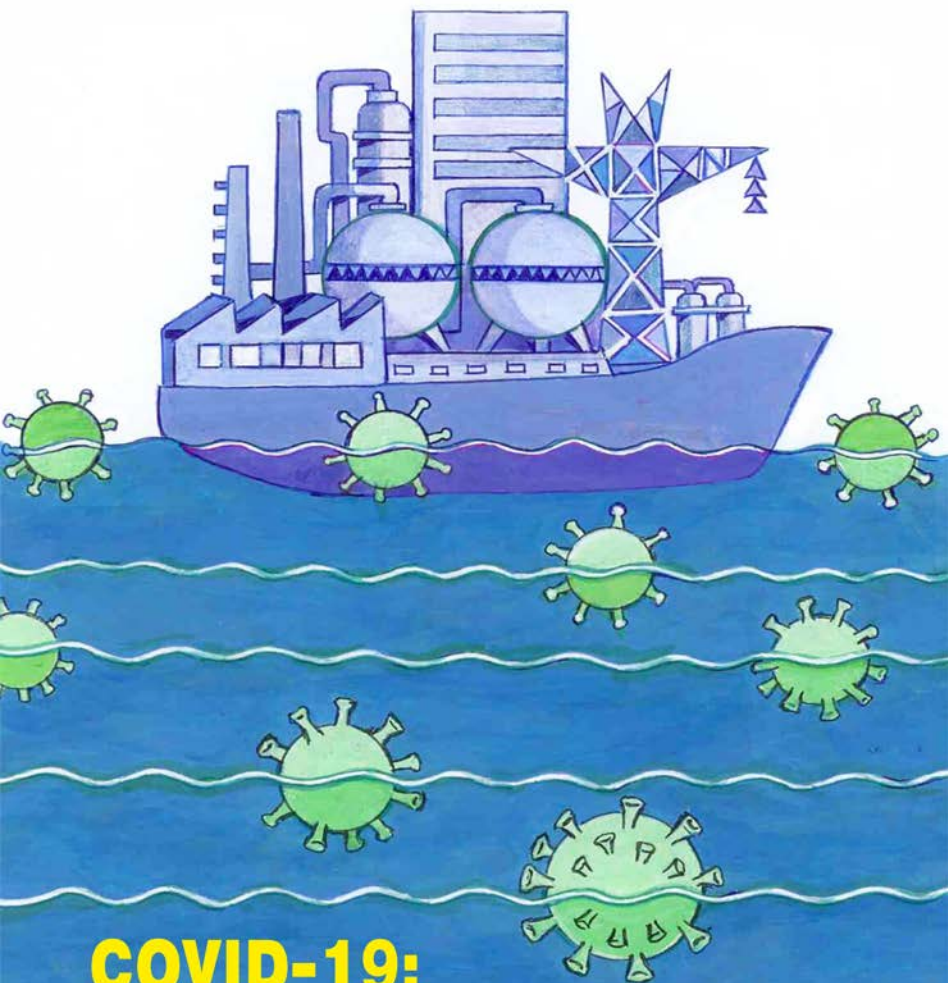

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 2021 г.

**COVID-19:
В ПОИСКАХ ФАРВАТЕРА**

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

2 (560) 2021

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 Больше прагматизма

Тема номера: COVID-19:

В ПОИСКАХ ФАРВАТЕРА

- 8 ВЕСЕЛОВА Э.Ш.
Коронакризис – кризис управленческих решений
- 25 МКРТЧЯН Г.М.,
БЛАМ И.Ю.
Экотуризм и природоохранная деятельность до и после пандемии COVID-19
- 40 СОЛНЦЕВ И.В.
Экономические потери европейских футбольных клубов, вызванные коронавирусом

РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

- 62 ПИЛЯСОВ А.Н.,
БОГОДУХОВ А.О.
Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории (часть 2)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

- 85 ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф.
Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 104 ФАЙН Б.И.
Совершенствование организационной модели электросетевого комплекса: зарубежный опыт и российская практика

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 135 ВОЛЧКОВА И. В.,
УФИМЦЕВА Е.В.,
ШАДЕЙКО Н.Р.,
СЕЛИВЕРСТОВ А.А.
Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов
- 165 КАЛУГИНА Э.И.
Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 176 ШАПИРО Н.А.
Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В.М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии»

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 More pragmatism

Cover story: COVID-19:

SEARCHING OF A FAIRWAY

- 8 VESELOVA, E. Sh.
Coronary Crisis-a Crisis
of Management Decisions
- 25 MKRTCHIAN, G.M.,
BLAM, I. Yu.
Ecotourism and Conservation in Time
of COVID 19 Pandemic and Beyond
- 40 SOLNTSEV, I.V.
Estimating the Economic Impact
on European Professional Football
of the Coronavirus Pandemic

DEVELOPMENT OF THE NORTH AND THE ARCTIC

- 62 PILYASOV, A.N.
BOGODUKHOV, A.O.
Arctic Corporation: Choosing
Approaches to Create New Theory

ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

- 85 GABDRAKHMANOVA, G.F.
Significance and Practices of Daily
Work Behavior of Rural Russians
and Tatars

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 104 FAYN, B.I.
Enhancing the Organization Model
of the Power Grid Complex:
International Experience
and Russian Practice

REGIONAL DEVELOPMENT

- 135 VOLCHKOVA, I.V.,
UFIMTSEVA, E.V.,
SHADEYKO, N.R.,
SELIVERSTOV, A.A.
Spatial Development of Russian
Agglomerations as a Driver
of Russia's Economic Growth
in the Face of Global Challenges
- 165 KALUGINA, Z.I.
Economic Accessibility of Food:
Regional and Social Differences

DEBATES

- 176 SHAPIRO, N.A.
Institutional Economics in the Modern
Economic Science or on everything
raised by V. M. Yefimov in his paper
"Anti-Auzan: The Critique of a Social
Philosophy"

Больше прагматизма

Год прошедший, 2020-й, равно как и год начавшийся, надолго останутся в памяти и ныне живущих, и будущих поколений жителей Земли. Причина этого в пояснении не нуждается – пандемия коронавирусной инфекции и те колоссальные проблемы, с которыми столкнулось человечество. Их перечень чрезвычайно велик и все еще до конца не осознан и весьма далек от завершения.

По мере вхождения пандемии в нашу жизнь, менялось (и до сих пор изменяется) осмысление и происходящего, и ближайшего, и отдаленного будущего. Это касается не только каждого из нас (инфекция где-то далеко, она уже рядом, «Боже мой, я заболел!», жизнь продолжается, но умерших не вернуть), но и различных по размеру и месту в обществе организаций (от домохозяйств и отдельных предприятий до государств и мирового сообщества в целом).

Наиболее психологически сложным был начальный период. Шок от встречи с неведомым – понятно, что болезнь, но непонятно, каковы симптомы, как лечить и какие могут быть последствия. Ответная реакция и каждого из нас, и общества в целом – ограничение мобильности, уменьшение контактов с целью предотвращения лавинообразного распространения инфекции. При этом страны и народы по-разному проходили и проходят этот путь. С различной динамикой заболевших и умерших, разными ограничительными мерами.

Еще одна не менее значимая для аудитории «ЭКО» тема, – те меры и шаги, которые предпринимались и еще будут предприниматься, чтобы не только избежать финансово-экономического коллапса в стране, наполовину парализованной ограничениями, но и заложить основу устойчивого функционирования и развития экономики в будущем.

В необходимости такого подхода в России есть общественный консенсус, который подчеркнул Президент РФ В.В. Путин: «...важно не просто вернуть ключевые макроэкономические показатели на докризисный уровень, а выйти на устойчивую траекторию развития. Причём это касается не только национальной экономики, но и социальной сферы, демографии...»¹.

---

¹ Совещание по экономическим вопросам 21 января 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64912>

В русле данного подхода был, в частности, разработан и «Общенациональный план действий»².

Однако при общем консенсусе относительно вектора шагов и мер, направленных на восстановление экономики от шока, имеется значительная неопределенность в том, что касается конкретных шагов и тех мер, которые необходимо предпринять для движения по этому пути.

Для этого они должны иметь не только «антипандемическую» направленность, но во многом быть ориентированы на целый комплекс проблем, решение которых ранее откладывалось, или же достигнутые к настоящему времени результаты были далеки от желаемых.

Автор солидарен с мнением польского коллеги Г. В. Колодко относительно того, что «надежду на лучшее будущее может подарить постепенный переход к новому прагматизму, который представляет собой стратегию умеренности в экономической деятельности, а также экономически, социально и экологически устойчивое развитие на основе инновационной, неортодоксальной и целостной экономической теории. Пандемия станет серьезным вызовом для общественных наук (не только для экономики), поскольку старый образ мышления часто будет бесполезен при анализе и объяснении новых ситуаций»³.

Необходимость отхода от многих «ортодоксальных истин» в экономической науке и политике сегодня высказывают многие исследователи и специалисты. Так, например, американские коллеги пишут о неэффективности использования в чистом виде таких «канонических» мер стимулирования экономического роста, как поддержание низкой учетной ставки по кредитам и увеличение госдолга: «...сейчас даже те, кто выступают за расширение масштабов заимствования согласны с тем, что более целесообразно инвестировать эти средства в строительство дорог, развитие зеленой энергетики и другие проекты, которые будут способствовать увеличению производительности и экономическому росту»⁴.

---

² Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13–60855 от 2 октября 2020 г.). 27 октября 2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/>

³ Колодко Г. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25–44.

⁴ Sharma Ruchir Dear Joe Biden, deficit still matter. New president's plans for more stimulus risk exacerbating inequality and low productivity growth. – FT. com. URL: <https://www.ft.com/content/d49b537a-95f8-4e1a-b4b1-19f0c44d751e?emailId=60085dbab753830004c66b5d&segmentId=7d033110-c776-45bf-e9f2-7c3a03d2dd26>

Переход к большему прагматизму в экономической политике связан как с пересмотром применимости прежних экономических догм, так и с более глубоким пониманием особенностей поведения в изменившихся условиях различных субъектов и объектов экономических процессов.

Одна из проблем, связанных с отказом от догматизма, относится и феномен так называемой «дискурсивной шизофрении» (по определению Ж. Сапира) – ситуации, когда «на языке одно, в головах другое, в практических действиях третье» (см. материал Э.Ш. Веселовой). Проблема, особенно отчетливо проявившаяся во время кризиса, на самом деле не нова. Следствием подобной «шизофрении», например, стал тот факт, что в результате ориентации финансовых властей США преимущественно на меры поддержки низкой учетной ставки «... в среднем за последние три десятилетия размер богатства вырос на 300% для 1% семей, на 200% для следующих 9% семей, на 100% для последующих 40% семей, не вырос совсем для остальных 50%. При этом одна из 10 семей в рамках этих 50% имела отрицательный прирост своего богатства (т.е. сейчас имеют меньше, чем ранее)»⁵.

В России к отмеченному выше феномену с полным основанием может быть отнесено то, что «реальное распределение средств поддержки не соответствует декларациям о «социальной направленности» антикризисного пакета (мнение А.А. Широва, см. материал Э.Ш. Веселовой). Не менее «впечатляющим» действием «дискурсивной шизофрении» становится то, что «российские банки являются ... бенефициарами нынешнего кризиса» (мнение А.К. Моисеева, там же). Не менее яркой иллюстрацией можно считать и создание и деятельность Фонда национального благосостояния (ФНБ). При социально-ориентированном названии и аналогичной декларируемой его роли, данный институт не имеет ничего общего с обеспечением соответствующих приоритетов экономической политики, выступая главным образом инструментом поддержки крупных проектов (как правило, и без того высокоэффективных – таких, как СПГ-Ямала, ЗапСибНефтехим и др.). В то же время «имея более 12% ВВП в фонде национального благосостояния, собираемся покрывать дефицит бюджета в основном за счет заимствований (мнение А.А. Широва, там же).

Предрасположенность к догмам и инерции при решении проблем не позволяет обеспечивать развитие новых экономических процессов и явлений, которые мощно заявили о себе в период пандемии. К их

---

⁵ Sharma Ruchir – Указ. соч.

числу, несомненно, относится развитие «экономики свободной занятости» (гигономики), а также возможность введения безусловного базового дохода, который может привести к запуску больших городов (по мнению Saxo Bank). В числе драйверов данных процессов – наука и новые технологии. «Близится эпоха безусловного базового дохода, означающая новую жизнь и новые приоритеты. Потребуется также новый способ перераспределения благ, иначе все ресурсы окажутся сконцентрированными в руках монополий и действующих рантье. Один из главных факторов, обеспечивающих такое будущее, – увеличение доступной энергии на душу населения практически без негативных последствий для окружающей среды – дополнительной энергии хватит на питание высокотехнологичных систем вроде передового ИИ и квантовых компьютеров»⁶. Увы, о роли науки и новых технологий в решении возникающих проблем в «Общенациональном плане...» можно прочитать только между строк.

Актуальность прагматизма в решении социальных, экономических и экологических проблем хорошо иллюстрируют статьи о двух столь разных сферах экономической деятельности, как футбол (статья И. В. Солнцева) и экотуризм и природоохранная деятельность (статья Г. М. Мкртчяна и И. Ю. Блам). С одной стороны, пандемия высветила те проблемы и нерешенные вопросы, которые до этого были «в тени», а с другой – позволила выйти на более рациональные и устойчивые подходы к их решению. В частности, отчетливо стало видно, что опора только на экотуризм как сферу занятости и благополучия рекреационных территорий лишена оснований и требует существенной корректировки.

Переход к экономической политике, базирующейся на прагматизме (знания и понимания конкретных условий и рамок решения тех или иных проблем в изменившихся условиях) в противовес догматическим «истинам» немыслим вне активного участия всех заинтересованных сторон – не только бизнеса и власти, но и общества, включая и научное сообщество, и отдельных его граждан.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

---

⁶ *Хвостик Е.* Вакцинация от COVID-19 разрушит корпорации, а крупные города опустеют Saxo Bank представил «шокирующие предсказания» на 2021 год // Коммерсантъ. 2020. 08 дек. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4604064?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Коронакризис – кризис управленческих решений

Э.Ш. ВЕСЕЛОВА, заместитель главного редактора журнала «ЭКО».

E-mail: elmiraves@yandex.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Статья написана на базе материалов нескольких онлайн-семинаров и конференций, прошедших летом-осенью 2020 г. и посвященных обсуждению проблем, вызванных пандемией COVID-19. Экономисты пришли к выводу, что первый в истории опыт локдауна, порожденный желанием остановить распространение инфекции, спровоцировал тяжелейший экономический кризис, который один из экспертов назвал кризисом управленческих решений. Авторы процитированных в статье докладов сходятся во мнении, что для успешного преодоления последствий коронакризиса многим государствам стоило бы кардинально пересмотреть сложившиеся подходы к управлению экономикой.

Ключевые слова: коронакризис; пандемия; прогноз; риски; восстановление экономики; господдержка; неопределенность

Ждали, но оказались не готовы

Прежде всего, кризис показал уязвимость существующих подходов к организации национальных систем здравоохранения и их неготовность противостоять массовым инфекциям. Погоня за экономической эффективностью лечебных учреждений, ориентация на текущий поток пациентов, практически повсеместно приведшие к сокращению резервов койко-мест, оборудования и специалистов, в условиях быстрого нарастания количества заболевших обернулись огромными перегрузками для национальных систем. «Эта проблема касается всех систем общественного здравоохранения в мире, включая систему ВОЗ, которая с начала 2000-х годов готовилась к развитию своей системы в плане борьбы с массовыми инфекционными заболеваниями, – напомнил **Б.Н. Порфирьев**, научный руководитель ИНП РАН. – Были проведены две крупнейших конференции на эту тему с участием 150 стран. К 2008 г. была сформирована концепция One Health, которая увязывала проблему возникновения эпидемий с влиянием окружающей среды, но ушла на второй план после кризиса 2008–2009 гг.»

В свою очередь **Жак Сапир**, директор французского Центра исследований моделей индустриализации Фонда Робера Сорбона CEMI (Centre d'études des modes d'industrialisation, Centre Robert

de Sorbon) упомянул, что «Франция еще в начале 2000-х гг. разработала план действий на случай респираторного вируса, и этот план был подтвержден в 2004 г. Однако из-за отсутствия финансирования многие меры этого плана были не осуществлены или осуществлены незначительно», на что в 2015–2016 гг. «обращали внимание многие ответственные лица». В частности, как показали события 2020 г., не был сформирован достаточный запас одноразовых средств защиты.

Имели место, конечно, и чисто организационные просчеты, способствовавшие ухудшению ситуации. Особенно поначалу, когда скорость распространения COVID-19, его вирулентность, показатели смертности и т.д. были неизвестны. «Реакция французского правительства (как и других) во многом была порождена тем, что кризис изначально недооценивался... В этом отношении очень интересно сопоставить официальную риторику властей и реакцию администрации на местах, – рассказывает Жак Сапир. – В своем заявлении 16 марта 2020 г. президент Франции семь раз использует слово “война”, что, очевидно, свидетельствует о его серьезном отношении к ситуации. И одновременно с этим и официальные власти, и администрации, и даже независимые институты минимизируют последствия практически до конца апреля... Возникла ситуация некоей “дискурсивной шизофрении”, когда на языке одно, в головах другое, в практических действиях третье... Приведу один пример. Во Франции существуют три типа больниц – государственные, частные, но приравненные к государственным с точки зрения услуг, и полностью частные. Так вот, клиники второго типа (частно-государственные) были мобилизованы на борьбу с эпидемией только через три недели после начала чрезвычайной ситуации, а частные больницы вообще не были мобилизованы. Правительство тратило огромные средства на перевозку больных специальными поездами или даже самолетами в другие провинции или даже за границу, при этом в частных больницах были свободные места в реанимационных отделениях».

Локдаун и его последствия

Для того чтобы не допустить коллапса в системе здравоохранения, большинство развитых стран были вынуждены ввести меры самоизоляции, различающиеся по продолжительности и степени жесткости и породившие масштабные социально-экономические эффекты.

Отметим, что это была первая эпидемия, на которую общество отреагировало закрытием экономики. Пандемии наблюдались и в прошлом, в том числе сопоставимые по количеству смертей. От испанки в 1918 г. умерло, по разным оценкам, от 17 до 50 млн человек, от азиатского гриппа в 1956–1958 гг. – около 2 млн, столько же – от гонконгского гриппа в 1968-м, но мировую экономику никто не закрывал, максимум, были локальные карантинные мероприятия.

М. С. Гусев (зав. лабораторией ИНП РАН) представил расчеты ИНП на основе данных Мирового банка и Университета Оксфорда, показывающие корреляцию между отдельными показателями экономического спада и жесткостью ограничительных мер¹ для 15 крупнейших экономик мира (совокупная доля мирового ВВП – 70%) (табл. 1). Индекс нормирован на долю услуг в ВВП (кроме строительства), а также на доли потребления домашних хозяйств и импорта в ВВП. «Мы видим, что для большинства стран жесткость ограничений хорошо объясняет глубину спада, а для крупнейших экономик мира большое значение также имеют доля сектора услуг, доля потребления домохозяйств, доля импорта, структура экспорта, а также масштаб мер государственной поддержки (в некоторых странах бюджетные расходы помогли поддержать конечный спрос).

Без учета Китая мировой ВВП во 2-м квартале 2020 г. сократился на 12,6% в годовом выражении. С учетом Китая – на 9%. Последние на момент написания статьи (ноябрьские 2020 г.) оценки экономического спада, предложенные МВФ, ОЭСР, Мировым банком, ООН, Еврокомиссией, сходятся на уровне минус 4–4,5% годовых к уровню 2019 г.

По словам М. С. Гусева, «ключевым фактором экономического спада (9 п.п.) стало снижение мирового потребления, зафиксированное впервые после Второй мировой войны». Это связано как с прямым ограничением на потребительскую активность, так и с ограничениями на те сферы, где формируются доходы большей части потребителей». Еще 4 п.п. «добавило» сокращение инвестиций.

В свою очередь **А. Ю. Кнобель** из Академии внешней торговли обратил внимание на то, что одновременное снижение совокупного

---

¹ Жесткость ограничений – сводный индекс, рассчитываемый Университетом Оксфорда как среднее из девяти индикаторов, отражающих действие отдельных ограничительных мер и представленности информации о пандемии и государственных мерах в СМИ.

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели крупнейших экономик мира во 2-м кв. 2020 г., % ко 2-му кв. 2019 г. (если не оговорено иное)

Страна	Темп прироста ВВП*	Конечное потребление домашних хозяйств *	Конечное потребление гос. учреждений *	Валовое накопление основного капитала *	Экспорт товаров и услуг *	Импорт товаров и услуг *	Промышленное производство *	Прирост безработицы за март-июнь к февралю 2020, п. п.	Объем фискальных стимулов на начало мая 2020 г., % к ВВП	Доля услуг в ВВП в 2018 (кроме строительства), %	Жесткость ограничений экономической активности (100 – наиболее жесткие меры)
Ю.Корея	-2,8	-4,5	6,1	2,0	-13,0	-8,6	-5,2	1,5	2,2	60	55,6
Индонезия	-5,2	-5,5	-7,0	-8,5	-10,2	-15,4	-5,4	2,1	5,3	45	69,6
Китай	-6,8	-18**	—	-16,1	-13,7**	-3**	-9,0	0,2	3,8	52	59,0
Россия	-8,0	-22,2	1,6	-11,7	0,3	-22,2	-8,5	2,2	2,8	61	80,1
Турция	-9,0	-8,6	-0,8	-6,1	-35,1	5,5	-16,8	1,5	2,0	61	72,0
США	-9,0	-11,8	1,5	-5,6	-23,2	-22,4	-14,7	11,2	13,0	80	70,6
Япония	-10,1	-11,3	0,8	-6,1	-23,1	-6,3	-18,7	0,5	21,1	70	37,9
Германия	-11,3	-12,8	3,8	-8,6	-22,2	-17,4	-22,0	1,4	10,7	69	67,3
Бразилия	-11,4	-13,4	8,6*	-15,2	0,6	-14,7	-19,3	2,3	8,0	73	77,6
Италия	-18,0	-17,5	-2,4	-12,6	-33,1	-26,8	-25,6	1,4	5,7	74	70,4
Мексика	-18,7	-20,6	2,4	34,0*	-31,1	-29,7	-29,6	1,8	1,0	65	78,8
Франция	-18,9	-16,4	-12,1	-22,4	-30,5	-21,3	-23,3	-0,2	9,3	79	76,2
Великобритания	-21,5	-25,9	-16,9	-27	-15,0	-29,2	-18,4	0,2	5,0	80	77,7
Испания	-21,5	-25,2	3,1	-25,8	-38,1	-33,5	-24,1	2,6	7,3	75	72,5
Индия	-23,9	-26,9	16,2	-47,2	-19,7	-40,4	-35,5	15,7	1,1	54	85,6

* Данные по Китаю за 1 кв. 2020 г. ** Индекс физического объема экспорта и импорта товаров.

спроса и предложения привело «к сокращению объема мировой торговли, не пропорционального сокращению мирового ВВП». На этом фоне со 2-го квартала 2020 г. началось снижение цен (прежде всего – на сырьевые товары), бегство капитала из рискованных активов и некоторое укрепление доллара (главным образом – относительно валют развивающихся стран). В перспективе же можно ожидать снижения доли торговли в мировом ВВП.

Практически все эксперты говорят о структурном характере кризиса.

«Если посмотреть в целом на мировую экономику, можно все отрасли разделить на три группы, – рассказывает М.С. Гусев. – Это те, которые пострадали напрямую – туризм, рестораны, авиаперевозки, те, кто пострадал в результате косвенных эффектов, и отрасли, которые слабо пострадали или вообще не пострадали.

В частности, мировой турпоток и доходы отрасли сократились на 60–80%. Доходы авиаперевозок упали на 50%, без государственной поддержки 95% авиакомпаний являются убыточными, в сфере ресторанов и общественного питания снижение доходов составило 25–30%.

Образование, судя по тому, какое количество учащихся среднего и высшего звена может посещать учебные заведения, падение будет около 30% в терминах условного выпуска.

В энергетике ожидается падение 5% мирового спроса (при этом спрос на энергию из возобновляемых источников продолжает расти, хотя и небольшими темпами).

В обрабатывающей промышленности спад составил 8,4%, но есть большой разброс по отраслям. Сильнее всего упали машиностроение и легкая промышленность (по итогам 2-го кв. 2020 г. спад в производстве автомобилей составил 37%), а в производстве электроники и фармацевтике сохраняется рост».

В сельском хозяйстве даже во время пандемии спрос не падает, за исключением отдельных сегментов, на которые влияет спрос со стороны общественного питания. При любом раскладе рынок сельхозпродукции продолжает расти, и определяющими для него остаются природные факторы – погодные условия, урожайность, и лишь во вторую очередь – баланс спроса/предложения, изменение запасов.

Информационно-коммуникационный комплекс тоже не пострадал. Затраты на продукцию ИКТ остаются на уровне 2019 г., а в отдельных нишах (IoT, AI, ARVR, Robotics, 3D-printing, blockchain,

а также все, связанное с дистанционными технологиями) можно даже говорить о росте по итогам 2020 г.

В ходе докладов были озвучены и некоторые «неожиданные» или «нетипичные» примеры отраслевой динамики в разных странах, вызванные особенностями распределения труда вдоль цепочек создания стоимости, нюансами правовых режимов и т.д. Так, например, в строительном секторе Франции, по словам Ж. Сапира, масштаб прекращения деятельности был больше того, которое изначально предусматривало правительство при введении режима самоизоляции. Причиной стал тот факт, что французское законодательство возлагает на работодателя ответственность за любые заболевания сотрудников, полученные на рабочем месте (не только, скажем, за производственные травмы), так что владельцы и управляющие компаний попросту побоялись вала судебных исков за подхваченную на производстве смертельную инфекцию и поспешили «перевыполнить» госзадание по введению ограничений. В результате в строительном секторе были закрыты почти 90% объектов, хотя правительство рассчитывало на спад в 50%.

В то же время в России, хотя жесткость режима ограничений была выше, чем во Франции (табл. 1), спад в строительстве был относительно небольшим. По всей видимости, это объясняется тем, что значительная часть масштабных строительных проектов реализуется государством.

В свою очередь **В.А. Сальников** (зав. лабораторией ИНП РАН), комментируя неожиданные отраслевые эффекты, обратил внимание на то, что в плюсе оказались, например, производители упаковки, «просто потому, что люди переключились с ресторанов на домашнее потребление, а это более мелкая фасовка, и расход упаковки там гораздо выше». По его словам, подобных эффектов в отдельных нишах довольно много. «Если, к примеру, посмотреть более детально на авторынок, который в целом упал, то можно отметить, что продажи на обычные автомобили за 9 месяцев 2020 г. сократились на 18%, а на электромобили – выросли на 11%. Структурная технологическая трансформация на фоне пандемии ускорятся».

Меры господдержки и бюджетный дефицит

В большинстве развитых стран были реализованы специальные меры, призванные смягчить экономические последствия кризиса для граждан и предприятий.

Реализуемые подходы к формированию антикризисных пакетов довольно заметно различаются по странам. Во Франции, по словам Ж. Сапира, на меры прямой поддержки в национальном бюджете 2020 г. заложено 43,5 млрд евро. Самая крупная статья (31 млрд евро) – финансирование частичной безработицы, затем идут поддержка микропредприятий (8 млрд) и субсидирование территориальных органов – около 4,5 млрд евро.

Отраслевые меры поддержки на общую сумму 43,5 млрд евро реализуются по пяти планам. Самое крупное направление (более 40% от этой суммы) – поддержка туристического сектора, который представляет собой около 10% ВВП и обеспечивает 1,5 млн рабочих мест во Франции, 15 млрд евро выделено на поддержку авиационной и космической промышленности, 8 млрд – для автомобильной. «Далее идут две небольшие позиции – меры в поддержку стартапов и технологичных предприятий и меры поддержки культуры».

По оценке Ж. Сапира, «если мы объединим отраслевые меры и меры срочной помощи, это дает 3,6% ВВП (а если меры срочной поддержки будут увеличены до 50 млрд – около 5% ВВП). Это, во-первых, далеко от 14% ВВП, декларируемых правительством, во-вторых, заметно меньше, чем у соседей. Так, в Германии прямые меры поддержки экономики составляют около 130 млрд евро.

Кроме того, есть ряд секторов, в которых меры поддержки не применялись. «В первую очередь это сезонные работники, работники без постоянного рабочего места (прекариат) и очень малые предприятия».

В России господдержка распределяется по шести ключевым разделам бюджетного плана: социальная поддержка, поддержка занятости, крупные инвестпроекты, проекты в области импортозамещения, поддержка регионов и секторальные меры поддержки для отдельных видов экономической деятельности (ключевые направления – строительство, здравоохранение и транспорт). «В первых пяти разделах основными каналами для финансирования экономики станут бюджетные инвестиции, трансферты и прямая поддержка домохозяйств, – комментирует директор ИНП РАН **А.А. Широв**. – Через эти три канала будут потрачены 2,7 трлн руб. в 2020 г. и 2,4 трлн – в 2021-м... Но проблема в том, что не все эти деньги “новые”. Значительная часть элементов антикризисного плана перекочевала из национальных проектов и других бюджетных программ. “Новые” деньги, которые будут

сформированы в экономике в результате этого плана – это всего около 0,9 трлн руб., так что существенного прироста ВВП от таких вливаний ожидать не приходится. Наша текущая оценка – всего 0,7% ВВП дополнительного роста. То есть пока текущее наполнение антикризисного плана является недостаточным, а главное – такая его конфигурация снижает возможность быстрого восстановления российской экономики в 2020–2021 гг., консервирует имеющиеся проблемы и формирует новые».

По словам А.А. Широва, реальное распределение средств поддержки не соответствует декларациям о «социальной направленности» антикризисного пакета. Так, на социальную поддержку было направлено 0,8% ВВП, тогда как на поддержку секторов экономики – 1,8%. И в целом, если сравнить нынешний антикризисный пакет с таковым 2009 г., государство в этот раз явно решило сэкономить. Если в 2009 г. совокупный антикризисный бюджет составил 6,2% ВВП, то в 2020 г. – только 2,6% (впрочем, нужно учитывать, что часть мер предполагается реализовать в 2021 г.).

Основные формы поддержки давно известны, и тут редко появляется что-то новое. При этом понятно, что их эффективность и для отдельных предприятий, и для экономики в целом сильно различается. Так, заместитель директора ИНП РАН **Д.Б. Кувалин** рассказал о результатах опроса российских компаний, проведенных сотрудниками института². По его данным, более 77,8% респондентов наиболее желательной для бизнеса мерой назвали снижение налоговых платежей на несколько месяцев. Бизнес также высоко оценил субсидии, направленные на сохранение рабочих мест (65%). «Каждое малое предприятие в течение 2–3 месяцев получало по 12 тыс. руб. в месяц на каждого работника в штате. Для многих из них это оказалось жизненно важной мерой, хотя 12 тыс. руб. – это всего лишь размер прожиточного минимума», – говорит Д.Б. Кувалин.

Предприятия позитивно относятся к поддержке спроса за счет расширения госзакупок и выплат субсидий населению (52,3%). А 49% опрошенных ратуют за заморозку цен на услуги естественных монополий (в конце 1990-х гг. такая мера применялась и стала одним из факторов, которые обеспечили быстрое восстановление). Популярностью пользуются также меры по снижению ставки

---

² Подробнее об исследовании см. *Кувалин Д. Б., Зинченко Ю. В., Лавриненко П. А.* Российские предприятия весной 2020 г.: реакция на пандемию COVID-19 и мнения о роли государства в экономике // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 164–176.

процента по кредитам (44,4%) и по реструктуризации текущей задолженности по кредитам (25%).

При этом примечательно, что к моменту опроса (2-й квартал 2020 г.) только 9% респондентов смогли воспользоваться мерами поддержки, предложенными федеральной властью, еще 5,7% получили региональные меры поддержки, и лишь 20% предприятий рассчитывают воспользоваться этими мерами в будущем, тогда как 31,6% респондентов считают их настолько незначительными, что не собираются прибегать к ним. По-видимому, такое сдержанное отношение объясняется тем, что в опросе участвовали главным образом предприятия среднего и крупного бизнеса, с числом сотрудников 250 человек и выше, а большая часть мер поддержки нацелена на малые предприятия.

Общэкономический эффект антикризисных мер – это несколько иное. В Институте народнохозяйственного прогнозирования оценили мультипликаторы различных мер поддержки для экономики (табл. 2).

«Но мультипликаторы – это только коэффициенты, – поясняет А. А. Широв. Для того чтобы оценить реальный мультипликативный эффект, нужно понимать емкость каналов, по которым финансируется восстановление экономической динамики». А вот с этим сложно. С наполнением бюджетов все страны сегодня предсказуемо испытывают большие проблемы.

«Бюджетный шок будет очень значительный, – рассказывает Ж. Сапир о ситуации во Франции. – Общий дефицит составит 11% ВВП, госдолг – от 115 до 120% ВВП, с учетом уменьшения ВВП в 2020 г.» (напомним, эти оценки были сделаны еще до второй волны).

Таблица 2. Мультипликаторы ВВП по мерам поддержки

Мера поддержки	Коэффициент мультипликатора
Поддержка кредитования населения	6,14
Субсидирование экспортных кредитов	4,6
Гранты на поддержку бизнеса	3,4
Кредитование инвестпроектов	2,53
Государственные закупки	1,5
Поддержка потребительского спроса	1,3
Поддержка доходов домохозяйств	1,3
Бюджетные инвестиции	1
Экспортные субсидии	0,97

Большинство стран пытаются восполнить этот дефицит, комбинируя два возможных в данной ситуации способа – наращивая госдолг и/или включив печатный станок. Как рассказал заместитель директора ИНП РАН **А. К. Моисеев**, во 2-м квартале 2020 г. скачок суммарных активов центральных банков разных стран превысил 6 трлн долл. Из них на ФРС США приходится 3,3 трлн долл., ЕвроЦБ – 2 трлн, банк Японии – 1 трлн. «Примерно 50% этих средств идет на кредитование банков и предприятий, а другая половина – государству на финансирование антикризисных программ. Госдолг при этом в масштабах мировой экономики прирастает с той же интенсивностью, что и частный долг, и, судя по всему, к 2023 г. объемы их прироста сравниваются. Поэтому ставки кредитования повсеместно держатся отрицательными. Частные предприятия с каждым годом должны все больше прибыли отдавать государству в погашение этих кредитов».

В России дефицит бюджета составит примерно 5% ВВП. При этом, в отличие от многих других стран, имеется Фонд национального благосостояния (ФНБ), достигающий 12% ВВП, который, казалось бы, именно для таких случаев и предназначен. «К нашему изумлению, из ФНБ будет потрачено на финансирование бюджета не более 500 трлн, или 0,5% ВВП», – комментирует А. А. Широков. Остальные средства (более 4 трлн руб.) будут привлечены за счет внутренних заимствований, чтобы связать избыток текущей ликвидности, скопившейся у банков. Это тем более странно, что в предыдущие годы страна буквально жертвовала темпами роста, направляя «излишки» нефтегазовых доходов в антикризисную «копилку». Тем не менее финансовые власти страны посчитали необходимым оставить эти ресурсы в неприкосновенности.

В результате же российские банки, судя по данным, представленным А. К. Моисеевым, окажутся в числе немногочисленных бенефициаров нынешнего кризиса. В 2017–2019 гг. доля банковского сектора в общем объеме прибыли российской экономики постоянно росла (составляя, соответственно 9–11–13%). Решение обратиться к банковским заимствованиям вместо ФНБ для финансирования антикризисных мер, очевидно, позволит сохранить эту тенденцию и в 2020–2021 гг.

Конечно, банки были вынуждены реструктурировать кредиты. «По информации ЦБ РФ, на конец июня 2020 г. для физических лиц были реструктурированы кредиты на 600 млрд и на 60–70 млрд предоставлена отсрочка (кредитные каникулы). По малому бизнесу

примерно те же цифры. – рассказывает А.К. Моисеев. – На 2,3 трлн были реструктурированы кредиты юридическим лицам. Но если соотнести эти цифры с объемом задолженности, мы увидим, что физические лица реструктурировали 4% своих заимствований, включая ипотеку, корпорации – примерно 9%, а вот малый бизнес не может вернуть около 16% от суммарных долгов. Это к вопросу о том, кто заплатит за кризис». В целом же доля «плохих» долгов пока не является угрожающей для банковской системы.

«Кроме реструктурирования кредитов и кредитных каникул, нам нужен еще один инструмент – перенос части потерь с реального на финансовый сектор», – делает вывод исследователь.

Что же дальше?

Большинство процитированных докладов в этой статье составлялись до начала второй волны пандемии и введения новых ограничений. И хотя последние были не столь жесткими, как в первую волну, очевидно, прогнозы середины 2020 г. придется скорректировать. Тем не менее выявленные тенденции сохранят актуальность в течение еще некоторого времени, и их необходимо учитывать при принятии решений на всех уровнях.

«Основные сценарии выхода из кризиса по мировой экономике (МВФ, ОЭСР, институт McKinsey) строятся вокруг двух гипотез – это объем стимулирующих мер и собственно развитие пандемии (как быстро она будет преодолена)», – рассказывает М.С. Гусев.

Однако тут возникает множество вопросов к качеству и полноте исходных данных. Это касается и экономических, и медицинских оценок и прогнозов. Статистика заражаемости сильно зависит от наличия и качества тестов, поэтому к ней мало доверия. Статистика смертности считается более надежной, но и она, по мнению Ж. Сапира, в большинстве стран занижается. «И дело не только и не столько в политике, сколько в практических, технических ограничениях», – полагает ученый.

Например, во Франции при определении смертности от COVID-19 не учитывали смерти, произошедшие на дому. В России используется патологоанатомическая экспертиза, что другие страны не признают. В итоге вся медицинская статистика по поводу пандемии, во-первых, не слишком точна, во-вторых, не обеспечивает сопоставимость данных.

В свою очередь на точность экономических прогнозов неизбежно влияет недооценка потерь производительности, связанная как

с условиями труда на предприятиях, так и с состоянием здоровья работников. Во Франции общее снижение уровня производства между 15 и 20 мая оценивалось в 10–12%, «но вряд ли стоит ожидать, что она быстро вернется к прежнему уровню», – комментирует Ж. Сапир. «Нужно также иметь в виду, что огромное количество людей считаются выздоровевшими, но здоровыми не являются, – отмечает Б.Н. Порфирьев. – Это очень сильно сказывается на качестве трудовых ресурсов».

Второй важный фактор неопределенности – реальное состояние малого бизнеса. В большинстве стран этот сектор не попадает в зону сплошного и постоянного статистического мониторинга, и можно только предполагать, как изменится его активность.

Неопределенность относительно возможного возврата эпидемии порождает новые цепочки неопределенностей. Она заставляет государства, с одной стороны, экономить бюджетные ресурсы, имея в виду возможное сохранение господдержки в будущем, с другой – тратить дополнительные средства на охрану здоровья (вакцинация, поддержка коечного фонда, закупка лекарств и оборудования и т.д.). «Возникает вопрос: кто будет за это платить, – говорит А.А. Широков. – Или это скажется на услугах медицинского страхования (т.е. они подорожают), или это будут дополнительные объемы бюджетных затрат. Опять же, нужно понимать, за счет каких налогов их можно будет покрыть».

«Этот же фактор неопределенности воздействует на поведение предприятий с точки зрения инвестиций и поведение домохозяйств с точки зрения потребления, – комментирует Ж. Сапир. – Инвестиции постоянно откладываются либо полностью аннулируются, и, конечно, это будет лежать тяжелым бременем на способности нашей экономики к восстановлению. Если посмотреть на домохозяйства, мы видим, что их процент сбережений увеличился с 16 до 23%. Это тоже оказывает негативное воздействие. И все это будет продолжаться до тех пор, пока не будут приняты меры, способные успокоить потребителей».

Для России на среднесрочную перспективу и международные агентства, и отечественные экономисты предполагают довольно «вялое» восстановление. Прежде всего – из-за различного рода бюджетных и финансовых ограничений. «Мы предполагаем, что ВВП снизится на 5,3%, потребление населения – почти на 6%, инвестиции – на 10%, и единственным элементом конечного спроса, который продолжит расти, будет госпотребление. Но его

вклад в общую динамику будет незначительным», – комментирует А. А. Шилов. В итоге, по расчетам специалистов ИНП, российский ВВП вернется на уровень 2019 г. не ранее 2023 г., а потребление населения и инвестиции – 2024-го.

Прямая речь

О. Д. Говтвань, д.э.н., главный научный сотрудник ИНП РАН, Москва

– Важны не только объемы поддержки, но и то, в какой форме она предоставляется. У меня, например, есть большие претензии к той форме, которая сегодня преобладает в России. Преимущественно используется кредит. Но если в классическом случае кредит рассматривается как форма участия в будущих успехах или форма признания эффективности проекта или заемщика, то в данном случае я не вижу ни потенциальных успехов, ни эффективности. Фактически налицо нарушение принципов кредитования, которое может привести к засорению банковской системы ненужными рисками.

Жак Сапир, директор Центра исследований моделей индустриализации Фонда Робера Сорбона, Париж

– Во Франции эффективность господдержки сдерживают институциональные ограничения. Например, во время кризиса 2008–2009 гг. многие упрекали правительство в том, что оно давало деньги банкам, не входя в их капитал. И теперь оно, судя по всему, боится субсидировать предприятия, чтобы не возникла эта проблема вхождения в капитал. Боится, что возникнет ситуация, в которой государство станет крупнейшим собственником в экономике и ему придется платить зарплату через механизм частичной безработицы. Конечно, эти опасения носят в большей степени идеологический характер, технических препятствий я тут не вижу. Вполне можно представить себе агентство, которое управляло бы этой собственностью, скажем, 5–7 лет, в течение которых правительство обязалось бы сохранять свою долю в капитале этих предприятий, чтобы потом снова выпустить ее на рынок. Интересно, что у Германии нет такого рода идеологических препятствий, и потому в то время, как французское государство дает корпоративному сектору 43 млрд евро в виде субсидий, немецкое правительство предполагает выделить им 130 млрд.

А. К. Моисеев, научный сотрудник ИНП РАН, Москва

– Плохо продуманные меры поддержки могут привести к неблагоприятным результатам. Что, например, происходило в США в самом начале пандемии, когда были введены ограничения?

За март и апрель суммарные зарплаты американских граждан в отраслях, производящих товары и услуги, упали на 15% – с 8 до 7 трлн долл. При этом доходы работников не сократились, а выросли на 2 трлн долл. Это произошло потому, что выпавшие зарплаты были замещены деньгами государства, которые раздавались всем работающим в гораздо большем объеме (3 трлн). В мае-июне правительство увидело, что слишком много денег вбросило в доходы и скорректировало объемы субсидий. Но это уже отразилось на индексе потребительских цен: все, что относится к пищевой промышленности, напиткам, табаку, сильно выросло по продажам, и показало максимальный рост цен. Кроме того, в июне восстановился спрос на товары длительного пользования. В основном это все происходило благодаря прямым вливаниям из бюджетной системы на счета граждан. За 2-й квартал активы ФРС США выросли почти на 80% – на 3,3 трлн долл. Добавим, что программа США по прямому кредитованию предприятий составляет примерно 1,5 трлн долл., это почти годовая экономика России, реальные ставки по кредитам при этом отрицательные. То есть деньги очень дешевые, и их количество практически не ограничено.

На мой взгляд, здесь мы видим апробацию обесценивания денег. Пока в масштабах одной страны, но, учитывая роль США в мировой экономике, этот эффект скоро скажется и на глобальном уровне. Когда падают эффективность экономики в целом и скорость ее оборота, вы начинаете искать резервы эффективности, и они могут лежать в достаточно жестких решениях по размещению производства, мощностей, рабочей силы и рынков. Один из возможных вариантов реаллокации ресурсов – Африка, где существуют огромные резервы для роста эффективности – огромное население и низкие доходы.

Д. Б. Кувалин, д.э.н., заместитель директора ИНИ РАН, Москва

– Одна из самых острых проблем, с которой столкнулись предприятия, – это дефицит оборотных средств. Пытаясь решать ее самостоятельно, предприятия сокращают расходы на фонд оплаты труда и генерируют цепочки неплатежей, что очень напоминает ситуацию 1990-х годов. К счастью, правительство поняло всю опасность ситуации. Во всяком случае, малые предприятия были освобождены от налогов на весь 2-й квартал и получили безвозмездные субсидии на выплату заработной платы. Кроме того, многие торговые малые и средние предприятия, располагающиеся на площадях, принадлежащих государству, были освобождены

от арендной платы. Некоторые частные владельцы торговых центров тоже снизили арендную плату и/или предоставили отсрочку. Насколько известно, снизилось число административных проверок предприятий МСБ. И все же, по данным наших опросов, не менее 3–5% малых предприятий были вынуждены полностью прекратить производство и фактически закрылись.

М.С. Гусев, зав. лабораторией ИНП РАН, Москва

– Задача для построения долгосрочного прогноза изменилась. Если раньше мы считали, что все тренды будут укрепляться в течение десятилетий, сейчас все, что могло произойти, уже случилось. Кроме того, нам предстоит очерчивать будущее и строить новые сценарии с учетом ускорения всех структурных технологических изменений. Для России это означает, что нужно искать пути к изменению сложившейся инерции. Если мы не увеличиваем норму накопления, если в мире упадет спрос на сырье или не вырастут цены на него, при этом, как известно, в стране ожидается убыль населения, фактически у нас не останется факторов, которые толкали бы экономику вперед.

Л.Н. Решетников, министр экономического развития Новосибирской области

– По итогам 2020 г. мы прогнозируем падение ВРП на 8%. Это больше, чем в России (4%), потому что свыше 70% в структуре региональной экономики составляют услуги (в России – 50%), практически половина занятых – это малый и средний бизнес. Это приводит к тому, что, с одной стороны, мы имеем в долгосрочной перспективе более диверсифицированную экономику, с другой – мы всегда в кризис падаем больше, а после него растем быстрее. Что нас сегодня беспокоит? По промышленности мы выйдем на уровень 2019 г., по инвестициям окажемся даже в плюсе, хотя и Сибирь, и Россия в целом упали (во многом нас поддержали два крупных инвестпроекта по строительству логистического центра OZON и завода кормов для домашних животных Nestle Purina Pet Care), экспорт тоже в плюсе. За время кризиса, по данным таможи, внешнеэкономическая деятельность выросла на 27% (экспорт – на 20% и импорт – на 7%). Из всех макроэкономических показателей упали услуги – на 18–20% (это прежде всего бытовые услуги, малый и средний бизнес) и стройка (минус 30%, хотя здесь есть свои нюансы, связанные с «пропиской» строительных компаний, так, например, объемы ввода жилья выросли на 25%). За счет сферы услуг и строительства мы почувствуем падение ВРП.

Сгладить последствия кризиса помогают меры поддержки в объеме 25,5 млрд руб. и тот факт, что закрыты были недолго. Думаю, через два года мы вернемся на уровень 2019 г. Но проблем все равно хватает. Если взять сферу туризма, объем туруслуг сократился на 75%. Это очень серьезно. В будущем однозначно будут переделы рынка. Кроме того, если с позиции министерств ситуация кажется в целом стабильной, то при рассмотрении конкретных компаний всегда можно найти довольно печальные истории. Но все-таки мы слышим больше положительных отзывов от бизнеса, что меры поддержки помогли пережить текущую ситуацию, и возлагаем большие надежды на реализацию стратегических инвестпроектов. Возле Бердска, где размещается завод Nestle, мы планируем создать агропромышленный индустриальный парк на 143 га. Как показывает практика (опыт Калуги), появление крупного бизнеса служит стимулом для региональных поставщиков. Ожидается значительный рост деловой активности и в связи со строительством центра OZON. Благодаря электронной торговле мы даже при закрытых границах не упали по вэд, и мы только в начале этой работы.

«Мы должны по-прежнему решать вопросы повышения уровня жизни населения и преодоления технического отставания от развитых стран, – говорит А.А. Широков. – Все это требует концентрации финансовых ресурсов и реализации программ в тех областях, где в ближайшие годы возможен быстрый количественный и качественный рост. Поэтому мы ожидаем обострения дискуссии о направлениях экономической политики. Вернуться ли нам к идеологии бездефицитного бюджета и жестких мер кредитно-денежной политики при сохранении высокого объема резервов, или же начать формировать такое перераспределение ресурсов в экономике, которое бы позволило иметь более высокие темпы роста, пусть и с более высокими рисками.

В нашей ситуации требования к качеству экономической политики сильно выросли. Если все будет происходить так, как есть, мы не сможем обеспечить рост выше 2–2,5% в год. При этом мы понимаем, что государство – безальтернативный игрок при выходе из кризиса. Никто другой не может придать импульс экономике для движения в сторону восстановления. Сможем ли мы поднять темпы роста до 3% в 2025 г. – это уже вопрос частных инвестиций, но важно, чтобы государство запустило этот механизм, дало бизнесу этот импульс. Если у бизнеса не будет мотивов для инвестиций, не будет и роста».

Summary

Veselova, E. Sh., deputy editor-in chief of ECO-journal, Institute of Economics, SB RAS, Novosibirsk

Coronary Crisis-a Crisis of Management Decisions

Abstract. The article is based on the materials of several online seminars and conferences held in the summer and autumn of 2020 and dedicated to discussing the problems caused by the COVID-19 pandemic. Economists agree that the first-ever lockdown experience, born of a desire to stop the spread of infection, provoked a severe economic crisis, which one of the experts called a crisis of management decisions. The authors of the reports cited in the article agree that in order to successfully overcome the consequences of the coronary crisis, many states should radically revise the existing approaches to economic management.

Keywords: *Corona crisis; pandemic; forecast; risks; economic recovery; state support; uncertainty*

Статья поступила 20.01.2021.

Статья принята к публикации 25.01.2021.

Для цитирования: *Веселова Э.Ш.* Коронакризис – кризис управленческих решений // ЭКО. 2021. № 2. С. 8–24. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-8-24

For citation: *Veselova, E. Sh. (2021). Coronary Crisis-a Crisis of Management Decisions. ECO. No. 2. Pp. 8–24. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-8-24*

В статье использованы доклады участников Международной конференции по макроэкономическому анализу и прогнозированию, посвященной 85-летию со дня рождения академиков В.В. Ивантера и Ю.В. Яременко, а также 35-летию основания ИНП РАН³, LIX сессии российско-французского семинара, организованного совместно ИНП РАН, Центром исследования моделей индустриализации Фонда Робера Сорбона (Centre d'Etudes des Modes d'Industrialisation, Centre Robert de Sorbon)⁴, сессии Агентства инвестиционного развития Новосибирской области «Бизнес против кризиса»⁵.

³ URL: <https://ecfor.ru/konferentsiya-35/>

⁴ URL: <https://ecfor.ru/nauchnaya-zhizn/seminary-i-konferentsii/rossijsko-frantsuzskij-seminar-ekonomika/rossijsko-frantsuzskij-seminar-lix/>

⁵ URL: https://www.youtube.com/watch?v=EuzeP09UEhY&t=2936s&ab_channel=InvestinNovosibirsk

Экотуризм и природоохранная деятельность до и после пандемии COVID-19¹

Г. М. МКРТЧЯН, доктор экономических наук. E-mail: gagik@ieie.nsc.ru
ORCID: 0000-0003-0768-7418

И. Ю. БЛАМ, кандидат экономических наук. E-mail: inna@ieie.nsc.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Пандемия коронавируса привлекла внимание к экологическим и финансовым рискам, связанным с природоориентированным туризмом, заставив пересмотреть устоявшееся в современной экономической литературе мнение об экотуризме как о наилучшей альтернативе неустойчивому использованию природных ресурсов и как о важном (а иногда и единственно возможном) источнике финансирования природоохранной деятельности. Восстановление экосистем, наблюдаемое после введения противоэпидемиологических ограничений, показало, что экотуризм наносит масштабный ущерб экологическим системам на популярных направлениях, и стало дополнительным доказательством необходимости жесткого контроля рекреационной нагрузки и создания адаптированной к требованиям заповедных территорий инфраструктуры. В то же время остановка туристического потока в тех регионах, где основным источником финансирования природоохранной деятельности были доходы от природоориентированного туризма, стала причиной резкого снижения уровня жизни местного населения, вызвавшего значительное увеличение случаев нелегального использования природных ресурсов и сокращение численности редких и исчезающих видов флоры и фауны. По мнению авторов, сложившаяся ситуация позволяет сделать вывод о том, что финансирование природоохранной деятельности должно осуществляться не только за счет доходов от экотуризма, но и поддерживаться государством и международными организациями. Частно-государственное партнерство могло бы обеспечить эффективное развитие экотуризма с соблюдением всех экологических требований и, обеспечив общественную поддержку развития системы особо охраняемых природных территорий, позволило бы привлечь дополнительные средства для природоохранной деятельности.

Ключевые слова: экотуризм; устойчивость; пандемия коронавируса; природоохранная деятельность; рыночные инструменты

Ограничения на передвижение и закрытие национальных границ с целью предотвращения распространения коронавиурса

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения работ по плану НИР ИЭОПП СО РАН по проекту XI.172.1.1. (0325-2017-0010) № АААА-А17-1170222501-132-2

руса COVID-19 весной и летом 2020 г. стали причиной крайне тяжелой экономической ситуации для индустрии путешествий и туризма. В то же время во многих случаях отсутствие туристов привело к значительному улучшению качества окружающей природной среды, частичному восстановлению нарушенных экосистем² и возвращению диких животных на исконные территории обитания, с которых они были вытеснены человеком. Согласно сообщениям в средствах массовой информации, локдаун не только дал возможность некоторым видам фауны расширить привычный ареал, но и привел к увеличению продолжительности дневной активности некоторых животных, обычно ведущих преимущественно ночной образ жизни [Manenti at al., 2020]. Так, в центре Сантьяго (Чили) были замечены пумы, в портовой акватории Триеста (Италия) – дельфины, в городских парках Тель-Авива (Израиль) в разгар дня – шакалы [Rutz at al., 2020], а в Венеции (Италия) – многочисленные рыбацкие птицы³.

Последнее на практике подтвердило сделанные ранее теоретические предположения о том, что концентрация туристических потоков на определенных направлениях в объемах, превышающих несущую способность экосистем⁴, не является устойчивой и может привести к необратимым изменениям окружающей природной среды [Świąder, 2018; Carocchi at al., 2019].

Пандемия COVID-19 также выявила и другие риски. В частности, связанные с таким прибыльным и динамично развивающимся направлением, как экотуризм. Согласно определению Международной ассоциации экологического туризма, под экотуризмом понимается посещение малонарушенных природных территорий, основанное на принципах устойчивого туризма (т.е. не нарушающее функционирование уникальных экосистем,

---

² Необходимо отметить, что хотя ограничительные меры, призванные предотвратить распространение коронавирусной инфекции, привели к сокращению экологического следа мировой экономики почти на 10%, речь идет, скорее, о краткосрочной передышке, поскольку, по некоторым оценкам, потребление человечеством биоресурсов планеты превосходит возможности естественного восстановления глобальной экосистемы в 1,6 раза [Давыдова, 2020].

³ URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/mar/20/nature-is-taking-back-venice-wildlife-returns-to-tourist-free-city> (дата обращения: 20.10.2020).

⁴ Результаты некоторых исследований указывают также на то, что так называемый «овертуризм» (*over-tourism*) может оказывать негативное влияние не только на уязвимые экосистемы, но и служить причиной конфликтов между туристами и местным населением [Rangus at al., 2018].

способствующее росту благосостояния местного населения и повышению уровня информированности о проблемах окружающей среды) и имеющее познавательную направленность.

Зачастую в экономической литературе термины экотуризм, природоориентированный (природный) туризм, приключенческий, а также сельский туризм используются как синонимы, что создает некоторые сложности, поскольку последствия пандемии существенно отличаются не только в зависимости от региона, основных источников финансирования, но и от целей путешествия⁵.

В данной статье под экотуризмом подразумеваются природоориентированные путешествия, совершаемые с целью наблюдения за дикими животными и растениями в их естественной среде обитания и получения эмоционального удовлетворения от этого. «Потребительская деятельность» – охота, рыбная ловля и сбор дикоросов – при таком подходе исключается. Как правило, природоориентированный туризм осуществляется на особо охраняемых природных территориях (ООПТ).

Традиционно считается, что экотуризм в заповедных зонах, где существуют ограничения на хозяйственную деятельность, может служить основным источником и доходов местного населения, и финансирования мероприятий по охране редких и исчезающих видов. Однако, как в очередной раз показали недавние события, модель финансирования, опирающаяся исключительно на доходы от экотуризма, не является устойчивой, поскольку в случае приостановки туристического потока местные жители довольно быстро вынужденно возвращаются к браконьерству и другим видам хищнического использования природных ресурсов. Кроме того, экотуризм может представлять опасность с точки зрения потенциальной передачи заболеваний между людьми и животными. Все это указывает на необходимость разработки и реализации иных моделей, обеспечивающих устойчивое развитие уникальных природных территорий.

---

⁵ Международная ассоциация экологического туризма (*The International Ecotourism Society (TIES)*) – основанная в 1990 г. некоммерческая организация, целью которой являются популяризация и развитие экотуризма. URL: <https://ecotourism.org/what-is-ecotourism/> (дата обращения: 27.08.2020).

Вынужденная изоляция заповедных территорий и ее последствия

Согласно данным отчета Всемирного совета по туризму и путешествиям, природоориентированный туризм играет значимую роль в туристическом бизнесе. Так, в 2018 г. его вклад в глобальный валовой продукт туристического сектора составлял 4,4%, заметно варьируя по регионам мира: если в Северной Америке и Европе доля природоориентированного туризма не превышала 2%, то в Латинской Америке составила 8,6%, в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 5,8%, а в Африке достигла 36,3%⁶.

В течение нескольких десятилетий в странах Африки, Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона экотуризм выступал в качестве альтернативы разрушающим природу видам деятельности, обеспечивая местное население легитимными доходами и демонстрируя экономические преимущества охраны дикой флоры и фауны, а также сохранения естественной среды обитания редких видов перед неустойчивым потреблением природных ресурсов. Пандемия коронавируса, вынудившая ввести жесткие ограничения на путешествия и закрыть для посещения природные объекты, стала причиной резкого сокращения доходов от туристической деятельности, что оказало крайне негативное влияние на природоохранные программы и уровень жизни местного населения.

Первыми, ввиду наличия высокой вероятности передачи коронавируса SARS-CoV-2 от человека к человекообразным обезьянам [Gillespie, Leendertzt, 2020], приостановили прием посетителей объекты, специализирующиеся на наблюдении за высшими приматами. Вслед за ними постепенно сворачивали свою деятельность и другие, поскольку закрытие национальных границ оставило их без иностранных гостей, которые традиционно составляют основную массу посетителей.

Резкое сокращение туристического потока затруднило функционирование тех природных объектов, где доходы от туризма являлись основным источником финансирования биомониторинга

---

⁶ Отчет «Sustainable Growth Economic Impact of Global Wildlife Tourism» доступен на официальном сайте Всемирного совета по туризму и путешествиям (The World Travel & Tourism Council (WTTC)). URL: <https://wtcc.org/Initiatives/Sustainable-Growth> (дата обращения: 27.08.2020).

и правоохранительной деятельности⁷. Многие природоохранные организации были вынуждены приостановить свою деятельность, в то время как местные жители, оставшись без привычного источника дохода⁸, вернулись к нелегальному использованию природных ресурсов.

Экономические последствия режима изоляции стали причиной резкого роста браконьерства и нелегальной рыбной ловли, уничтожения лесов, необходимых для выживания редких и исчезающих видов животных, причем сотрудники природоохранных организаций, пытающиеся воспрепятствовать злоумышленникам, нередко становятся их жертвами⁹. Так, в Конго в апреле 2020 г. были убиты 12 егетей, охранявших национальный парк *Virunga*, где обитают горные гориллы (*Gorilla beringei (lam.)*)¹⁰. В Камбодже местными охотниками были съедены три гигантских ибиса (*Thaumatibis gigantea (lam.)*), относящиеся к находящемуся на грани исчезновения виду. В северо-западной Ботсване сотрудники Министерства охраны окружающей

---

⁷ URL: <https://www.unenvironment.org/news-and-stories/story/what-covid-19-means-ecotourism> (дата обращения: 27.08.2020).

⁸ Поскольку создание охраняемых природных территорий, как правило, сокращает не только площадь доступных для местных жителей охотничьих и сельскохозяйственных угодий, но и налагает запрет на большую часть традиционных направлений использования природных ресурсов локальными сообществами, то участие в обслуживании туристического потока часто становится основным источником существования местного населения.

⁹ URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/may/05/conservation-in-crisis-covid-19-coronavirus-ecotourism-collapse-threatens-communities-and-wildlife-aoc> (дата обращения: 27.08.2020).

¹⁰ В 1979 г., когда численность горных горилл не превышала 350 особей, а естественная среда их обитания стремительно разрушалась вследствие нелегальной охоты, незаконного выпаса скота и вырубки леса, были предприняты первые шаги с целью восстановления популяции. Роль основного источника финансирования на всех этапах реализации проекта была отведена доходам от экотуризма, которые до пандемии коронавируса вносили значимый вклад в экономику всего региона (в конце 2019 г. стоимость наблюдения за жизнью горилл в естественной среде обитания в течение одного часа для каждого посетителя составляла от 600 долл. США в Уганде до 1500 долл. в Руанде), что обеспечивало, в том числе, и политическую поддержку природоохранной деятельности, хотя последняя иногда осуществлялась в ущерб интересам местного населения. В частности, в начале 1990-х годов ради сохранения находящихся на грани исчезновения приматов из тропического леса Уганды было выселено племя пигмеев батва, столетиями проживавшее на этой территории. Накануне локдауна, обусловленного пандемией коронавируса, благодаря скоординированной деятельности природоохранных организаций популяция горных горилл увеличилась до 1063 особей, что позволило исключить их из списка исчезающих видов. Однако резкое сокращение доходов природоохранных организаций и местных общин вследствие отсутствия туристов вновь заставляет опасаться за судьбу приматов. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/may/05/conservation-in-crisis-covid-19-could-push-mountain-gorillas-back-to-the-brink-aoc> (дата обращения: 27.08.2020).

среды и природных ресурсов были вынуждены эвакуировать черных носорогов¹¹, после того как в марте 2020 г. браконьерами, воспользовавшись отсутствием туристов и егерей в удаленных регионах, было умерщвлено не менее шести особей исчезающего вида.

Сложившаяся ситуация вызывает тревогу не только потому, что страдают люди, наносится прямой ущерб экосистеме, – восстановление популяций редких и исчезающих видов растений и животных может занимать десятки лет.

Модели финансирования программ сохранения дикой природы

До ограничения путешествий с целью предотвращения распространения коронавируса доходы от природоориентированного туризма во многих регионах были значимым источником финансирования программ популяционно-видовой природоохранной деятельности. Кроме того, расширение круга стейкхолдеров, в частности, формирование бережного отношения к дикой природе со стороны местного населения (важность мотивации которого обусловлена прежде всего тем, что значительная часть редких и исчезающих видов растений и животных распространена вне управляемых государством заповедных территорий) во многом было основано на демонстрации большей доходности экотуризма, обеспечиваемой в том числе выручкой от предоставления локальными сообществами услуг по транспортировке, размещению и сопровождению туристов, а также расширением рынка сбыта продукции местных производителей, по сравнению с альтернативными, разрушающими природу, способами обеспечения жизненных потребностей [Fletcher, Buscher, 2017].

Однако, хотя наличие экономических стимулов приводит к изменению поведения местного населения, оно не меняет его отношения к природе как к приносящему доход активу (если раньше люди охотились и рубили лес для поддержания нелегальной торговли дикими животными и лесом, то теперь они будут их охранять ради получения дохода от природоориентированного туризма). Соответственно,

---

¹¹ В Африке насчитывается более 20000 белых носорогов и только 4500 находящихся под угрозой исчезновения черных. Оба вида живут в *Okavango*, но эвакуируют только редких черных представителей вида, реинтродуцированных на данную территорию из Южной Африки. URL: <https://www.nationalgeographic.com/animals/2020/05/botswana-evacuates-black-rhinos-amid-poaching-and-coronavirus/> (дата обращения: 27.08.2020).

если потенциальная прибыль является единственной причиной сохранения дикой природы, то в случае экономического кризиса следует ожидать полного пренебрежения интересами последней¹².

Действительно, как показали несколько месяцев локдауна, отсутствие у местного населения внутренней мотивации к сохранению популяций редких и исчезающих видов растений и животных, а также исчезновение привычных источников к существованию (доходов от экотуризма) вынудили локальные сообщества в кратчайшие сроки вернуться к прежнему образу жизни, основанному на неустойчивом потреблении природных ресурсов.

Кроме того, выяснилось, что развитие экотуризма негативно сказалось на продовольственной безопасности локальных сообществ, поскольку большая часть населения радикально сменила сферу деятельности, переориентировавшись на обслуживание туристических потоков и отказавшись от ведения сельского хозяйства ради сохранения диких животных и среды их обитания (точнее, ради получения доходов от природоориентированного туризма).

Выявленные в процессе пандемии проблемы указывают на то, что рыночные механизмы стимулирования охраны окружающей природной среды обязательно должны сопровождаться программами устойчивого развития традиционного жизнеобеспечения для предотвращения резкого роста браконьерства и нелегальной вырубке лесов в случае возникновения тех или иных кризисов. Местное население должно иметь постоянную возможность поддерживать привычный уровень жизни с помощью какой-либо деятельности, отличной от экотуризма и совместимой с задачей сохранения дикой природы.

Таким образом, назрела необходимость переосмысления существующей модели финансирования природоохранных программ. Видимо, не стоит полагаться в этом вопросе исключительно на доходы от экотуризма, нужны дополнительные источники, способные обеспечить непрерывность природоохранной деятельности в случае кризиса туристической отрасли. Одним из важных шагов в этом направлении, по мнению некоторых экспертов¹³, могла бы стать

---

¹² Serhadli, S. Market-based solutions cannot solely fund community-level conservation. Mongabay, 11.05.2020. URL: <https://news.mongabay.com/2020/05/market-based-solutions-cannot-solely-fund-community-level-conservation-commentary/> (дата обращения: 27.08.2020).

¹³ Robinson, J. As wildlife tourism grounds to a halt, who will pay for the conservation of nature? Mongabay, 23.04.2020. URL: <https://news.mongabay.com/2020/04/as-wildlife-tourism-grounds-to-a-halt-who-will-pay-for-the-conservation-of-nature/> (дата обращения: 27.08.2020).

разработка системы компенсации международным сообществом соответствующих расходов развивающихся стран, поскольку сохранение биоразнообразия является глобальной экологической задачей.

В ожидании реформ природоохранные организации для продолжения своей деятельности пытаются компенсировать недополученные из-за пандемии доходы от природоориентированного туризма, используя поддержку благотворительных фондов¹⁴, принимая участие в развитии виртуального экотуризма¹⁵ и, что весьма неожиданно, в разработке компьютерных игр¹⁶.

Развитие природно-рекреационной отрасли в России

Несмотря на высокий потенциал развития экологического туризма в нашей стране, поддерживаемый, прежде всего, наличием уникальных природных ресурсов (на сегодняшний день статусом объекта всемирного наследия ЮНЕСКО обладают 34 особо охраняемых природных территории Российской Федерации¹⁷), доля экотуризма в структуре российского туристического

---

¹⁴ Например, фонд *Lion's Share* в тесном сотрудничестве с Программой развития ООН (*UN Development Programme*) финансирует сохранение дикой природы (подробнее см. URL: <https://www.thelionssharefund.com/>); *IUCN Save Our Species* предоставляет на конкурсной основе гранты природоохранным НКО с целью поддержания численности популяций редких и исчезающих видов (см. URL: <https://www.saveourspecies.org/news/news/>).

¹⁵ Так, *Virtual Ecotourism project* предлагает интерактивные туры с целью привлечения внимания к популяционно-видовым природоохранным проблемам (см. URL: <https://www.vecotourism.org/>).

¹⁶ В частности, с целью привлечения внимания к проблемам охраны диких животных, НКО *Internet of Elephants*, *Borneo Nature Foundation* и *Goulougo Triangle Ape Project* совместно разработали приложение *Wilderverse* для мобильных платформ, которое позволяет в формате дополненной реальности наблюдать за реальными приматами, обитающим в дикой природе. Наблюдение за орангутангом Фио, живущем на Борнео, Букой, гориллой из Камеруна, шимпанзе Аидой из Центральной Африки и сопровождающими их учеными в удивительном мире дополненной реальности позволяют пользователю наблюдать за жизнью диких джунглей. Разработчики игры надеются, что виртуальное взаимодействие с дикой природой, ставшее возможным благодаря приложению, позволит обеспечить повышение степени информированности общественности о растущей уязвимости высших приматов (подробнее см. URL: <https://www.un-grasp.org/great-ape-awareness-goes-viral/>)

¹⁷ По количеству природных объектов, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО (этим высоким статусом обладают «Девственные леса Коми», «Озеро Байкал», «Вулканы Камчатки», «Золотые горы Алтая», «Западный Кавказ», «Центральный Сихотэ-Алинь», «Убсунурская котловина», «Остров Врангеля», «Плато Путорана», «Ленские столбы» и «Ландшафты Даурии») Россия занимает четвертое место в мире, уступая Китаю, США и Австралии. Источник: Фонд «Охрана природного наследия», URL: <http://www.nhpfund.ru/world-heritage/russian-sites.html> (дата обращения: 27.08.2020).

рынка, по оценке Ростуризма¹⁸, в 2019 г. не превышала 2% (средний общемировой показатель составляет около 10%). При этом и доля всей туристической индустрии в ВВП России, по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, в 2019 г. едва достигала 5%, тогда как в глобальном масштабе вклад туризма и путешествий в ВВП составил 10,3%¹⁹.

Необходимо заметить, что в некоторых случаях экотуризм является единственным допустимым в соответствии с природоохранным законодательством видом деятельности, позволяющим разрешить социально-экономические проблемы территории высокой природной ценности; помимо этого, развитие рекреации и туризма может способствовать переходу региональной экономики на путь устойчивого развития. В частности, развитие природоориентированного туризма на прилегающей к г. Байкальску территории помогло бы решить социальные проблемы моногорода, характеризующегося высоким уровнем безработицы вследствие закрытия в 2013 г. градообразующего предприятия [Блам Ю. Ш., Блам И. Ю., 2020].

Кроме того, развитие экотуризма на российских охраняемых природных территориях могло бы стать очень необходимым дополнительным источником их финансовой поддержки. Так, в Канаде в 2017 г. только прямые налоговые отчисления от природоориентированной туристической деятельности более чем в пять раз превысили расходы государства на охрану природы (1,7 млрд против 300 млн долл. США), а в США, при ежегодных дотациях из госбюджета в 3 млрд долл. совокупный доход от посещений заповедных территорий составил 14,2 млрд долл.²⁰

По данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ, в 2019 г. ООПТ федерального значения посетило свыше 8 млн человек (на 15% больше, чем годом ранее), причем доля иностранных туристов не превышала 3% от общего числа, что

---

¹⁸ URL: <https://tass.ru/obschestvo/6518680> (дата обращения: 27.08.2020).

¹⁹ Источники: Доклады Всемирного совета по туризму и путешествиям (*World Travel and Tourism Council*) «Global Economic Impact & Trends 2020» и «Russian Federation 2020». URL: www.wttc.org/Research/economic-impact (дата обращения: 27.08.2020).

²⁰ Буторина Е. Популярность экотуризма растет пропорционально ухудшению экологии планеты // Профиль. 2019. 5 мая. URL: <https://profile.ru/lifestyle/travels/populyarnost-ekoturizma-rastet-proporcionalno-uxudsheniyu-ekologii-planety-141003/> (дата обращения: 23.10.2020).

в значительной мере объясняется недостаточной информационной поддержкой российских объектов природной рекреации²¹.

Принимая во внимание значительную площадь, занимаемую ООПТ в России²², можно утверждать, что экологический туризм в нашей стране находится на начальном этапе своего развития²³. В 2018 г. Правительство РФ предприняло попытку изменить ситуацию: среди основных целей федерального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» были заявлены формирование инфраструктуры экологического туризма и увеличение количества посетителей ООПТ федерального значения – к 2024 г. оно должно было достигнуть 10,3 млн человек.

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в эти планы. С одной стороны, в июне 2020 г., мобилизуя средства для смягчения последствий коронакризиса, правительство приняло решение не только сократить общее финансирование национального проекта «Экология» (причем были изъяты практически все незаконтрактованные бюджетные средства без какого-либо учета приоритетов природоохранной политики), но и перенаправить деньги проекта «Сохранение биоразнообразия и развитие эко-туризма» на «информационное и экспертно-социологическое сопровождение» национальных проектов [Шаповалов, 2020]. С другой стороны, пандемия коронавируса изменила структуру и направление туристических потоков, а также привела к значительному росту спроса на отдых на российских объектах природно-рекреационной индустрии²⁴.

К сожалению, неконтролируемый рост числа посетителей увеличил риски превышения экологической емкости популярных природных объектов и ухудшения качества окружающей среды. Между тем конкурентоспособность объекта природной

---

²¹ URL: http://www.mnr.gov.ru/press/news/populyarnost_ekoturizma_v_rossii_rastet_v_2019_godu_kolichestvo_posetiteley_oopt_prevysilo_8 mln_che/ (дата обращения: 27.08.2020).

²² По данным Всемирного фонда дикой природы (*WWF Россия*), к началу 2020 г. в России существовало 248 федеральных ООПТ и около 10 500 ООПТ регионального значения различных категорий, которые составляли свыше 13% от общей площади страны. Источник: URL: <https://wwf.ru/what-we-do/bio/development-of-system-of-especially-protected-natural-territories/> (дата обращения: 27.08.2020).

²³ Для сравнения: в США национальные природные парки ежегодно посещает 318 млн человек URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/70908/> (дата обращения: 27.08.2020).

²⁴ URL: <https://infopro54.ru/news/start-pozdnij-no-burnyj/> (дата обращения: 27.08.2020).

рекреации в долгосрочном периоде во многом определяется сохранением экологической целостности [Romão at al., 2014], а его устойчивое развитие требует управления рекреационной нагрузкой с целью сохранения уникальных ландшафтов и экосистем.

Тем не менее, по нашему мнению, ситуативная популярность экотуризма может быть использована для привлечения бизнеса к реализации «Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.», в которой важная роль в осуществлении природно-рекреационных проектов на территории ООПТ отводится частно-государственному партнерству²⁵ (при безусловной приоритетности их функции сохранения уникальных природных ландшафтов и экосистем)²⁶.

Ограничительные мероприятия, направленные на предотвращение распространения пандемии коронавируса, не нанесли существенного вреда учреждениям заповедной системы России, в основном ввиду низкой доли доходов от организации туристической деятельности в их бюджете. В течение всего периода локдауна научно-исследовательская работа была переведена в дистанционный режим, посетителям было предложено отправиться в виртуальные путешествия, образовательные проекты также были реализованы в новом формате на виртуальных площадках²⁷.

Однако, на наш взгляд, весьма высока вероятность, что коронакризис и вызванная им ситуативная неопределенность приведут к ослаблению правового природоохранного регулирования. Так, в апреле 2020 г. Российский союз промышленников и предпринимателей обратился в правительство с просьбой приостановить экологический надзор, контроль и другие процедуры экологического регулирования под тем предлогом, что получение разрешительных документов и проведение общественной экологической экспертизы способствуют распространению COVID-19

---

²⁵ «Стратегия...» предусматривает в качестве одной из итоговых целей реализацию модели экологического туризма на территории не менее 50% национальных парков (Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года утверждена распоряжением от 20 сентября 2019 г. № 2129-п). URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/strategiya_razvitiya_turizma_v_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2035_goda_utverzhdena_rasporyazheniem_ot_20_sentyabrya_2019_g_2129_r.html (дата обращения: 27.08.2020).

²⁶ Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/7646> (дата обращения: 27.08.2020).

²⁷ URL: http://www.mnr.gov.ru/press/news/karantin_shag_k_novym_vozmozhnostyam_zapovednaya_sistema_rossii_otvechaet_na_vyzovy_vremeni_novymi_ff/?sphrase_id=301005 (дата обращения: 27.08.2020).

[Шаповалов, Давыдова, 2020]. В Государственной думе прозвучало предложение об отказе от научных исследований в процессе формирования Красной книги РФ, что может привести к манипуляции данными с целью разрешения охоты на редких животных и ослабит систему их защиты [Васильева, 2020].

Более того, в июне 2020 г. в Госдуму внесен законопроект²⁸, предлагающий наделить Правительство РФ полномочиями уменьшать территории национальных парков, изменять их границы и исправлять технические ошибки в определении границ [Шаповалов, 2020]. Однако, по мнению экспертов Всемирного фонда дикой природы (WWF России), нарушение целостности уникальных природных комплексов, среды обитания и путей миграций редких и находящихся под угрозой исчезновения представителей дикой фауны может крайне негативно сказаться на реализации задач сохранения биоразнообразия²⁹.

Заключение

Последствия пандемии COVID-19, предоставив материал для переосмысления роли экотуризма в финансировании природоохранной деятельности, убеждают в том, что природоориентированный туризм должен принимать такие формы, чтобы его отсутствие не требовалось для нормального функционирования экосистем, так же, как и его наличие не должно быть необходимым условием сохранения уникальных природных объектов.

Частичное восстановление экосистем, наблюдаемое после прекращения туристического потока на популярных объектах природной рекреации, привлекло внимание к масштабному ущербу, наносимому избыточным количеством посетителей экологическим системам, и наглядно продемонстрировало необходимость жесткого контроля рекреационной нагрузки и создания адаптированной к требованиям заповедных территорий инфраструктуры.

---

²⁸ Проект Федерального закона N974393-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации". URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=196334#09101539085893466> (дата обращения: 27.08.2020).

²⁹ URL: <https://wwf.ru/resources/news/Regulirovanie/popravki-k-zakonu-ob-osobo-okhranyaemykh-territoriyakh-nanesut-uron-zapovednoy-prirode-rossii/> (дата обращения: 27.08.2020).

В то же время ограничения, введённые с целью предотвращения распространения коронавируса в тех регионах, где основным источником финансирования природоохранной деятельности и важной составляющей бюджетов домашних хозяйств являлись доходы от природоориентированного туризма, стали причиной сокращения численности редких и исчезающих видов флоры и фауны, значительного увеличения случаев нелегального использования природных ресурсов и резкого снижения уровня жизни местного населения.

Пандемия коронавируса показала несостоятельность использования исключительно рыночных методов в деле решения проблемы сохранения биоразнообразия и уникальных природных ландшафтов. Финансирование природоохранной деятельности должно дополнительно поддерживаться средствами национальных государственных программ и международных фондов. Например, если бы в Африке финансирование природоохранной деятельности международными организациями играло значимую роль, деятельность природоохранных организаций не прекратилась бы в период отсутствия доходов от экотуризма (локдауна).

В России, где ООПТ страдают от недостаточного финансирования, привлечение частного капитала к созданию инфраструктуры природоориентированного туризма позволило бы не только обеспечить уникальные природные территории дополнительными доходами, но и способствовало бы социально-экономическому развитию регионов размещения. Именно частно-государственное партнерство могло бы обеспечить эффективное развитие туристической отрасли с соблюдением всех экологических требований и гарантировать как усиление общественной поддержки природоохранной деятельности, так и дальнейшее расширение системы ООПТ.

Литература/ References

Блам Ю. Ш., Блам И. Ю. К вопросу о развитии экотуризма в России // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 301–317. DOI: 10.15372/REG20200312.

Blam, Yu., Blam, I. (2020). On the development of ecotourism in Russia. *Region: Economics and Sociology*. No. 3. Pp. 301–317. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20200312.

Васильева А. Красную книгу снова попытались отредактировать // Коммерсантъ. 2020. 23 апр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4329041?from=main_4#id1822570.

Vasilieva, A. (2020). New attempts to edit the Red Book. *Kommersant*. April 23. (In Russ.) Available at: URL: https://www.kommersant.ru/doc/4329041?from=main_4#id1822570 (accessed 27.08.2020).

Давыдова А. Вирус обеспечил природе передышку // Коммерсантъ. 2020. № 151. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4465336>.

Davydova A. (2020). The virus gave nature a breathing space. *Kommersant*. No. 151. P. 2. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4465336> (accessed 20.10.2020).

Шаповалов А., Давыдова А. Вирус вседозволенности // Коммерсантъ. 2020. № 72. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4327027>.

Shapovalov, A., Davydova, A. (2020). Virus of permissiveness. *Kommersant*. No. 72. P. 2. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4327027> (accessed 27.08.2020).

Шаповалов А. Экологию перевели на режим самоулучшения // Коммерсантъ. 2020. № 111. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391780>.

Shapovalov, A. (2020). Ecology was switched to self-enhancement mode. *Kommersant*. No. 111. P. 2. (In Russ.). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4391780> (accessed 27.08.2020).

Capocchi, A., Vallone, C., Pierotti, M., Amaduzzi, A. (2019). Overtourism: A Literature Review to Assess Implications and Future Perspectives. *Sustainability*. 11, 3303. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11123303>.

Fletcher, R., Büscher, B. (2017). The PES conceit: Revisiting the relationship between payments for environmental services and neoliberal conservation. *Ecological Economics*. Vol. 132. Pp. 224–231. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2016.11.002.

Gillespie, T.R., Leendertz F.H. (2020). COVID-19: protect great apes during human pandemics. *Nature*. No. 579 (7800). DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-020-00859-y>

Manenti, R., Mori, E., Di Canio, V., Mercurio, S., Picone, M., Caffi, M., Brambilla, M., Ficetola, G.F., Rubolini, D. (2020). The good, the bad and the ugly of COVID-19 lockdown effects on wildlife conservation: Insights from the first European locked down country. *Biological Conservation*. Vol. 249. 108728. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108728>.

Rangus, M., Bozinovski, B., Brumen, B. (2018). Ch. 13. Overtourism and the green policy of Slovenian Tourism. In *Responsible Hospitality: Inclusive, Active, Green* / Gorenak, M., Trdina, A., Eds. University of Maribor Press: Maribor, Slovenia. 264 p. DOI 10.18690/978-961-286-226-8.

Romão, J., Neuts, B., Nijkamp, P., Shikida, A. (2014). Determinants of trip choice, satisfaction and loyalty in an eco-tourism destination: a modelling study on the Shiretoko Peninsula, Japan. *Ecological Economics*. Vol. 107. Pp. 195–205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.07.019>.

Rutz, C., Loretto, M., Bates, A.E. et al. (2020). COVID-19 lockdown allows researchers to quantify the effects of human activity on wildlife. *Nature Ecology & Evolution*. Vol. 4. Pp. 1156–1159. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41559-020-1237-z>.

Świąder, M. (2018). The implementation of the concept of environmental carrying capacity into spatial management of cities: A review. *Management of Environmental Quality*. Vol. 29. No. 6. Pp. 1059–1074. DOI: <https://doi.org/10.1108/MEQ-03-2018-0049>.

Статья поступила 06.09.2020.

Статья принята к публикации 09.10.2020.

Для цитирования: Мкртчян Г.М., Блам И.Ю. Экотуризм и природоохранная деятельность до и после пандемии COVID-19 // ЭКО. 2021. № 2. С. 25-39. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-25-39.

Summary

Mkrтчian, G.M., Doct. Sci. (Econ.), Blam, I. Yu., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Ecotourism and Conservation in time of COVID-19 Pandemic and Beyond

Abstract. The COVID-19 pandemic has attracted attention to environmental and financial risks related to nature-oriented tourism. The opinion well-established in the modern economic literature that ecotourism is the best alternative to non-sustainable use of natural resources and an important (sometimes the only one) source of financing conservation has been put under revision.

Recovery of ecosystems observed after travel restrictions were implemented in order to mitigate the expansion of the coronavirus has attracted attention to large-scale damaging impact of ecotourism on ecosystems located on popular tourist routes. The urgent need for a tight control over the recreational burden and building infrastructure adapted to the needs of protected areas has been confirmed. At the same time, a sudden drop in the tourist flow in the regions where nature-oriented tourism was the main source of financing nature-preserving activities has caused a decline in the number of rare and endangered species of flora and fauna, a considerable rise in the number of cases of illegal use of natural resources, and a steep decline in the living standards of the local population.

After analyzing the current situation, the authors conclude that financing of nature-preserving activities should not be done only on the basis of ecotourism revenues but should also be supported by governments and international organizations. Public-private partnership could provide for efficient development of ecotourism in protected areas subject to the fulfilment of all ecological requirements, promote social support to development of specially protected natural areas network, attract additional money to finance nature-preserving activities.

Keywords: *ecotourism; sustainability; COVID-19 pandemic; conservation; market-based instruments*

For citation: Mkrтчian, G.M., Blam, I. Yu. (2021). Ecotourism and Conservation in time of COVID-19 Pandemic and Beyond. *ECO*. No. 2. Pp. 25-39. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-25-39.

Экономические потери европейских футбольных клубов, вызванные коронавирусом

И.В. СОЛНЦЕВ, кандидат экономических наук.

E-mail: ilia.solntsev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9562-8535

РЭУ им. Г. В. Плеханова,

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

Аннотация. Целью данного исследования является анализ экономических последствий пандемии коронавируса COVID-19 в европейском футболе, их сравнение с российской практикой и разработка предложений по управлению футбольными клубами в новых условиях. Автор приходит к выводу, что при условии возобновления игр финансовые потери европейских футбольных лиг ограничиваются выпадающими доходами в день матча и сокращением спонсорских контрактов. При этом клубы могут воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы снизить затраты и реализовать новые коммерческие проекты. Точный объем ущерба зависит от сроков окончательного снятия ограничений и индивидуальных особенностей каждого клуба с учетом диверсификации выручки, коммерческого потенциала и структуры расходов.

Ключевые слова: экономика спорта; финансы в спорте; экономика футбола; финансы в футболе; оценка ущерба; COVID-19; влияние коронавируса на экономику

Введение

Спорт играет важную роль в жизни людей сразу по нескольким аспектам, причем существуют экономические оценки этого влияния. Так, коллектив британских исследователей [Davies et al., 2019] установил, что занятия спортом и физические упражнения позволяют:

- предотвратить или уменьшить проблемы физического и психического здоровья и снизить расходы на здравоохранение;
- адаптироваться в обществе (в первую очередь – молодым людям) и снизить уровень преступности;
- сформировать социальный и экономический капитал благодаря волонтерству;
- улучшить результаты в учебе (в первую очередь – психологические и познавательные возможности);

- сформировать позитивное восприятие окружающего мира (субъективное благополучие) – повысить уровень удовлетворенности жизнью или счастья.

Для Великобритании общий положительный эффект за 2014 г. был оценен авторами в 44,75 млрд фунтов. К негативным последствиям, формируемым спортом, относятся травмы; рост насилия и употребления алкоголя; социальная изоляция в спортивных клубах.

Целый ряд экономических эффектов, связанных со спортом, формируется за счет строительства инфраструктуры (стадионов, тренировочных центров, площадок и т.д.), создания новых рабочих мест, затрат населения на приобретение инвентаря и экипировки, а также на оплату занятий в секциях, посещение матчей, поездок в другие регионы в качестве участников соревнований и болельщиков. По данным совместного исследования нескольких европейских институтов [European Commission., 2018], в 2012 г. валовой внутренний продукт (ВВП), связанный со спортом, составлял 279,7 млрд евро, или 2,12% от общего ВВП Европейского союза. Кроме того, в индустрии спорта было занято 5,67 млн работников (2,72%). Иными словами, каждый 47-й евро и каждый 37-й работник в Европе напрямую связаны со спортом.

При этом формируемые эффекты заметно различаются в зависимости от вида спорта – его доступности и популярности. По обоим критериям один из явных лидеров в Европе – футбол. Для занятий этим видом спорта на любительском уровне не требуется специальной инфраструктуры и оборудования, что делает его доступным. Этот факт, а также зрелищность соревнований обеспечивают футболу высокую популярность. Согласно данным Nielsen¹, только в пяти странах Европы (топ-5 футбольных рынков: Англия, Германия, Испания, Италия, Франция) футболом интересуются около 131 млн человек. Лидирует футбол и по финансовым показателям: в 2018-м финансовом году выручка всех футбольных клубов Европы составила 21,083 млрд евро (среднегодовой темп роста с 2009 г. – 6,7%).

---

¹ URL: <https://www.nielsen.com/eu/en/insights/article/2018/fan-favorite-the-global-popularity-of-football-is-rising/>

Однако данные показатели были зафиксированы до пандемии коронавирусной инфекции, которая привела к остановке всех спортивных соревнований из-за угрозы распространения заболевания. Мировая индустрия спорта еще не сталкивалась с подобными проблемами, соответственно, отсутствуют и исследования возможных потерь как в целом, так и в разрезе отдельных видов спорта и соревнований.

Источникам дохода футбольных клубов и моделям ведения бизнеса посвящено довольно большое число работ. В начале 1970-х с подачи П. Слоуна были выделены две возможные стратегии: максимизация прибыли или полезности (англ. – utility, понимается как количество спортивных побед) [Sloane, 1971]. Однако многочисленные эмпирические и теоретические исследования, в которых предпринимались попытки проверить две эти конкурирующие гипотезы, не дали однозначного заключения в пользу какой-то одной из них. Впрочем, нужно отметить, что обе они носят сугубо теоретический характер – в современном спорте конечный финансовый результат во многом определяется спортивными победами (данный тезис является одной из гипотез и настоящего исследования).

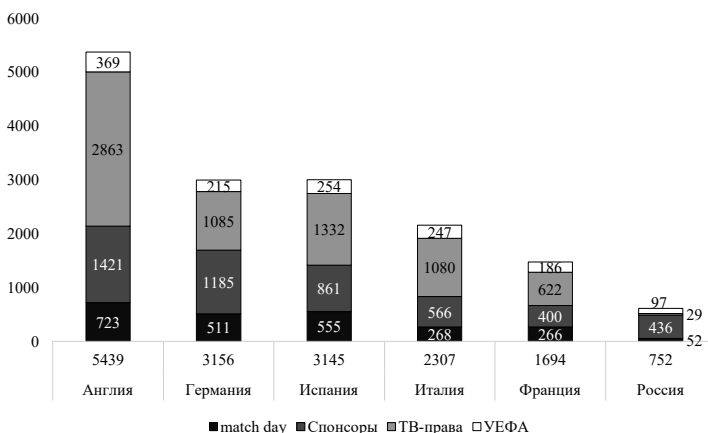
Ряд авторов рассматривали, как стратегия максимизации числа побед влияет на инвестиции в таланты, конкурентный баланс лиги и прибыль клубов [Dietl et al., 2011; Kesenne, 1996; Leach, Szymanski, 2015; Rohde & Breuer, 2016; Szymanski, 2010]. В других работах подробно рассмотрены различные аспекты организации финансов современных футбольных клубов [Szymanski, Kuper, 2009; Солнцев, 2019].

Целью настоящей статьи является оценка ущерба от остановки соревнований (и их последующего возобновления без зрителей) в топ-5 футбольных лигах Европы и Российской Премьер-Лиге, а также разработка рекомендаций по управлению футбольными клубами в новых условиях сохраняющихся ограничений на проведение массовых мероприятий.

Под ущербом в данной работе понимаются финансовые потери, связанные с недополученными доходами и ростом затрат. Следовательно, расчеты базируются на детальном анализе структуры выручки современных футбольных клубов.

Анализ структуры выручки футбольных клубов

Укрупненно доходы любого футбольного клуба состоят из четырех основных источников – выручка от проведения матчей (match-day), спонсорские контракты, продажа телеправ на трансляцию игр и призовые за участие в турнирах УЕФА. Как видно на рисунке 1, у каждой лиги своя структура выручки. За последние годы доля доходов от продажи телевизионных прав становится все весомее. Одновременно растет и разрыв по этому показателю между странами. Так, в 2018 г. телевизионные доходы высшей футбольной лиги в Англии и России составили соответственно 2,863 млрд и 29 млн евро.

Источник рис 1–4, 7: [UEFA, 2020].

Рис. 1. Структура доходов высших футбольных лиг Европы и России в 2018 г., млн евро

Каждый клуб Английской Премьер-Лиги (АПЛ) зарабатывает на телеправах больше, чем все остальные клубы ведущих чемпионатов Европы, без учета Барселоны и Реала. При этом именно в АПЛ доходы распределены наиболее равномерно: выручка самого успешного клуба превышает доходы последнего в списке в 1,6 раза, для Серии А этот показатель составляет 2,3, а лидирует ЛаЛига – 3,6².

² Отметим, что так было не всегда: до перехода на коллективную продажу прав лидер получал в 11,6 раза больше.

Еще более пестрая картина возникает при сравнении структуры выручки отдельных европейских клубов. Топ-20 европейских клубов по доходам от продажи ТВ-прав в 2018 г. представлены на рисунке 2. Как мы видим, различаются не только суммы выручки, но (еще более разительно) и ее доля в доходах каждого клуба.

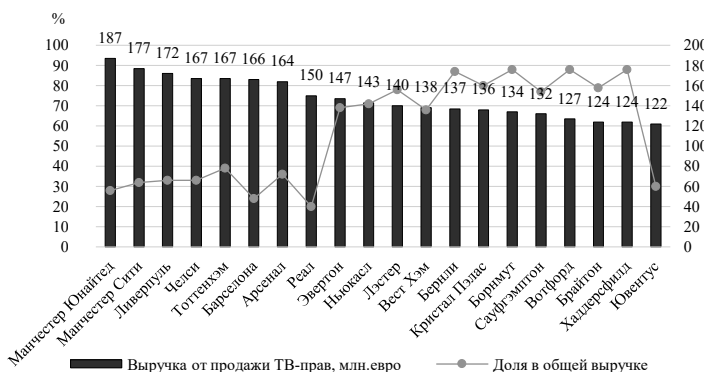

Рис. 2. Выручка от продажи ТВ-прав (правая шкала) и ее доля в общей выручке (левая шкала) клубов Европы в 2018 г., лидирующих по этому показателю

Российским клубам пока не приходится рассчитывать на подобные выплаты, и главный потенциал для заработка формируют две статьи дохода: выручка от проведения матчей и призовые за участие в еврокубках. Первое направление развивается активно, однако только у крупных клубов – «Спартак», «Зенита», «ЦСКА» и «Краснодара». Определяющим фактором здесь является база болельщиков, которые приходят на стадион и тратят деньги. Два других важнейших фактора – качество инфраструктуры и вместимость арен. После 2018 г. количество современных стадионов в России выросло, однако даже клубы, проводящие свои матчи на аренах ЧМ-2018, не всегда могут похвастаться высокой посещаемостью (ФК «Сочи», «Урал», «Рубин»). В результате в целом по лиге процент таких доходов остается минимальным в Европе – 7% (рис. 1).

Двадцатка европейских клубов, заработавших больше других на проведении матчей в 2018 г., представлена на рисунке 3.

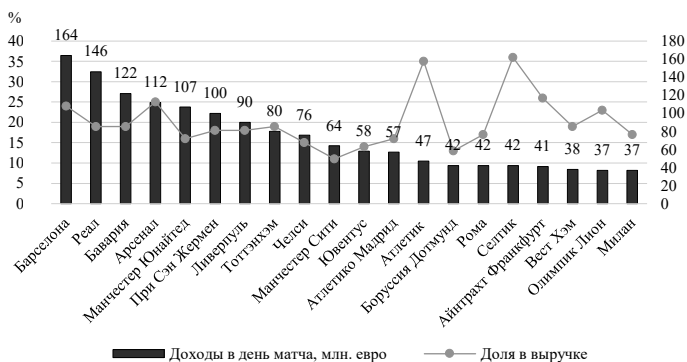

Рис. 3. Выручка в день матча (правая шкала) и доля в общей выручке (левая шкала) клубов Европы в 2018 г., лидирующих по этому показателю

Участие в Лиге чемпионов и Лиге Европы УЕФА может существенно улучшить финансовое состояние клуба, но эти доходы напрямую зависят от спортивных успехов. Совокупные выплаты клубам, участвующим в Лиге чемпионов, могут достигать 50 млн евро, но на подобную сумму можно претендовать лишь при условии выхода в ¼ финала. Лидеры по доходам УЕФА в 2018 г.³ представлены на рисунке 4.

Призовые в Лиге Европы выплачиваются по схожей схеме, но в существенно меньшем размере. Кроме того, участие в еврокубках позволяет хорошо заработать на билетах и атрибутике, а также может поспособствовать продаже игроков (об этом источнике дохода расскажем далее).

Косвенно спортивные результаты влияют и на остальные источники дохода – выручку от проведения матчей и поступления от спонсоров. Клубы, демонстрирующие красивую игру и набирающие очки, как правило, привлекают больше внимания зрителей, что положительно сказывается на посещаемости⁴, а, следовательно, и на доходах от продажи билетов, кейтеринга и мерчендайзинга (продажи атрибутики). Спонсоры также более

³ Разумеется, в другие годы состав лидеров будет иным, однако анализ годовых изменений структуры выручки не входит в задачи данного исследования.

⁴ Справедливости ради нужно заметить, что у некоторых клубов эта зависимость выражена не так явно – тут многое зависит от преданности болельщиков и профессионализма маркетологов.

охотно сотрудничают с клубами, претендующими на высокие места. Больше того, размер выплат по спонсорским контрактам напрямую определяется итоговым местом в турнирной таблице и участием клуба в статусных турнирах (доходы могут зависеть, например, от выхода в Лигу чемпионов и стадию, на которой клуб закончит свое выступление в ней)⁵.

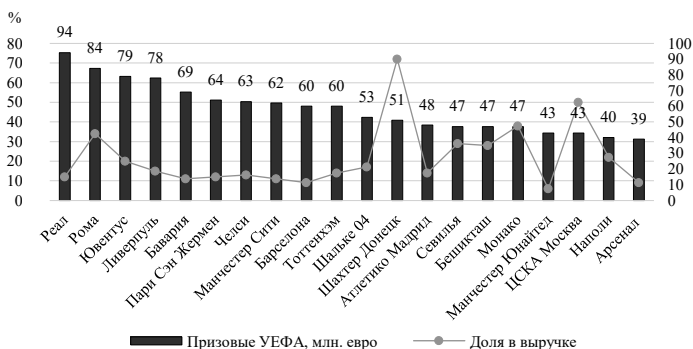

Рис. 4. Лидеры по выплатам от УЕФА в 2018 г.
(сумма призовых – правая шкала,
доля в выручке – левая шкала)

Топ-20 европейских клубов по сумме доходов от спонсорских контрактов в 2018 г. представлены на рисунке 5.

Важной статьёй выручки клубов является продажа игроков, однако в данной работе она не учитывается. Главная цель настоящего исследования – это оценка потенциальных потерь, а оценить недополученную выручку от трансферов в условиях ограничений весьма проблематично.

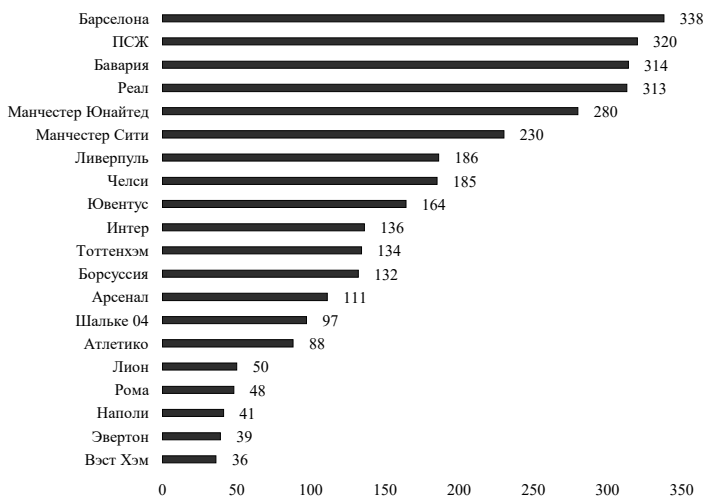
По данным KPMG⁶, в период с февраля по май 2020 г. совокупная рыночная стоимость игроков в европейских лигах из-за пандемии снизилась на 17,6%, или 6,6 млрд евро. С мая по август 2020 г. произошло увеличение на 3,8%, однако все это не находит отражения в отчетности клубов. Конкретный финансовый

⁵ Помимо результативности, спонсоры принимают во внимание бренд клуба, его популярность у болельщиков (посещаемость, телерейтинги), и, конечно, тут тоже многое зависит от эффективности маркетинга.

⁶ URL: https://footballbenchmark.com/library/player_valuation_update_slight_recovery_of_market_values

результат может быть определен только по итогам года и будет индивидуален для каждого клуба.

Источник: The Swiss Ramble.

Рис. 5. Клубы, лидирующие по заработкам на спонсорских контрактах, в 2018 г., млн евро

Далее, руководствуясь данными о структуре доходов, постараемся оценить в денежном выражении масштаб потерь для топ-5 лиг Европы и Российской Премьер-Лиги.

Оценка потенциальных потерь ведущих лиг Европы

Главным продуктом любого футбольного клуба, который и приносит ему деньги, является матч. Приостановка, а тем более – отмена соревнований ставит под угрозу абсолютно все статьи доходов. Следовательно, базой для расчета потенциальных потерь в нашем исследовании будет служить число несыгранных матчей, а оценить потери можно исходя из простой пропорции. Для этого мы определили процент оставшихся матчей для каждой лиги после того, как в марте 2020 г. все чемпионаты были приостановлены (табл. 1, рис. 6).

Число матчей и доходы футбольных лиг Европы

Лига	Число оставшихся матчей	Общее число матчей за сезон	Осталось сыграть, %	Match-day доходы, млн евро	Спонсоры, млн евро	ТВ, млн евро
АПЛ	92	380	24	723	1421	2863
Бундеслига	74	306	24	511	1185	1085
ЛаЛига	110	380	29	555	861	1332
Серия А	124	380	33	268	566	1080
Лига 1	101	380	27	266	400	622
РПЛ	64	240	27	52	436	29

Источник табл., рис. 6: составлено автором по данным KPMG Football Benchmark.

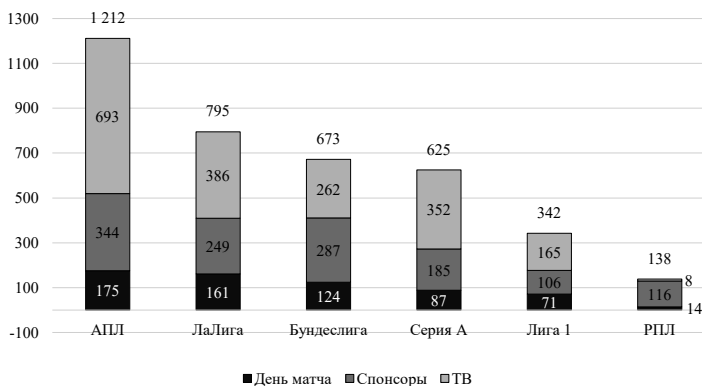

Рис. 6. Потенциальные потери клубов «большой пятерки» и РПЛ (при условии, что матчи, оставшиеся до конца первенства, не будут сыграны), млн евро

Отметим, что данные расчеты предполагают несколько допущений.

1. Учитывается только число отмененных матчей – игры без зрителей, а также с ограниченным числом зрителей (например, домашняя игра «ЦСКА», когда весной 2020 г. клуб, чтобы ограничить количество зрителей пятью тысячами для соблюдения социальной дистанции, устроил конкурс среди владельцев абонементов) незначительно, но увеличат сумму потерь.

2. Оценка и признание потерь в бухгалтерской отчетности будут отличаться для каждой из статей. Отдельные источники дохода у наиболее продвинутых клубов могут быть застрахованы;

выручка от продажи абонементов признается по-разному, и возможность возврата ее части требует индивидуального обсуждения с болельщиками; некоторые статьи дохода (точнее, их потеря) подпадут под категорию форс-мажорных.

3. Потери рассчитаны в евро, при этом для клубов РПЛ не очевидно, какой курс евро применять.

4. Рассчитаны величины потерь по каждой лиге, однако для каждого клуба внутри конкретной лиги глубина кризиса будет индивидуальна в зависимости от диверсификации выручки и обязательств перед игроками (в том числе от валюты обязательств по заработной плате).

5. Дополнительно нужно учесть призовые УЕФА. Благодаря возобновлению матчей после отмены ограничений участники Лиги чемпионов УЕФА-2019/20 и Суперкубка УЕФА-2019 должны получить в общей сложности 2,04 млрд евро⁷.

В июне 2020 г. проведение большинства чемпионатов возобновилось, так что приведенные на рисунке 6 цифры будут скорректированы в сторону уменьшения. Но здесь нужно иметь в виду следующие факторы.

Французская Лига 1 все же приняла решение закончить чемпионат, что привело к целому ряду судебных исков со стороны клубов, недовольных итоговым местом в таблице, а также к существенным финансовым потерям. В силу того, что часть матчей так и не была сыграна, лига не выполнила обязательства перед вещателями и спонсорами и лишилась соответствующих доходов⁸.

Права на трансляции матчей принадлежали компаниям *Canal Plus* и *beIN*, которые перечисляли деньги три раза в год равными траншами на счет лиги, которая в свою очередь распределяла их между клубами. После отмены сезона контракт был расторгнут, в итоге клубы недополучили оставшийся транш – и лиге пришлось брать кредит, чтобы компенсировать потери клубов. При этом была достигнута договоренность об увеличении ТВ-контракта на следующий сезон, а разницу между старым и новым контрактами (около 400 млн евро) разделили поровну между

⁷ URL: <https://ru.uefa.com/uefachampionsleague/news/0253-0e99cd0872f4-d9688bdfdadf-1000>—распределение-доходов-в-лиге-чемпионов-2019-20/

⁸ URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/murovei/2795083.html>, Денис Смирнов, Отказ Франции от рестарта – дорогая ошибка.

всеми клубами лиги. Однако эти деньги поступили только после возобновления сезона.

Существенные потери были связаны и со спонсорскими доходами. Летом 2019-го «Бордо» подписал контракт с сетью бистро *Regent* на 1,5 млн евро в год. Из-за пандемии все рестораны закрылись, и *Regent* разорвала соглашение, ссылаясь на форс-мажор. «ПСЖ», по оценкам экспертов, также недополучила около 20 млн евро по соглашению с международной сетью отелей *Accor Live Limitless*.

Наконец, клубы лиги недополучат доходы от трансферов игроков. Годом ранее – летом 2019-го – они заработали на этой статье 450 млн долл., в 2020-м, по прогнозам экспертов *L'Equipe*, эта цифра упадет минимум на 200–250 млн. При этом многим клубам придется расстаться с «дорогими» с точки зрения зарплаты игроками, что негативно скажется на зрелищности и интересе зрителей.

Таким образом, для Французской Лиги потери окажутся максимальными. Оставшиеся четыре европейские лиги и Российская Премьер-Лига (РПЛ) приняли решение доиграть сезон, что позволило сохранить выручку от продажи телеправ и большую часть спонсорских контрактов, так что в итоге их потери ограничились только выручкой за проведение матчей. Из-за необходимости соблюдать социальную дистанцию и другие противоэпидемиологические меры количество зрителей было сильно ограничено (например, на играх РПЛ было разрешено заполнять стадионы лишь на 10%), и в основном это были владельцы абонементов, которые уже заплатили деньги клубам и едва ли будут приобретать атрибутику (то есть новых доходов не принесут). При этом еще один потенциальный источник дохода во время игр – кейтеринг – также оказался недоступен в силу запрета на продажу еды и напитков на территории стадионов.

В условиях кризиса особое внимание требуется уделить долговой нагрузке, которая у некоторых футбольных клубов во много раз превышает доходы (рис. 7). При этом обратим внимание: приведенные цифры не учитывают кредиторскую задолженность (в первую очередь по трансферам игроков), которая может быть очень существенной. Также к настоящему времени изменилась ситуация по «ЦСКА» – его кредит Внешэкономбанку был реструктурирован в конце 2019 г.

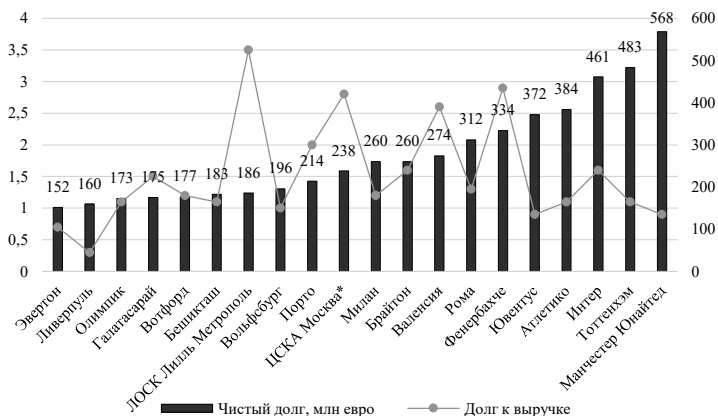

Рис. 7. Наиболее закредитованные клубы Европы в 2018 г.
(соотношение чистого долга и выручки – левая шкала,
сумма чистого долга – правая шкала)

В этих условиях особенно ценным активом становятся наличные деньги, которые есть далеко не у всех. Например, по данным The Swiss Ramble [The Swiss Ramble, 2020], в Английской Премьер-Лиге «живые деньги» составляют около 1 млрд фунтов стерлингов, причем львиная доля этой суммы (700 млн приходится на четыре клуба из 20: «Манчестер Юнайтед» – £308, «Арсенал» – £167, «Манчестер Сити» – £130 и «Тоттенхэм» – £101 млн.

Российские клубы не раскрывают объем имеющейся наличности, однако можно предположить, что соотношение их показателей и АПЛ будет аналогично тому, которое складывается по теледоходам.

Последствия ограничений для Российской Премьер-Лиги

В целом, изначально низкий уровень доходов российских клубов, а также скромный объем задолженности делает масштаб текущего кризиса не таким угрожающим для РПЛ. Сумма убытков фактически ограничилась потерей *match-day* дохода, которые оцениваются примерно в 14 млн евро. Очевидно, что эта сумма по-разному распределяется среди клубов лиги, но объективно

оценить эти цифры практически невозможно. Так, президент «Спартак» Леонид Федун заявил РБК⁹, что из-за отсутствия матчей клуб теряет в месяц 0,5 млрд руб. Из российских клубов на подобные доходы может рассчитывать только «Зенит», по словам главы которого, каждый матч без зрителей – это минус 80 млн руб.¹⁰

При этом многим клубам удалось сэкономить на зарплатах игроков. По данным УЕФА, в 2018 г. общая зарплатная ведомость Российской Лиги составляла 527 млн евро. В период пандемии в большинстве клубов были согласованы условия снижения зарплат. Топ-клубы, где зарплаты номинированы в иностранной валюте, договорились о снижении на 30–50%. Небольшие клубы, где зарплата выплачивается в рублях, вообще не вносили никаких изменений. Отдельные клубы изменяли порядок выплат на 2–3 месяца, но встречались и более долгосрочные стратегии, например, до конца 2020 г.¹¹ Если учитывать, что в общей сумме зарплат по всей лиге основная доля приходится на топ-клубы, и предположить, что заработные платы были урезаны на 30% сроком на три месяца, то получим экономию в 39,5 млн евро. При этом с конца февраля до 17 июня (дата возобновления игр РПЛ) курс евро вырос примерно на 13%, то есть сумма потенциальной экономии снизится до 34,4 млн евро. Получается, что российские клубы не только не понесли убытков, но даже смогли существенно сэкономить.

Конечно, следует учитывать индивидуальную ситуацию каждого клуба, в том числе возможный уход отдельных спонсоров либо сокращение выплат по контрактам. Однако в этот раз один из главных стратегических минусов российского футбола, а именно – зависимость от бюджетных средств и вливаний госкорпораций – в краткосрочной перспективе превратился в плюс – выплаты не были сокращены.

И все же в отдельных региональных клубах ситуация вызывает опасения. Например, доходы самарских «Крыльев Советов» (которые в итоге покинули РПЛ) на 80% состоят из средств областного

---

⁹ URL: <https://sportrbc.ru/news/5e78bb909a794749143987eb?ruid=uUjIA15HqrZP34lwAxZuAg==&from=center>

¹⁰ URL: <https://russian.rt.com/sport/news/744860-medvedev-zenit-dengi>

¹¹ URL: <https://www.sportsdaily.ru/articles/naskolko-kluby-rpl-sokratili-zarplaty-igrokam>

бюджета. По данным региональной счетной палаты¹², больше четырёх лет размер задолженности клуба превышает стоимость всего имущества, и несмотря на увеличение активов баланса, стоимость чистых активов остаётся отрицательной.

Меры по минимизации потерь и повышению устойчивости

Каковы могут быть меры, позволяющие клубам выйти из текущего кризиса, а также повысить общий уровень финансовой устойчивости в футболе?

По мнению автора, в плане решения текущих проблем работа менеджеров футбольных лиг и клубов должна сфокусироваться на минимизации затрат и в первую очередь – обязательств по заработной плате. В условиях пандемии одним из первых на такую меру пошел лидер по выплатам игрокам – «Барселона». Футболисты согласились на сокращение зарплаты на 70%, чтобы гарантировать 100% выплат всем сотрудниками клуба. Московский «Спартак» сократил заработную плату игроков на 40%.

Для России дополнительным вопросом, требующим согласования, может стать изменение валюты договора – по сложившейся практике даже соглашения с российскими игроками номинируются в долларах или евро. При этом с подобными проблемами отечественные клубы сталкивались уже неоднократно: каждый финансовый кризис приводил к росту курса валют относительно рубля, а, следовательно, и обязательств клуба.

Пересмотру соглашений препятствуют договоренности с иностранными игроками и лимит на легионеров, позволяющий российским футболистам требовать аналогичных с ними условий. Решением данной проблемы, по мнению автора, могло бы стать хеджирование валютных рисков, широко распространенное в тех отраслях, где выручка и расходы номинированы в разных валютах.

Среди текущих мер также стоит предусмотреть ослабление правил финансового fair play УЕФА, а также правил лицензирования клубов на уровне национальной ассоциации. УЕФА уже принял это во внимание, заявив о том, что в 2021 г. будут

---

¹² URL: https://63.ru/text/sport/69063817/?fbclid=IwAR2dzKKvufx71bjW9KlXatJc3a14VSEp1P9E9IioE__uC3_Q17qgXNC2LLo

проверяться только два периода: 2018 и 2019 гг., кризисный 2020 г. будет исключен из периметра. При этом период мониторинга 2022 г. будет охватывать четыре года: 2020 и 2021 гг. будут оцениваться как один период¹³.

В части обеспечения долгосрочной финансовой устойчивости и стабильного развития может быть предложен более широкий набор мер.

Прежде всего, это создание «подушки безопасности», или некоего антикризисного фонда. Для европейских клубов источником наполнения такого фонда могли бы стать средства от продажи ТВ-прав. Отчасти такой подход уже практикуется, например, для поддержки клубов низших дивизионов: определенные отчисления предназначены для тех команд, которые переходят в низшие лиги. Тем самым клубам обеспечивается нормальный переходный период после потери существенной части дохода.

Одной из первых так называемые парашютные платежи ввела Английская Премьер-Лига, которая предоставляет клубам, покинувшим лигу, часть той доли, которая распределяется в равной пропорции между всеми ее членами. Эти выплаты осуществляются в течение трех лет после выхода из АПЛ, с ежегодным снижением процента (или ограничиваются одним годом, если клуб немедленно возвращается в Премьер-Лигу). Поскольку выплаты напрямую связаны со стоимостью прав на телетрансляцию матчей лиги, суммы довольно значительны.

Испанская федерация несколько лет назад учредила фонд, в который ежегодно отчисляются 3,5% от общей стоимости прав на трансляцию. Средства фонда распределяются между клубами, покинувшими лигу, в зависимости от различных критериев, включая прошлые доходы от трансляции и количество сезонов, которые команда провела в высшем дивизионе (средняя сумма за сезон 2017/18 составила 13,7 млн евро). Интересно, что до сезона 2014/15 года клубы, возвращающиеся в главную лигу, должны были вернуть полученные деньги, что негативно сказывалось на их финансовой устойчивости.

Несмотря на отсутствие специальной схемы парашютных выплат, немецкая Бундеслига поддерживает клубы второй лиги за счет средств, вырученных от продажи телеправ: 23% от этих

---

¹³ URL: <https://threader.app/thread/1274957273664761856>

доходов распределяется на основе результатов за пять лет в двух дивизионах. Для двух клубов, покинувших Бундеслигу по итогам сезона 2017/18 – «Гамбург» и «Кельн», – сумма поддержки в среднем составила 7,9 млн евро.

В Италии и Франции клубы, покидающие высший дивизион, получают не процент от доходов лиги, а фиксированные выплаты, которые распределяются на основе количества сезонов, проведенных в главном турнире. Итальянская Серия А постоянно увеличивает размер таких выплат, что позволило клубам, вылетевшим в сезоне 2017/18, получить в среднем по 20 млн евро. Французская лига выделяет в течение двух лет фиксированную сумму (2 млн евро в первый год и затем 1 млн евро) и переменную сумму, основанную на количестве последовательных сезонов, проведенных в первом дивизионе в течение 10 лет. В сезоне 2017/18 общая сумма такой поддержки в среднем составила 4,9 млн евро.

Конечно, система парашютных выплат имеет и оборотную сторону: клубы, пониженные в классе, в течение определенного периода получают серьезное конкурентное преимущество относительно своих новых соперников и, соответственно, больше шансов на возвращение обратно.

Представляется, что, учитывая опыт пандемии, определенную часть доходов аналогичным образом стоит направлять на формирование фонда безопасности.

В России доходы от продажи ТВ-прав не позволят обеспечить наполнение подобного фонда. Однако для этой цели могут быть использованы средства госкорпораций, которые сегодня точечно направляются в наиболее крупные клубы по видам спорта. Например, бюджет футбольного «Зенита», который оценивается в 12,5 млрд руб. (сезон 2019/2020)¹⁴, финансируется в основном компаниями группы «Газпром»; «Роснефть» в последнем сезоне потратила на хоккейный «ЦСКА» 4,5 млрд руб. Получается, что государственные средства распределяются в профессиональном спорте крайне неравномерно, и в текущих кризисных условиях для небольших клубов это может оказаться губительным.

Наконец, для формирования фонда могут быть использованы отчисления букмекеров и организаторов лотерей (в данный

---

¹⁴ URL: <https://www.soccer.ru/blogs/record/1133734/malkom-zenit>

момент распределение и целевое использование этих средств остаются не прозрачными).

При этом необходимо жесткое регулирование направлений расходования средств фонда. В частности, представляется нецелесообразным использовать их на оплату услуг агентов или приобретение иностранных игроков.

Инициатива по учреждению подобного фонда может исходить от Министерства спорта России по согласованию с Правительством РФ, а реализовано данное предложение может быть силами Российского футбольного союза [Солнцев, 2020].

Следующую меру невозможно реализовать в полной мере без проведения матчей, однако она позволит не останавливать соревнования в условиях ограничений по присутствию зрителей. Речь идет о посещении матчей в формате виртуальной реальности. По аналогии со сферой образования просмотр футбольных матчей с эффектом присутствия возможно перевести в дистанционный режим.

Одной из особенностей главного продукта, производимого футбольным клубом, – матча как зрелища – является ограниченность предложения, обусловленная вместимостью стадиона. При этом потенциальный спрос для особо популярных клубов не ограничивается даже континентами. Телевизионные трансляции, несмотря на рост их технологичности и качества изображения, не могут заменить поход на матч, поэтому все большую популярность в последние годы получают виртуальные трансляции с эффектом присутствия на арене, при этом болельщик может находиться в любой точке мира.

Национальная баскетбольная ассоциация организует VR-трансляции матчей с 2014 г. Погружение в виртуальную реальность используют и клубы АПЛ. «Арсенал», «Манчестер Сити» и «Ливерпуль» подписали соглашение с *Intel* – с февраля 2019-го их матчи можно смотреть в режиме VR. С 2018-го компания *Sky VR* проводит виртуальные туры по стадионам. Весьма активно виртуальная реальность применяется для анализа матчей.

Существует возможность использовать виртуальную реальность и в тренировочном процессе¹⁵: во-первых, для разбора уже прошедших матчей, а, во-вторых, для моделирования различных

---

¹⁵ URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/murovei/2450642.html>

игровых ситуаций и сценариев. Так, компания *STRIVR* разработала для НФЛ более 50 тысяч сценариев тренировок игроков и около 1000 – для арбитров. Стартап *Mi Hiera* из Манчестера предлагает платформу *Rezzil* для тренировок профессиональных футболистов, которая работает через смартфон и гарнитуру НТС. Для тренировок используются кроссовки и щитки, оснащенные специальными датчиками, очки виртуальной реальности, травяной коврик 3x3 метра. Все движения отображаются в виртуальной реальности. Чтобы игрок не столкнулся с окружающими предметами, его окружает неоновое кольцо. Система позволяет настроить звуковое сопровождение, погоду и высоту газона. Удар по виртуальному мячу ощущается максимально реалистично. Изначально в *Rezzil* загружено несколько десятков тренировок на проверку реакции, периферического зрения, скорости мышления, видения поля и т.д. Система позволяет оценить игрока по четырем параметрам (точность, скорость реакции, техника, самообладание) и начисляет баллы, а также предлагает целый ряд возможностей для аналитики.

Компания *Mi Hiera* снимает каждый матч АПЛ специальным оборудованием и полностью воссоздает его в формате виртуальной реальности. Дополнительная опция – восстановление после травм и их диагностика. Наконец, приложение можно использовать для поиска перспективных футболистов, а также для поддержания формы и тренировок на любительском уровне. Другая фирма – *Beyond* – разработала похожий продукт, но больше ориентированный на медиа, как помощник в создании контента.

Конечно, виртуальная реальность не сможет полностью заменить реальный поход на футбол или тренировку на натуральном газоне, однако в состоянии предложить альтернативу в условиях целого ряда ограничений, с которыми сегодня столкнулся профессиональный футбол.

Пандемия выявила и новые возможности для заработка. Одно из направлений – нестандартные активации спонсорских соглашений. Так, «Реал Мадрид» совместно с компанией *Hankook* запустил цифровую платформу, которая позволяет болельщикам стать «официальными дикторами» клуба и объявить состав команды перед началом матча¹⁶.

---

¹⁶ URL: www.facebook.com/hankookspain

Учитывая тот факт, что в топ-лигах Европы матчи проходят без зрителей, клубы получили возможность использовать освободившиеся места. В Германии часть клубов предложили своим болельщикам приобрести виртуальное место на стадионе и разместить там свою картонную фотографию. Правда, это, скорее, имиджевый шаг, поскольку стоимость изготовления «манекена» равна той плате, которую взимают с болельщика. В Англии пошли по более коммерческому пути: нижние ярусы арен используются для размещения рекламы. По оценкам компании Nielsen¹⁷, это может приносить от 700 тысяч до 2 млн фунтов за матч. Таким образом, как и любой кризис, пандемия коронавируса при грамотном подходе может стать возможностью для роста.

Выводы и предложения

В рамках настоящей работы были рассмотрены потенциальные потери ведущих футбольных лиг Европы и РПЛ. Расчеты базировались на анализе статей выручки клубов и структуры их затрат по данным УЕФА и финансовой отчетности. Проведенный анализ показал, что потери российских клубов в сравнении с топ-5 лигами с учетом возобновления игр чемпионата ограничатся уменьшением доходов в дни матчей и составят около 14 млн евро. При этом отдельные клубы смогли сэкономить на выплате заработной платы. Однако нужно учитывать, что при условии дальнейшего развития пандемии коронавируса возможно существенное сокращение поступлений от спонсоров, а индивидуальные потери конкретных клубов в рамках РПЛ могут сильно отличаться.

Особый риск представляет зависимость всех российских клубов от одного источника дохода – средств региональных бюджетов и госкорпораций, а также высокая доля затрат на зарплаты игроков в иностранной валюте. Отдельно была рассмотрена долговая нагрузка, где отечественные клубы снова не испытывают существенных проблем.

Важным ограничением проведенного исследования является фактор неопределенности, вызванный невозможностью предсказать точный срок окончания пандемии вируса, а также

---

¹⁷ URL: <https://nielsenports.com/premier-league-club-partners-can-expect-to-receive-up-to-2m-in-global-value-per-match/>

необходимость в индивидуальном подходе к каждому клубу с учетом его уровня диверсификации выручки, коммерческого потенциала и структуры расходов.

Предложенные автором меры по борьбе с возникшими сложностями носят в основном перспективный характер и направлены на обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости: хеджирование валютных рисков; создание фонда безопасности; внедрение высоких технологий, в том числе использование виртуальной реальности в организации трансляций матчей и тренировочном процессе.

По итогам проведенного анализа могут быть сделаны следующие выводы, характеризующие промежуточные итоги текущего кризиса.

1. Высокая роль футбольной лиги и ее руководства в решении проблем. Если в Германии, где чемпионат возобновился раньше всего, проблем (финансовых или организационных) практически не возникло, то Французская и Российская лиги доказали неспособность представить консолидированную позицию всех субъектов футбола и допустили несколько критических ошибок.

2. Необходимость создания антикризисного фонда безопасности, в том числе за счет сверхдоходов от продажи телеправ и средств госкорпораций.

3. Благодаря возобновлению матчей серьезных убытков удалось избежать – потери в основном связаны с отсутствием match-day выручки. Основная угроза связана с потенциальным уходом спонсоров (или сокращением сумм контракта) и риском новой остановки чемпионатов.

4. Наличие в любом кризисе потенциальной возможности для дополнительного заработка и экономии затрат.

5. Завышенная оценка стоимости игроков. По данным KPMG¹⁸, за время пандемии общая стоимость всех футболистов Европы снизилась на 10 млрд евро.

6. Важность проведения матчей, как главного продукта индустрии футбола, генерирующего прямо или косвенно все доходы профессиональных клубов.

---

¹⁸ URI: https://footballbenchmark.com/library/how_much_has_covid_19_degraded_the_value_of_europe_s_elite

7. Необходимость диверсификации выручки профессионального футбольного клуба, а для российского футбола – важность постепенного снижения доли бюджетных средств в структуре доходов.

8. Необходимость внедрения новых технологий, направленных на обеспечение дистанционного тренировочного процесса и просмотра матчей, а также на формирование новых продуктов для спонсоров.

Литература/ References

- Солнцев И. В.* Финансы в футболе. М.: Проспект, 2019. 296 с.
Solntsev, I.V. (2019). *Finansy v futbole*. Moscow. Prospect Publ. 296 p. (In Russ.).
- Солнцев И. В.* Повышение финансовой устойчивости российских футбольных клубов// Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 117–145.
Solntsev, I.V. (2020). Raising the financial stability of Russian football clubs. *Economic journal of the Higher school of economics*. No. 1. Pp. 117–145.
- Davies, L. E.; Taylor, P.; Ramchandani, G. & Christy, E. (2019). Social return on investment (SROI) in sport: a model for measuring the value of participation in England, *International Journal of Sport Policy and Politics*, [online published 24 April 2019] DOI: 10.1080/19406940.2019.1596967
- Dietl, H., Grossmann M., Lang, M. (2011). Competitive Balance and Revenue Sharing in Sports Leagues With Utility-Maximizing Teams. *Journal of sports economics*, 12, 3. Pp. 284–308.
- European Commission Research Report. SportsEconAustria Institute of Sports Economics, Sheffield Hallam University Sport Industry Research Centre. (2018). Study on the Economic Impact of Sport through Sport Satellite Accounts. April. Published online: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/865ef44c-5ca1-11e8-ab41-01aa75ed71a1/language-en>
- Kesenne, S. (1996). League management in professional team sports with win maximizing clubs. *European Journal for Sport Management*, 2, 2. Pp. 14–22.
- Leach, S., Szymanski, S. (2015). Making money out of football. *Scottish Journal of Political Economy*, 62, 1. Pp. 25–50.
- Rohde, M., & Breuer, C. (2016). Europe's Elite Football: Financial Growth, Sporting Success, Transfer Investment, and Private Majority Investors. *International Journal of Financial studies*. Pp. 1–20.
- Sloane, P. (1971). The economics of professional football: The football club as an utility maximizer. *Scottish Journal of Political Economy*, 17, 2. Pp. 121–46.
- Szymanski, S. (2010). The Financial Crisis and English Football: The Dog That Will Not Bark. *International Journal of Sport Finance*. Pp. 28–40.
- Szymanski, S., & Kuper, S. (2009). *Soccernomics*. New York: Nation Books.
- The Swiss Ramble. (2020), The impact of the coronavirus pandemic on the football world. Available at: <https://threader.app/thread/1249951316824281093>

UEFA. (2020). The European Club Footballing Landscape, Available at: https://www.uefa.com/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/Clublicensing/02/63/79/75/2637975_DOWNLOAD.pdf

Статья поступила 11.09.2020.

Статья принята к публикации 28.10.2020.

Для цитирования: Солнцев И. В. Экономические потери европейских футбольных клубов, вызванные коронавирусом// ЭКО. 2021. № 2. С. 40-61. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-40-61.

For citation: Solntsev, I.V. (2021). Estimating the Economic Impact on European Professional Football of the Coronavirus Pandemic. *ECO*. No. 2. Pp. 40-61. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-40-61.

Summary

Solntsev, I.V., Cand. Sci. (Econ.), Plekhanov Russian University of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Estimating the Economic Impact on European Professional Football of the Coronavirus Pandemic

Abstract. The author considers the economic impact of the coronavirus pandemic on European football, compares it with the Russian practice and proposes management approaches in the new circumstances. The analysis showed the following results: if the Championship resumes, damages would be limited to match day revenues and optional reduction in sponsorship contracts depending on the economic sector, presented by partners of a club. At the same time, clubs have an opportunity to reduce costs (namely – the wages) and implement new commercial projects (new sponsorship platforms and activations). An important limitation of the study is the uncertainty caused by the inability to predict the exact end of the virus pandemic, as well as the need for an individual approach to each club, considering its revenues & cost structure and commercial potential.

Keywords: *sport economics; sport finance; football economics; football finance; loss evaluation; COVID-19; the impact of coronavirus on the economy (sports)*

Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории¹ (часть 2)²

А.Н. ПИЛЯСОВ, доктор географических наук. E-mail: pelyasov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2249-9351

МГУ им. М.В. Ломоносова, генеральный директор АНО «Институт
регионального консалтинга»

А.О. БОГОДУХОВ. E-mail: andrey.bogodukhov.98@mail.ru

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В первой части статьи (см. «ЭКО» № 1/2021) были сформулированы основные положения теории арктических ресурсных ТНК, проанализированы их радикальные отличия от ТНК, работающих в обрабатывающей промышленности и сервисе. Однако существуют не менее серьезные различия арктических корпораций друг от друга, в значительной мере определяемые спецификой природных активов и теми вызовами, которые эта специфика и место размещения выдвигают перед компаниями. Кроме того, в последние годы обозначилась тенденция к гибридации добывающих и обрабатывающих компаний в Арктике за счет размещения стадии обработки в месте добычи ресурсов и перехода компаний разной специализации на платформенную модель организации бизнес-процессов. Показаны различия традиционной и платформенной моделей корпоративного освоения Арктики, доказано, что во втором случае социальные издержки освоения оказываются выше. Это обуславливает необходимость активизации роли государства в установлении общего регламента поведения государственных и частных ресурсных корпораций в Арктике.

Ключевые слова: арктические корпорации; OLI-парадигма; ресурсная цепочка; эволюционная экономика; экономическая география; платформа как бизнес-модель; «Новатэк»; «Газпромнефть»; «Норникель»; Арктика; теория ТНК

Сходства и различия арктических корпораций

Пул российских арктических корпораций, с одной стороны, имеет общие черты, связанные с ресурсной деятельностью в экстремальных условиях, с другой – исключительно внутренне разнообразен. Общность заключается в непохожести на классические корпорации Европы и США, опоре на внешние и внутренние базы освоения (снабжения), исключительном внимании к вопросам логистики и энергообеспечения своих проектов, работе

¹ Работа выполнена в рамках исследований по гранту РФФИ 18–05–00600 «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез».

² Пиласов А.Н., Богодухов А.О. Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории (часть 1) // ЭКО. 2021. № 1. С. 40–66.

в условиях постоянной природно-климатической турбулентности и объективных высоких производственных затрат и др.

Компании существенно различаются по состоянию ресурсной базы, ключевым природным активам, экономическому возрасту, территориальной, организационной, структуре собственности. С целью обнаружения черт специфики решено было провести углубленный анализ трех «самых арктических» ресурсных корпораций России – «Новатэка», «Газпромнефти» и «Норникеля», используя для этого все размещенные на официальных сайтах компаний годовые отчеты и отчеты компаний в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности³.

Все три компании в отчетах подчеркивают, что являются вертикально интегрированными, все в последнее десятилетие построили собственный флот для вывоза произведенной ресурсной продукции по Северному морскому пути на европейские и азиатские рынки, все в последние годы реализуют программы по цифровой трансформации бизнеса и активному внедрению алгоритмов искусственного интеллекта. Самой молодой из этой триады является компания «Новатэк», которая была создана без какого-либо советского материального наследия, в середине 1990-х годов, а самой «возрастной» – «Норникель», который в 2020 г. отмечает свое 85-летие, то есть имеет накопленные традиции трех поколений работников.

«Новатэк» интересен тем, что на примере этой фирмы мы видим быстрое становление арктической корпорации с чистого листа, на процессе пионерного освоения трех якорных месторождений углеводородов Надым-Пур-Тазовского района ЯНАО: Ханчейского, Восточно-Таркосалинского и Юрхаровского. Это гринфилд-развитие в чистом виде. Преимущества новизны активов и решений были максимально использованы компанией, например, в экологических вопросах утилизации попутного нефтяного газа, а недостатки преодолевались опорой на ранее созданную трубопроводную инфраструктуру «Газпрома» первых осваиваемых месторождений компании.

---

³ «Новатэк» – годовой отчет 2005–2019 годы, отчет компании в области устойчивого развития 2004–2019 годы; «Газпромнефть» – 1999 («Сибнефть») – 2019 годы; отчет об устойчивом развитии 2007–2019 годы; «Норникель» – годовой отчет 2008–2019 годы; Отчет о корпоративной социальной ответственности компании 2008–2019 годы.

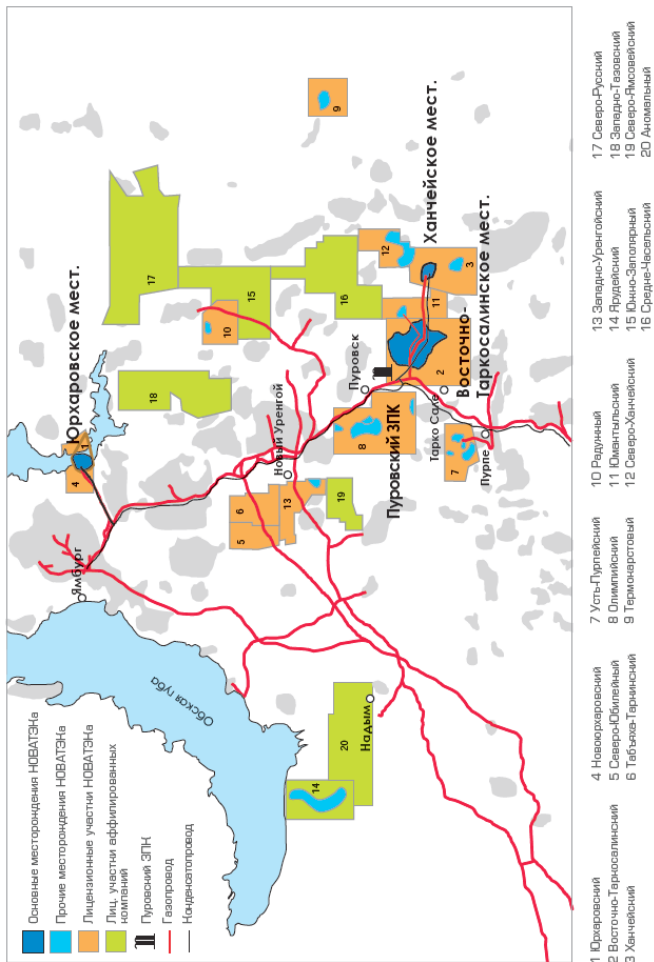
Ключевая особенность «Новатэка» – его предельно специфичные природные активы: свыше 60% запасов приходится на «жирный» конденсатосодержащий газ. Именно это обстоятельство объясняет относительную легкость, с которой «Новатэк» зашел на рынок – главный владелец газового ямальского «ранчо» – «Газпром» – десятилетиями эксплуатировал «чистые» месторождения метана и ни технологически, ни организационно, ни ментально (и это, пожалуй, главное) не был готов осваивать эту новую для себя нишу: перед ним возникала непреодолимая еще с советского времени проблема качества извлекаемого газового сырья: как его не ухудшить примесным конденсатом?

Но то, что было проблемой для «Газпрома», стало возможностью для «Новатэка». Ему удалось сформировать эффективную ресурсную цепочку, состоящую из трех связанных единым конденсатопроводом газоконденсатных месторождений, Пуровского перерабатывающего завода, собственного парка железнодорожных вагонов, резервуара для хранения в порту Витино на Белом море, позднее к ним добавились завод по переработке стабильного конденсата и терминал в морском порту в Усть-Луге.

Специфическая и непривычная для советских управленцев конденсатность газовых активов ЯНАО, за которые взялся «Новатэк», не только обусловила технологическую вертикальную интегрированность всех стадий ресурсной цепочки, но и определила на годы *вынужденную системность* управленческих решений руководства компании, что и стало ее конкурентным преимуществом. Закономерным плодом этой управленческой системности стало предельно концентрированное размещение лицензионных участков и месторождений компании – поблизости друг к другу и к системе магистральных газопроводов (рис. 1, 2). Нет другой арктической компании в России, которая бы сумела так плодотворно и конструктивно использовать этот районный эффект для минимизации своих операционных издержек⁴. Да и в материковой части аналогом можно назвать разве что «Сургутнефтегаз», который в своем Сургутском районе Югры полноправно использует преимущества этого эффекта.

---

⁴ «По нашему мнению, географическая концентрация нашей ресурсной базы и возникающий в результате эффект масштаба и далее будут основополагающими факторами для поддержания структуры затрат на низком уровне» – годовой отчет компании «Новатэк» 2005 года.

Источник рис. 1, 2: Данные годовых отчетов «Новагэка».

Рис. 1. Схема лицензионных участков «Новагэка» в 2009 г.

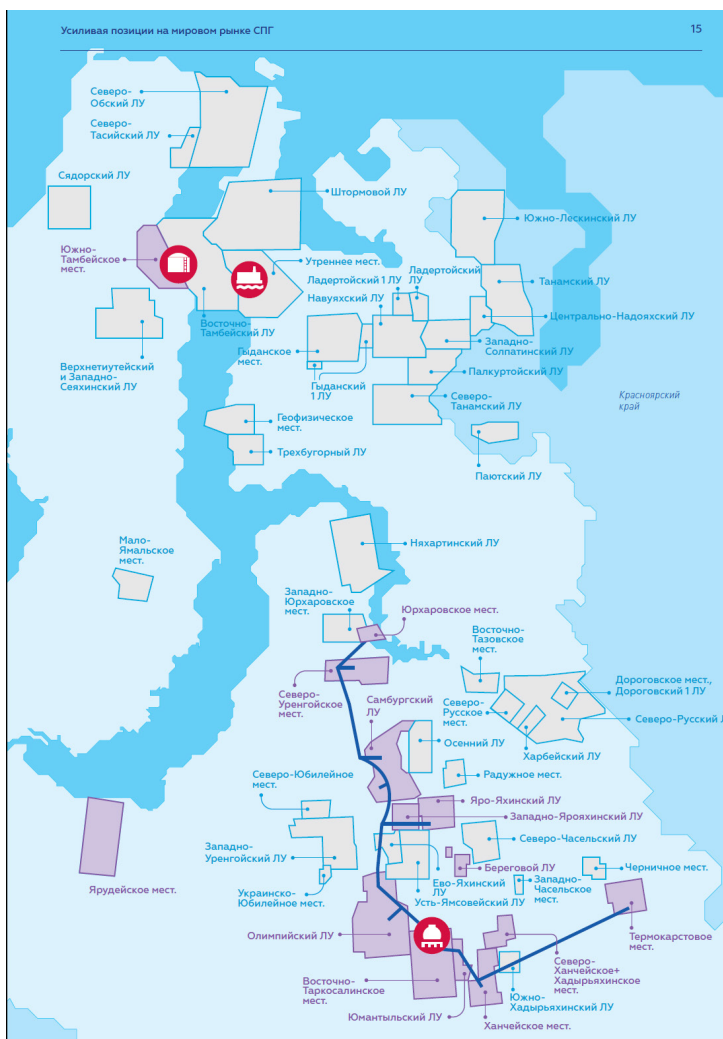

Рис. 2. Схема лицензионных участков «Новатэка» в 2019 г.

Благодаря запуску завода Ямал-СПГ как первого из серии масштабируемых СПГ-проектов на побережье полуостровов Ямал и Гыдан, в компании возникла абсолютно новая реальность в корпоративном размещении производительных сил. Сегодня у нее отчетливо выделяются две зоны деятельности – южная, централизованная, интегрированная в единую систему газоснабжения России и систему корпоративного конденсатопровода; и северная, сетевая, децентрализованная, формируемая СПГ-проектами, ориентированными на морскую логистику (вывоз сжиженного газа Северным морским путем). В соответствии с OLI-парадигмой такие радикальные изменения в размещении ключевых природных активов обязательно влекут за собой сдвиги в схемах логистики (что мы уже наблюдаем) и во внутренней институциональной и организационной структуре компании (что следует ожидать в обозримом будущем).

Будучи новичком на рынке добычи углеводородов, «Новатэк» оказался исключительно умелым учеником, постоянно накапливая опыт и компетенции на новых проектах. Так, первая же успешная попытка выхода с конденсатом на азиатские рынки через новый морской путь из Мурманска в Китай (2010 г.) впоследствии легла в основу корпоративной модели экспорта СПГ-продукции уже из нового порта Сабетта.

Нет другой арктической компании, которая бы так эффективно использовала инструменты пилотных проектов как полигоны для отработки решений, доводки «до нужной кондиции» технологий и производственных процессов и быстрого их тиражирования в последующих проектах. Для масштабирования раз найденных решений по запуску новых ямальских СПГ-проектов в г. Белокаменке в Кольском заливе создан специальный центр строительства крупнотоннажных морских сооружений.

При этом управленческая системность, системность мышления всей ресурсной цепочкой, порожденные особенностями природных активов компании (сложный в переработке и транспортировке конденсат), закономерно трансформировалась в системность при реализации новых проектов. Все они являются интегрированными, объединяющими сразу добычу, переработку и транспортировку, и по своей сложности сопоставимы скорее с проектами строительства интеллектуальных обрабатывающих производств, но беспрецедентны для добывающих компаний.

Достаточно сказать, что в строительстве порта Сабетта и реализации проекта Ямал-СПГ участвовало около 650 компаний-подрядчиков.

Можно привести и другие примеры тиражирования новых технологий и знаний. Так, в проекте Арктик СПГ-2 на гравитационных морских платформах были реализованы две уникальные компетенции, отработанные в 2013 г. при строительстве Усть-Лужского комплекса по перевалке и фракционированию стабильного газового конденсата. Это сверхкомпактная компоновка производственных мощностей (в Усть-Луге, напомним, они располагаются на искусственно намывтой территории) и умение работать в морских средах.

Таким образом, в развитии новой компании мы видим очень цепкое расширение портфеля компетенций (некоторые из них консолидируются в специально создаваемых новых структурах, например, морские компетенции – в ДЗО «Морской арктический транспорт», что является закономерной чертой эволюции компании и усложнения возникающих перед ней вызовов) и стремительное тиражирование решений, доказавших свою эффективность в ходе реализации пилотных проектов.

После «юношеского периода» быстрого набора природных активов (когда был отдан безусловный приоритет геологоразведочным работам) наступает абсолютно новый период, когда компания начинает разрабатывать эффект домашнего рынка – «Новатэк» озаботился проникновением СПГ в удаленные районы России с децентрализованным теплоэнергообеспечением, в морскую бункеровку, к атомарным потребителям – физическим лицам с конечной продукцией в виде СПГ-моторного топлива и СПГ-теплоэнергоносителя.

Возникает необходимость в приходе в компанию более молодых и адаптивных к возможностям цифровых технологий и цифровой трансформации топ-менеджеров. Пока же значительные усилия руководства «Новатэка» направлены на лоббирование своих интересов в принимаемых правительственных документах – например, Энергетической стратегии до 2035 года⁵ и Стратегии

---

⁵ Распоряжение правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 года № 1523-р [Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года].

развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁶.

Компания *«Газпромнефть»* может считаться учебным кейсом в эволюционной экономике как созданный в 2006 г. на базе «Сибнефти» спин-офф «Газпрома». Природные активы и компетенции, переданные материнской компанией и унаследованные от «Сибнефти», предопределили акцент новой корпорации на технологии добычи трудноизвлекаемых запасов нефти, как истощенных, так и новых. В отличие от «Новатэка», которому в первые годы деятельности нужно было с нуля формировать портфель активов за счет интенсивных геологоразведочных работ, у «Газпромнефти» с самого начала было достаточно активов, переданных от предшественника и материнской компании. Поэтому ее главные усилия, основной портфель компетенций был сосредоточен не на разведке, а на технологиях умной нефтедобычи.

На примере «Газпромнефти» мы видим, как может меняться степень «арктичности» на разных этапах жизни компании. Сразу после трансформации «Сибнефти» в «Газпромнефть» новые менеджеры компании стали утверждать приоритеты работы не в нефтедобыче в Арктике и Сибири, а на премиальных сегментах розничных рынков – авиакеросин, бункеровочное топливо и др., а также сфокусировались на умелом «вписывании» в международные рейтинги и форматы.

Однако эти направления не обеспечили динамичного развития компании, и в 2010-е годы она инициировала сразу несколько крупных арктических проектов: долгожданное завершение обустройства первого шельфового месторождения на стационарной платформе «Приразломная», ввод в эксплуатацию отгрузочного терминала «Ворота Арктики» на Новопортовском месторождении и начало добычи на Восточно-Мессояхском месторождении. Все эти проекты были бы невозможны, если бы одновременно не была реализована программа создания собственного флота для круглогодичного вывоза нефти по Северному морскому пути⁷.

---

⁶ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645.

⁷ Любопытно, что первые партии нефти Новопортовского месторождения еще в 2012 г. транспортировались по зимнику и железной дороге, но со второй половины 2010-х годов компания перешла на морскую логистику вывоза добытой нефти.

В 2018 г. были введены в эксплуатацию дизельные ледоколы «Александр Санников» и «Андрей Вилькицкий», развернулись разведочные работы в новых для компании зонах полуостровов Гыдан и Таймыр, началось освоение трудных нефтяных оторочек, ачимовской свиты и неоком-юрских газовых и газоконденсатных залежей на флагманских активах «Газпрома» Бованенковское, Ямбургское, Харасавэйское.

Переориентация приоритетов на арктические проекты заметно повлияла на укрепление внутренней инновационности компании: вызовы Арктики требовали адекватного технологического и организационного обеспечения. Как показывают годовые отчеты, с 2016–2017 гг. в компании резко активизировалась работа корпоративной инновационной системы. Еще раньше, во второй половине 2013 г. был создан Департамент стратегии и инноваций, отвечающий за политику в области инновационной деятельности, обеспечение разработки технологических стратегий и контроль, за реализацию Программы инновационного развития. Ключевые компетенции компании сосредоточены в Научно-техническом центре («Газпромнефть НТЦ»).

Арктические проекты, реализованные в пионерном и новаторском формате, сформировали уникальный пул компетенций компании в области морской логистики, и сегодня «Газпромнефть» является чемпионом среди других арктических корпораций в умении грамотно подобрать логистическую схему под условия каждого реализуемого проекта. Этот навык, как это часто бывает, стал следствием имманентных недостатков компании. Если «Новатэк» тщательно подбирает «под себя» кластеры лицензионных участков и месторождения, добиваясь их эффективного комплексирования в ямальском пространстве с получением районного эффекта на общей инфраструктуре, базах снабжения, телекоммуникационных системах (два его последних проекта Ямал-СПГ и Арктик-СПГ2 расположены напротив друг друга, через Обскую губу), то «Газпромнефть» получила от «Газпрома» рассредоточенные, дисперсные природные активы. При их пионерном освоении можно было полагаться не на мощь районного эффекта, а лишь на мастерство умело выстроенной логистики. Так постепенно нарабатывались уникальные логистические компетенции компании. Их отчетливо демонстрирует первая разработанная для Арктики

цифровая система онлайн-мониторинга движения морских судов «Капитан Арктики».

Именно во второй половине 2010-х годов, при реализации императивов цифровой трансформации и тотальном внедрении цифровых технологий, компании раньше других арктических ТНК удалось от прежних инновационных прорывов на отдельных направлениях (бурение сверхдлинных горизонтальных скважин, технологии беспроводной сейсмоки и др.) перейти к созданию целостной внутрикорпоративной среды управления всей ресурсной цепочкой и всем портфелем проектов – от геологоразведочных работ к бурению, нефтедобыче, переработке к оптовой и розничной реализации. Одновременно с физической ресурсной цепочкой возникает ее цифровой двойник, система электронного сопровождения и управления движением извлекенного природного актива⁸.

И если «Новатэк» в своих корпоративных решениях в большей степени полагается на индивидуальные компетенции своих топ-менеджеров, неявное знание своих корпоративных экспертов, то «Газпромнефть» опирается в первую очередь на разработанные внутренние регламенты и правила. В компании внедрена система распространения знаний, план развития актива (портфель возможных решений для его эффективного использования), разработаны правила корпоративных внутренних и внешних коммуникаций, нацеленных на активизацию перетоков знания внутри и из внешней среды.

Компания «Норникель» работает стационарно в Арктике 85 лет, что является беспрецедентным даже на мировом уровне, особенно – учитывая прогрессирующее истощение ресурсных активов, характерное для этой сферы деятельности. Уникальные запасы руды Норильского промышленного района обеспечили устойчивое существование комбината на долгие годы и возможность уверенной работы еще как минимум в течение такого же срока.

Арктическая сущность корпорации проявляется в максимально возможной степени ввиду островной замкнутости деятельности ее главного актива – Заполярного филиала: система

---

⁸«Единая среда для управления нефтеперерабатывающими активами позволяет внедрять решения, повышающие эффективность и надежность работы всей производственной вертикали». Годовой отчет «Газпромнефти» 2019 года.

теплоэнергообеспечения, транспортного обеспечения (компания имеет свой собственный морской, речной флот, парк железнодорожного транспорта и эксплуатируемый авиапарк) и частично даже кадрового обеспечения решаются компанией автономно и самостоятельно для всех жителей промрайона. Последний представляет собой «корпоративную территорию» в полном смысле слова.

В отличие от «Новатэка» и «Газпромнефти», «Норникель» лучше встроен в формат мировых ТНК (можно сказать, по всем признакам является «подлинной» *транснациональной* компанией), поскольку ведет за рубежом не только сбытовую, но и добычную деятельность (никелерафинировочный завод Norilsk Nickel Narjavalta, входящий в состав Группы, расположен в Финляндии); «Норникель» владеет акциями зарубежных компаний, которые ведут добычу никеля и платины. Кроме того, эта компания имеет необычную для российских ресурсных корпораций структуру акционерного капитала, в которой больше трети акций (37,6% в 2019 г.) находится в свободном обращении.

Международный формат компании можно объяснить тем, что в отличие от «топливных» НоваТЭКа и «Газпромнефти», «Норникель» является горно-металлургической компанией, а потому он по своей сути ближе не к добывающим, а к классическим обрабатывающим ТНК, на которых и создавалась теория их деятельности. Еще одна черта, которая роднит «Норникель» с классическими ТНК – он тоже в большей степени является «искателем рынков», а не ресурсов, поскольку гарантированно обеспечен ими на длительное время.

По сравнению с другими арктическими компаниями России, непрофильная деятельность «Норникеля» предельно диверсифицирована: более 80 компаний Заполярного и Кольского филиала (Кольский ГМК), где проходит основная деятельность компании, входят в состав Группы. Имеет место не просто вертикальная интеграция вдоль ресурсной цепочки, как у других компаний, но создание местного многоотраслевого комплекса структурных подразделений компании, дочерних зависимых обществ и управленческих структур⁹, которые одновременно работают и для

---

⁹ Понятие «отраслевого комплекса» вводится и объясняется в годовых отчетах компании.

всего населения Норильского промрайона (в первую очередь транспортно-логистические и энергетические подразделения)¹⁰.

В новейшей истории компании есть несколько реперных точек: в 2009 г. была завершена программа создания собственного парка транспортных судов-контейнеровозов усиленного ледового класса, которые позволяют в значительной степени отказаться от использования дорогостоящих в аренде атомных ледоколов и самостоятельно отправлять продукцию по Северному морскому пути как в европейском, так и в азиатском направлении. В один год с «Новатэком», в 2010 г., компания осуществила экспериментальный рейс из Мурманска в Китай, который оказался существенно эффективнее и в два раза короче, чем традиционный через Суэцкий канал. В конце 2016 г. был закрыт Никелевый завод Заполярного филиала, и с тех пор весь никелевый файнштейн, произведенный на Надеждинском металлургическом заводе, направляется на переработку на Кольскую ГМК. В результате этого маневра, призванного смягчить экологические проблемы Заполярного филиала и приблизить производство металлов к рынкам сбыта, радикально диверсифицировалась внутренняя географическая структура производства основных металлов: теперь уже не Заполярный филиал (здесь главным конечным производимым металлом стала медь), а Кольская ГМК производит почти три четверти никеля, почти пятую часть меди и около двух третей металлов платиновой группы в компании. В 2018 г. был дан старт серному проекту на Талнахской фабрике, который призван к 2025 г. на 90% уменьшить выбросы диоксида серы в атмосферу в процессе переработки руды.

По сравнению с другими арктическими компаниями «Норникель» является существенно более социально укорененным (табл. 1), что объясняется как общим стажем его работы на полуострове Таймыр, так и уникальной безальтернативной, определяющей ролью, которую он играет в островной социально-производственной системе Норильского промышленного

---

¹⁰ Показательным примером социальной ответственности компании является сохранение на своем балансе «непрофильной» Норильской ТЭЦ-3. Она не просто сохранила этот актив у себя на балансе, но и взяла на себя полную ответственность за ликвидацию последствий аварии 29 мая 2020 г., в результате которой при разгерметизации бака с дизельным топливом около 15 тыс. т его попало в реку Далдыкан, впадающей в озеро Пясино. Если бы ТЭЦ в свое время была передана на баланс муниципалитета, как того требовали либеральные реформы, в условиях арктического островного Норильска это могло привести к социально-политическим катастрофам еще в 1990-е годы.

района. Эта вынужденная «социальная отзывчивость» проявляется и в сверхвысокой доле закупочных конкурсов, выигранных предприятиями Красноярского края: в 2018 г. – 57,7% (на общую сумму 12,5 млрд руб.), в 2019 г. – 59,8% (на 15,7 млрд руб.)¹¹.

Таблица 1. Сравнение арктических корпораций России

Показатель	ООО «Новатэк»	ОАО «Газпромнефть»	ОАО ГМК «Норильский никель»
Характеристика	Арктический старт-ап (первое поколение работников)	Арктический спин-офф (дочка «Газпрома») (первое поколение работников)	Арктический ветеран (три поколения работников)
Степень многонациональности	Международная по рынкам сбыта, российская по добыче	Международная по рынкам сбыта, российская по добыче	Абсолютно форматная международная компания: добыча в нескольких странах
Конкурентное преимущество	Умное недропользование (ГРП в увязке с логистикой)	Умная логистика (штучный подход к каждому объекту)	Уникальные по запасам природные активы
Районный эффект	Предельный	Отсутствует	Значительный
«Позитивное» давление специфичных природных активов	Предельное (конденсат)	Значительное (конденсат и истощение)	Значительное (сера)
Динамика новейшего развития	Переход от однозональной к двухзональной модели развития: южная зона единой системы газоснабжения и северная СПГ-проектов	Значительные амплитуды в степени арктичности компании: резкое ослабевание в 2006–2010, усиление с 2012 года	Радикальный структурный маневр между Заполярным и Кольским филиалами в выпуске основной продукции
Источник/драйвер новых компетенций компании	Инструмент пилотных проектов	Тотальная цифровая трансформация всех бизнес-процессов	Экологический императив зеленой экономики
В принятии стратегических решений опора на	Неявное знание и компетенции топ-менеджеров компании	Формальные процедуры коммуникации и распространения знания	?
Социальная ответственность в районах присутствия	Умеренная	Умеренная	Предельная социальная укорененность
Непрофильная деятельность	Отсутствует (активы ООО «Новатэк-полимер» проданы в 2010 г.)	Отсутствует	Многоотраслевой комплекс островного Норильского промрайона: автономное энерго-, транспортное, кадровое самообеспечение

¹¹ Для Мурманской области как зоне присутствия Кольской ГМК эти показатели также очень высокие по сравнению с другими компаниями: 49,5% в 2018 г. (1,8 млрд руб закупки у местных компаний), 41,7% – в 2019 г. (1,7 млрд руб.). Годовой отчет компании «Норникель» 2019 г. и «Цифровой Норникель». Отчет об устойчивом развитии в 2019 г.

Как и другие арктические корпорации, в последние годы «Норникель» резко активизировал процессы цифровой трансформации, развития своей корпоративной инновационной системы. Его существенное отличие от других компаний состоит в том, что для него вектор инновационной модернизации связан с экологическим императивом перехода к зеленой, низкоуглеродной экономике.

В отличие от других арктических корпораций, где цифровая трансформация имеет сквозной, всеохватывающий характер («Газпромнефть») или преимущественно обращена к недропользованию и добычному производству («Новатэк»), новая программа «Техпрорыв» «Норильского комбината» направлена на решение с помощью технологий искусственного интеллекта проблем экологии и промышленной безопасности. Речь идет о проекте «интеллектуальное хвостохранилище», использовании дронов для обследования труднодоступных мест, использовании роботов-маркшейдеров и др. В металлургическом производстве из-за высокой инерционности применяемых здесь технологических и бизнес-процессов цифровизация идет медленнее.

Платформа как новая бизнес-модель ресурсных корпораций

В последние годы происходит конвергенция технологической и организационной структуры добывающих и обрабатывающих ТНК. Этому способствуют прежде всего редкое соединение добывающей и обрабатывающей стадий в месте добычи¹² (добывающие компании, таким образом, приобретают черты обрабатывающих); а также тотальный аутсорсинг бизнес-процессов – их вынесение за контур материнской головной добычной компании, за счет чего происходит «девертикализация» внутренней структуры добычных компаний и их сближение с сетевой горизонтальной организацией обрабатывающих ТНК; тотальная цифровая трансформация всех бизнес-процессов добывающих компаний.

---

¹² Кроме того, новые ресурсные проекты, например, на Севере, подтягиваются к ранее уже созданным обрабатывающим производствам в Арктике. В результате закрепляется обрабатывающая специализация Арктики в новых условиях за счет подпитки этих производств новыми ресурсами юга или севера. Так, принадлежащий «Норникелю» Быстринский ГОК в Забайкальском крае будет поставлять свою руду на переработку на Кольскую ГМК.

Флагманские проекты арктических ресурсных корпораций – эксплуатация платформы Приразломная (добыча нефти на шельфе Печорского моря), освоение Новопортовского месторождения в ЯНАО, золоторудных месторождений Купол и Двойное в Чукотском АО основаны на предельной компактности хозяйственной деятельности, блочно-модульных технологиях быстрого строительства, тотальной автоматизации бизнес-процессов, внедрении технологий дистанционного управления. В мировой литературе эта новая форма бизнес-процессов, которую реализуют компании в самых разных видах деятельности (Google, General Electric, Uber и др.), получила название платформенной [Srnicek, 2016].

Речь идет о том, что и поставщики-подрядчики, и потребители привязываются к платформе через используемое ею программное обеспечение, которое позволяет компании собирать, обрабатывать и контролировать колоссальные массивы данных. Независимо от профиля деятельности платформы, первичным становится ее стремление утвердить свою цифровую власть над конкурентами, рассредоточенными атомарными поставщиками и потребителями. Особенность Арктики состоит в том, что в ее малообжитых пространствах платформа обретает пространственную визуализацию в виде хозяйственного морского или сухопутного «острова».

Внутри арктических производственных платформ можно выделить три типа: нефтегазовые морские платформы (пионером здесь стала платформа Приразломная); сухопутные платформы локализованного освоения минерально-сырьевых ресурсов (например, золоторудное месторождение Купол на Чукотке); производственные платформы на арктических островах (проект освоения Павловского месторождения на острове Новая Земля¹³ и центр крупнотоннажных морских сооружений на искусственных островах¹⁴ в губе Белокаменка Кольского залива Баренцева моря). Их всех сущностно объединяет тотальная цифровизация бизнес-процессов, опора на электронную коммуникацию и дистанционное управление, малолюдные технологии и островная

---

¹³ Подробно изложен в презентации «Платформенные решения для комплексного освоения малонаселенных и труднодоступных территорий (ПР КОТ)// В.И. Жигалов ФГУП «РФАЦ-ВНИИЭФ»

¹⁴ Получено специальное разрешение на создание искусственных островов – распоряжение Правительства РФ № 1245-р от 15.06.2017.

локализация. И они все радикально отличаются от реализуемых в прежней традиционной схеме проектов (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение традиционных и «платформенных» решений освоения ресурсов Арктики

Показатель	Традиционные решения	Платформенные решения
Производственные отношения	Вертикально интегрированная структура «добыча-переработка-сбыт». Часть или все сервисные подразделения находятся внутри компании	Сетевая структура из автономных центров добычи, увязанных в единую цифровую сеть. Перекрестное субсидирование финансово связывает подразделения друг с другом. Большинство сервисных подразделений находится вне контура компании (аутсорсинг внешним подрядчикам)
Логистика	Южный сухопутный маршрут вывоза добытого природного ресурса по трубопроводам, железной дороге и др.	Северный морской маршрут вывоза природного ресурса по СМП на европейские и азиатские рынки.
Трудовые отношения	«Контракт найма»: постоянная занятость работников, формирование работников всех уровней из местных кадров (феномен рабочих династий)	«Контракт купли-продажи»: опора на временных вахтовиков-контрактников в малоквалифицированных кадрах (аутсорсинг работников), рынок труда компании для набора руководящего состава, местные кадры и кадры компании для набора среднего звена
Отношения с территорией базирования (присутствия)	Подразделение компании – градообразующее предприятие моногорода. Прочные связи с местным сообществом. Активное использование местных кадров, в том числе коренных малочисленных народов Севера	Подразделение компании – вахтовый производственный поселок. Слабое взаимодействие с местным сообществом и слабое использование его кадрового трудоресурсного потенциала. Программы корпоративной социальной ответственности компании в рамках соглашений о социально-экономическом партнерстве с территорией присутствия
Модель хозяйственного освоения	С чистого листа, создание иерархической системы внешних и внутренних баз и трасс освоения (линейно-узловой территориальный каркас), районных (межрайонных) ТПК	Опора на ранее созданную инфраструктуру и сеть расселения, полицентричную сеть равноценных баз освоения, локализованные производственные кластеры (ТОР, ОЭЗ и др.)
Степень социальной укорененности	Высокая	Минимальная
Экстритерриториальность капитала	Низкая: предприятие осуществляет масштабную и капиталоемкую программу обустройства территории	Высокая: сгенерированная в месте добычи прибыль перетекает в штаб-квартиру компании и/или офшоры

Если попытаться найти ключевые слова, характеризующие новую платформенную модель организации добычного бизнеса в российской Арктике, то это будут компактность, обособленность, вахтовость, новая логистика. В отличие от прежних производств, организованных в идеологии линейной производственной цепочки (что хорошо видно на примере старых

производственных объектов Норильского комбината) – пространственно обширных, растянутых коммуникационно, – новые платформенные производства исключительно компактны, чему сильно способствуют блочно-модульные и существенно меньшие по размеру технологии организации физически уплотненного и сжатого рабочего пространства. Эти особенности до такой степени характерны для новых добычных проектов освоения Арктики, что даже модернизация старых проектов приводит почти всегда к сокращению внутризаводских транспортных перемещений, к более компактному размещению производственных площадок (например, проект «Южный кластер» Норильского комбината или проект модернизации ОАО «Апатит» или наращивание мощности Кольской ГМК).

Обособленность означает, что новые платформенные проекты, с одной стороны, почти всегда, особенно на этапе строительства, опираются на уже созданную инфраструктуру и ближние базы освоения; с другой – отъединяются от них на этапе эксплуатации в форме отдельной производственной капсулы, хозяйственного острова.

Вахтовость означает перевод трудовых отношений от гарантированных контрактом найма на тип временных по контракту «купли-продажи». Новый типичный работник в платформенной бизнес-модели – это либо вахтовик, либо робот. Поэтому рост доли вахтовых работников есть косвенное свидетельство перевода бизнес-процессов на платформенный тип, для которого исключительно характерна непостоянная негарантированная занятость.

Еще один неотъемлемый атрибут новых платформенных решений – это активное использование водного (морского и речного) транспорта для доставки оборудования на проект (на стадии обустройства) для вывоза готовой продукции (на стадии эксплуатации). Прежние логистические схемы преимущественно опирались на сухопутную трубопроводную или железнодорожную транспортировку добытых ресурсов. В проектах нового освоения Арктики, возникших в последние 30 лет, морская логистика, благодаря смягчению климата, уменьшению количества льдов и новым судостроительным технологиям, стала доминирующей. Она органично, плотно интегрирована с новыми платформенными решениями.

Так возникает идеальная для корпораций схема современного освоения ресурсов Арктики: абсолютно обособленная автономная производственная платформа, на которой разворачиваются процессы добычи и переработки, с безлюдными технологиями, дистанционным управлением всеми производственными процессами. Многие исследователи [Крюков, Кулешов, Маршак, 2013; Пачина, Почивалова, 2005] отмечают экстерриториальность современных добывающих предприятий Севера и Арктики, их отчужденность от территории присутствия: основные решения принимаются в штаб-квартирах, а прибыль концентрируется в офшорах – и те, и другие расположены далеко от территорий добычи.

До сих пор эти новые черты добывающих предприятий не увязывались с платформенными технологиями и платформенными решениями. Однако между ними есть непосредственная связь: чем в большей степени компания внедряет платформенную модель организации бизнеса, тем сильнее сказывается ее отчуждение от территории своего присутствия генерируемой прибылью, структурой занятости и даже предельно компактным размещением в пространстве. Обозначившийся с 1990-х годов феномен экстерриториальности ресурсных корпораций России еще более укрепляется внедрением платформенных технологий больших данных, тотальной цифровизации и электронной коммуникации.

Платформенные технологии приводят к ослаблению позиций труда в споре с капиталом: инновационные решения, с одной стороны, обеспечивают существенное высвобождение работников и относительную избыточность труда, с другой – питают самоуверенность владельцев передовых технических средств и капитала, которые занимают монопольные позиции в современной экономике.

Таким образом, вместо прежних прямых выгод в виде новой занятости и потока дохода на территорию добычи при освоении арктических ресурсов возникает новая схема, когда основные для региона «бонусы» формируются за счет местных налогов от нового проекта и программ корпоративной социальной ответственности. Но поскольку выгоды от новых проектов очень слабо «проливаются» на территорию присутствия, государство парадоксальным образом вынуждено во все возрастающих объемах поддерживать арктические и северные

территории из федерального бюджета, хотя именно здесь генерируются основной экспортный доход страны и значительная часть бюджетного дохода и валового национального продукта. Платформенные решения, наряду с хорошо известными особенностями федеральной бюджетно-налоговой системы России (прежде всего, ее сверхцентрализованность), создают эти расходящиеся ножницы между генерируемым государственным доходом и благосостоянием самой территории добычи и ее постоянных жителей.

Заключение

Современная теория транснациональных компаний преимущественно базируется на опыте работы крупных обрабатывающих и сервисных корпораций мира. Для России, в экономике которой значимую роль играют ресурсные, в том числе арктические корпорации, критичной является разработка теории именно добывающих ТНК. Многие современные проблемы недостаточно активной роли государства в регулировании деятельности крупных компаний в Арктической зоне присутствия можно объяснить отсутствием такой теории и в целом понимания внутреннего устройства, мотивов пространственного поведения, механизмов формирования портфеля компетенций и инновационного процесса, процедур принятия решений внутри ресурсных корпораций России.

Сконструировать такую теорию, механически повторяя каноны зарубежной науки, невозможно ввиду значительных различий между добывающими и обрабатывающими ТНК. Российским исследователям необходимо, опираясь на теоретическое обобщение созданного мировой наукой и 30-летнюю практику отечественных ресурсных компаний, создавать собственную теорию деятельности и развития добывающих корпораций. Мы предлагаем при этом опираться в первую очередь на опыт арктических компаний, так как именно в Арктике особенно ярко проявляются характерные черты ресурсных ТНК.

Новая теория арктических ресурсных ТНК основывается на признании их двойственной – локальной и глобальной – природы, и поэтому сочетает в себе для микроанализа OLI-парадигму Д. Даннинга, которая исходит из взаимообусловленного единства территориальной, институциональной (в том числе

организационной) структуры и структуры собственности компании; для анализа на макроуровне – концепцию ресурсной цепочки И. Комара, развертывающейся от места добычи до крупных мировых рынков сбыта. Увязывает два подхода эволюционное понимание ТНК как крупной фирмы, развитие которой направлено на увеличение и диверсификацию портфеля компетенций.

Наряду с общими отличиями от обрабатывающих производств, ресурсные компании, как показал детальный анализ трех наиболее арктических среди них, – «Новатэка», «Газпромнефти» и «Норникеля», обладают значительными различиями и с точки зрения OLI-парадигмы, и в конструировании движения ресурсной цепочки на глобальные рынки, и в инструментах и механизмах по наращиванию своих компетенций (т.е. формах обучения).

В последние годы обозначается тенденция конвергенции добывающих и обрабатывающих ТНК в связи с расширением практики организации переработки прямо в местах добычи арктических ресурсов, что при прежнем индустриальном освоении Севера считалось экономически нерациональным. Эти новые тренды прямо связаны с возникновением новой реальности платформенного освоения Арктики, появлением «островных» добычно-производственных комплексов (морских и сухопутных), тотально оцифрованных, использующих технологии искусственного интеллекта на основе нейронных сетей (автопилоты, интеллектуальные роботы, виртуальные помощники и др.), интеллектуального анализа больших данных, дистанционного управления и т.д.

Реалии платформенного освоения Арктики порождают, с одной стороны, недостижимый ранее уровень эффективности интеллектуальных производственных процессов; с другой – многочисленные социальные издержки для территории добычи от новых технологических решений. Современный поиск путей компенсации издержек платформенного освоения ведется государством в координатах «гарантий достижения среднего по стране уровня жизни для Арктики за счет федеральных бюджетных ресурсов», в координатах «привлечения частных инвестиций» в арктические территории. Не отрицая позитивного характера упомянутых мер, отметим, что главным направлением государственной политики должно стать более активное воздействие на экономическое поведение ресурсных

корпораций в Арктике, в идеале – формирования государственного регламента поведения государственных и частных компаний, в котором будут прописаны меры и механизмы, компенсирующие и нейтрализующие издержки социального отчуждения и экстерриториальности.

Литература/ References

- Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Том 1–304 с., том 2–351 с.
- Bogdanov, A.A. (1989). *Tectology. General organizational science*. Moscow. Economics. Vol. 1. 304 p. Vol. 2. 351 p. (In Russ.).
- Комар И. В.* Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука, 1975.
- Komar, I.V. (1975). *Rational use of natural resources and resource cycles*. Moscow. Science Publ. (In Russ.).
- Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
- Coase, R. (2007). *Firm, Market and Law*. Moscow. New publishing house, 224 p. (In Russ.).
- Крюков В. А.* Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1998. 280 с.
- Kryukov, V.A. (1998). *Institutional structure of the oil and gas sector: problems and directions of transformation*. Novosibirsk. IEIE SB RAS. 280 p. (In Russ.).
- Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 536 с.
- Nelson, R., Winter, S. (2002). *Evolutionary theory of economic change*. Moscow. Delo Publ., 536 p. (In Russ.).
- Пилясов А. Н.* Политические и экономические факторы развития российских регионов // Вопросы экономики. 2003. № 5. С. 67–82.
- Pilyasov, A.N. (2003). Political and economic factors in the development of Russian regions. *Economic issues*. No. 5. Pp. 67–82. (In Russ.).
- Пителис Х. Н.* Транснациональная компания: трактовка с позиций ресурсной концепции // Российский журнал менеджмента. 2007. Том 5. № 4. С. 21–40.
- Pitelis, H.N. (2007). Transnational company: interpretation from the standpoint of the resource concept. *Russian Management Journal*. Vol. 5. No. 4. Pp. 21–40. (In Russ.).
- Портер М.* Конкуренция. М.: Изд. дом «Вильямс». 2005. 608 с.
- Porter, M. (2005). *On competition*. Moscow. Ed. house “Williams”. 608 p. (In Russ.).
- Alfaro Laura, Maggie, Chen, Xiaoyang. (2014). The global agglomeration of multinational firms. *Journal of International Economics*. No. 94. Pp. 263–276.
- Applied Evolutionary Economics and Economic Geography. (2007), Ed. Koen Frenken. London. Edward Elgar. 326 p.
- Beugelsdijk, Sjoerd, McCann, Philip and Mudambi, Ram. (2010). Introduction: Place, space and organization – economic geography and the multinational enterprise. *Journal of Economic Geography*. No. 10. Pp. 485–493.

Boschma, R. and K. Frenken. (2017). Evolutionary Economic Geography, in: G. Clarke, M. Feldman, M. Gertler and D. Wojcik (eds.), *New Oxford Handbook of Economic Geography*, Chapter 11, Oxford. Oxford University Press.

Chandler, Alfred D., jr., Hagstrom, Peter and Solvell. (2003). *Orjan The dynamic firm. The Role of Technology, Strategy, Organization, and Regions*. Edited by Oxford university press. 488 p.

Dunning, John H. (2001). The Eclectic (OLI) Paradigm of International Production: Past, Present and Future. *International Journal of the Economics of Business*: 8:2. Pp. 173–190.

Dunning, John H., Lundan, Sarianna M. (2008). *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Second Edition Edward Elgar. 946 p.

Ethier, Wilfred J. (1986). The Multinational Firm. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 101, No. 4 (Nov.). Pp. 805–834.

Iammarino, S., McCann, Philip. (2013). *Multinationals and Economic Geography. Location, technology and innovation*. Edward Elgar.

Jones, Geoffrey. (2005). *Multinationals and Global Capitalism. From the Nineteenth to the Twenty-First Century*. Oxford University Press. 353 p.

Navaretti, Giorgio Barba, Venables, Anthony J. (2004). *Multinational Firms in the World Economy* (Princeton, NJ, Princeton University Press.), xiii+325 Page.

Organization Theory and the Multinational Corporation. (1993). Edited by Sumantra Ghoshal and D. Eleanor Westney. Sloan School of Management Cambridge, Massachusetts, USA St. Martin's Press. 368 p.

Penrose E. (1959). *The Theory of the Growth of the Firm*. New York, John Wiley and Sons.

Rugman, Alan M., Verbeke, Alain A. (2004). Perspective on Regional and Global Strategies of Multinational Enterprises. *Journal of International Business Studies*, Vol. 35, No. 1 (Jan.). Pp. 3–18.

Srnicek Nick, de Sutter Laurent. (2016). *Platform capitalism*. Cambridge, UK. Malden, MA: Polity Press.

The Handbook of Evolutionary Economic Geography. (2010). Eds. By Ron Boschma and Ron Martin. Edward Elgar. 559 p.

Статья поступила 22.09.2020.

Статья принята к публикации 01.11.2020.

Для цитирования: Пилысов А. Н., Богодухов А. О. Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории (часть 2) // ЭКО. 2021. № 2. С. 62–84. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-62-84.

For citation: Pilyasov, A.N., Bogodukhov, A.O. (2021). Arctic Corporation: Approaches to a New Theory (part 2). *ECO*. No. 2. Pp. 62–84. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-62-84.

Summary

Pilyasov, A.N., Doct. Sci. (Geography), Lomonosov Moscow State University, General Director of ANO "Institute of Regional Consulting", Bogodukhov, A.O., Lomonosov Moscow State University Moscow, Moscow

Arctic Corporation: Choosing Approaches to Create New Theory

Abstract. In the first part of the article (see ECO № 1/2021), the main provisions of the theory of Arctic resource TNCs were formulated, their radical differences from TNCs operating in the manufacturing industry and services were analyzed. However, there are no less serious differences between Arctic corporations relative to each other, largely determined by the specifics of natural assets and the challenges that this specifics and location pose to companies. In addition, in recent years, there has been a trend towards hybridization of mining and processing companies in the Arctic due to the placement of the processing stage at the place of resource extraction and the transition of companies of different specializations to a platform model of organizing business processes. The differences between the traditional and platform models of corporate development of the Arctic are shown, and it is proved that in the second case the social costs of development are higher. This makes it necessary to enhance the role of the state in establishing general rules of conduct for public and private resource corporations in the Arctic.

Keywords: *Arctic corporations; OLI paradigm; resource chain; evolutionary economics; economical geography; platform as a business model; Novatek; Gazpromneft; Norilsk Nickel; Arctic; theory of multinationals*

Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА, доктор социологических наук.

E-mail: medi54375@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань

Аннотация. Статья описывает социальные структуры (смыслы и практики) будничной трудовой жизни сельских русских и татар четырех регионов России (Башкортостана, Крыма, Татарстана и Тюменской области). Посредством анализа повседневного трудового поведения индивидуумов выявляются культурно обусловленные закономерности их социально-экономической реальности. Исследование показало много общего у сельчан обеих национальностей. Специфика же проявилась в том, что социальный конструкт повседневности у сельских татар формируется вокруг расширенной семьи, которая придает значения и смыслы их жизненному миру, а у русских сельчан центральным целью-принципом выступает индивидуализированный духовный аспект: многие рутинные практики рефлексированы в контексте обращения к внутреннему миру человека и смысложизненных вопросов. Модели повседневного трудового поведения разных национальностей дополняют друг друга и создают уникальный мир многокультурной сельской России.

Ключевые слова: культура; социально-экономическая сфера; повседневность; трудовое поведение; этнические группы; регионы России

Научная традиция изучения роли культурно-исторических причин в экономическом развитии общества насчитывает более сотни лет. Ее основатель М. Вебер объясняет этос европейского капитализма трудовой этикой протестантизма. Тема получила развитие в межстрановых исследованиях конца XX века, авторы которых [Inglehart, 1997; Hofstede, 2011; Schwartz, 2006] стремились разработать универсальные параметрические измерения культурных оснований экономик современных государств. Эти методики используются и российскими исследователями [Лебедева, Татарко, 2009; Магун, Руднев, 2008].

Для России вопрос о влиянии культурного фактора на социально-экономические процессы в стране не может быть понят с позиций единой системы индикаторов. Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения, высокая актуализация

этнических чувств у представителей населяющих ее народов стимулируют поиск адекватной методологической и методической рамки исследований. «Наша страна – это не только русские, но и народы, численность которых насчитывает миллионы или сотни и десятки тысяч. У каждого из них не только специфическая среда обитания, но есть и образы желаемой ими страны, государства. Все они не забывают о своей национальности» [Дробижева, 2002. С. 447]. Сохраняющиеся различия этнических групп по уровню урбанизации, отраслевой и социально-профессиональной структуре, их территориальные особенности мотивируют к изучению трудового поведения российских народов. Обратим внимание на позитивную роль не противоречащих модернизации традиций [Кузнецов, 2017], которые изменяют свою роль в современных условиях [Гофман, 2010. С. 241].

Методология, методика и база исследования

Различия культур народов России в контексте их влияния на экономическое, трудовое поведение, социально-экономическую адаптацию к меняющимся условиям анализируются историками, этносоциологами и антропологами. Их интересуют мотивационные основания встраивания этнических общностей страны в рыночные отношения [Магун, 2003; Социальное неравенство..., 2002; Шкаратан, Карачаровский, 2002] и причины специфики социально-экономического поведения народов. Среди последних выделяют хозяйственную этику русского православия, советский и досоветский патернализм, последствия традиций сельской общины у русских, татар и других народов российской империи XIX – нач. XX вв. [Зарубина, 2004; Халиков, 1995]. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, насколько связь культуры и социально-экономической сферы реально имплицитно в практики современных народов РФ. Фокусирование на повседневности способно обогатить знания о культурно обусловленных закономерностях социально-экономической реальности на индивидуально-личностном уровне.

Обращение к феномену повседневности предполагает использование феноменологической традиции, основатель которой А. Шюц определяет «жизненный мир» как «высшую реальность», на которой формируются все прочие миры опыта [Шюц, 1988].

Ее существенным элементом, по П. Бергеру и Т. Лукману, является социальная структура, созданная индивидуумами с помощью типизаций и повторяющихся образцов поведения. Такие конструкты теряют анонимность по мере удаления во времени и пространстве [Бергер, 1995. С. 60], а черты Близких начинают восприниматься в качестве несомненных, очевидных, и они становятся основой для типичных конструктов в соответствии с ценностями и интересами «Мы-группы». Повседневная жизнь заведомо упорядочена социокультурными нормами, под влиянием которых индивид вынужден строить свою частную жизнь в зависимости от того, что считает релевантным своим убеждениям и интересам [Жигунова, 2015].

Отдельные исследователи склонны включать в повседневность практики частной, приватной жизни индивидов, определяющее значение для которых имеют жизненный опыт, сложившийся образ жизни [Жигунова, 2015]. Другие обращают внимание на важность такого аспекта, как смысл жизни. Он фиксирует осознанные цели-принципы, которыми руководствуется человек в обычной жизни [Тощенко, Великий, 2018]. Наша цель – выявить общее и особенное в социальных структурах (смыслах и практиках) будничной трудовой жизни сельских русских и татар.

Методология работы задала соответствующую стратегию полевых работ: основным их методом стало глубинное интервью. Неформализованный процесс интервьюирования, основанный не на жестко структурированном опросном листе, а на списке тем, предлагаемых информантам для обсуждения, давал возможность получить данные, обладающие значительной качественной определенностью, зафиксировать тонкие (требующие глубокого проникновения) грани отличий, выяснить скрытые, неявные, но значимые для научного понимания, аспекты повседневного поведения. Такого рода интервью не позволяют оперировать количественными данными и дают возможность судить лишь о некоторых особенностях трудового поведения, преобладании определенных тенденций в этнических и территориальных группах при сравнении их друг с другом.

Интервью проводились в семьях русских и татар в 2017–2019 гг. в Республике Башкортостан (РБ), Республике Крым (РК),

Республике Татарстан (РТ), и Тюменской области (То)¹. При выборе регионов учитывалась численность, соотношение и статусы русских и татар, их длительное взаимодействие, которое, по предположению, могло привести к формированию одинакового повседневного трудового поведения.

Интервью проводились среди горожан и сельчан, в статье анализируются тексты бесед с сельскими информантами (в РБ N=14: по 7 в семьях русских и татар; в РК N=10: по 5; в РТ N=13: 6 – русских, 7 – татар; в То N=14: по 7). Основными стали двухпоколенные семьи, члены которых – родители 40–60 лет и живущие с ними дети 16–25 лет (были и неполные, а также молодые семьи). Подбирались «среднестатистические российские семьи» со средним, выше среднего и ниже среднего уровнем дохода. Их выбор производился с применением метода поиска телефонного номера в записных книжках знакомых. Языком интервью мог быть русский или татарский – это определяли респонденты, исходя из удобства коммуникации. Выдержки приводятся на языке говорящего с соответствующим переводом.

Работа как ценность сельчан

Интервью начинались с вопроса о том, что является значимым для каждого информанта. Для сельчан разных национальностей важно «*Шулай балаларны аякка бастыру / Поставить детей на ноги*» (№ 6, тат., муж., 50 л., РБ) и чтобы они «...*устроенные были нормально*» (№ 7, рус., жен., 59 л., РБ). Среди них оказались и те, кто говорил о работе: «*Семья. Во-вторых, работа. Работа важна сама по себе тоже*» (№ 9, рус., жен., 52 г., РТ). Но их оказалось мало. Для многих «*Главное работу найти*» (№ 7, тат., жен., 18 л., То), и она зачастую воспринимается ими как трудно достигаемая мечта. «*Хорошо было бы, если бы была какая-нибудь работа*» (№ 4, тат., муж., 64 г., РТ).

Провал ценности «работа» объясняется спецификой рынка труда на селе. «*У нас <...> жизнь вроде неплохая, но тут работы нет. Все куда-то ездят <...> Тотып эшлэрлек эш юк инде. Мень рэхэтлэнеп кеше эшлим дигэн / Вот чтоб взяться и работать. Работы нет, чтоб с удовольствием работать*» (№ 2,

---

¹ Разработка программы и инструментария исследования, проведение групповых интервью осуществлены Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой.

тат., жен., 31 г., РТ). В таких условиях весьма распространены в интервью стали многочисленные жалобы на проблемы с материальным обеспечением семей, на ситуации вынужденного отходничества и ностальгия по советской системе занятости сельчан и организации жизни в сельской местности.

Из-за проблем с занятостью на селе этнические группы оказываются в равных условиях, и их представители вынуждены довольствоваться любыми предложениями. *«Я не выбирала. Меня куда позвали, туда и пошла»* (№ 5, рус., жен., 32 г., РТ). Они согласны на любую работу, *«...лишь бы платили вовремя»* (№ 5, рус., жен., 32 г., РТ). Многие работающие информанты никогда не меняли работу. Исключение – Республика Крым. Для многих местных сельских русских и крымских татар **«Сменить профессию вообще не проблема. Я привык. Я за последние пять лет три-четыре работы поменял. Всегда стремился идти там, где, во-первых, нравится, во-вторых, там, где оплачивают получше»** (№ 9, крым. тат., муж., 39 л., РК). Это связано с миграционным опытом: у крымских татар – вынужденным, у русских – трудовым.

Русские вовлекались в советские программы переселений, многие из них или их родители переехали в Крым из регионов СССР, позже Украины, России. Специальности крымских татар, полученные в местах депортации, часто оказывались невостребованными в Крыму. Такие практики трудовой мобильности этнических групп Крымского полуострова оказались достаточно распространенным явлением, но в целом у большинства сельчан всех регионов «работа» не играет смысложизненную роль. В условиях ее практически полного отсутствия на селе произошла деформация их трудового сознания.

Во время рассуждений о нынешней/желаемой работе сельчане много говорили о трудовом коллективе, микроклимате в нем, об отношениях с руководством и коллегами. В этом вопросе близки интервьюируемые разных поколений и национальностей всех регионов. Говоря о работе, они называли справедливость, честность, дисциплину, *«... её делать на совесть. От этого зависит кто про тебя что скажут. У нас в деревне так»* (№ 8, тат., жен., 60 л., То); **«На работе важно, чтоб исполнительность, чтобы работа была всегда исполнена»** (№ 5, рус., жен., 46 л., РБ).

Такие трудовые ценности активнее выделяли в Башкортостане и Татарстане, и реже – в Тюменской области и Крыму. Многие сельские русские и татары одинаково ощущают ответственность за работу, важность своего труда. Среди них были и те, для кого важно «*зарабатывание денег*» (№ 1, рус., жен., 47 л., РБ), и те, кто трудится «*...не только ради денег*» (№ 6, рус., жен., 24 г., РБ), «*...была бы работа очень интересная*» (№ 10, рус., жен., 63 г., РТ). Это отражает советскую этику труда и образует уникальный (в сравнении с горожанами) континуум смыслов повседневной жизни сельчан, сочетающий духовные и материальные аспекты.

В то же время выяснилось, что интерес к материальной стороне работы больше проявляют татары, и особенно – живущие в Татарстане и Башкортостане. «*...больше хочется <...> думаешь, что дальше еще, как сделать так, чтоб больше зарплаты*» (№ 4, тат., муж., 34 г., РТ). Они нередко признавались в наличии двух и даже трех работ, в стремлении найти дополнительные источники дохода. «*Я хожу на подработку на Чемпионат мира сейчас и помощником кассира подрабатываю. <...> Я еще хотела заняться подработкой на дому, тортики делать. <...> Мы хотим еще теплицу сделать, если получится. <...> Я очень люблю цветами заниматься. Я хотела бы выращивать ... розы на продажу, ... к весне рассаду цветов продавать*» (№ 1, тат., жен., 31 г., РТ); «*Летом мы собираем грибы, ягоды, продаём их. Также какая-то прибыль, помощь семье*» (№ 8, тат., жен., 20 л., То).

Крымские татары из сел овладевают городскими специальностями, выезжая летом в прибрежную зону полуострова и обслуживая туристов (общепит, гостиничный и досуговый бизнес). Женщина из тюменского села рассказала о дочери-студентке, которая занимается «*Ногтевым сервисом, маникюр-педикюр в свободное от учёбы время*» (№ 10, тат., жен., 50 л., То). Мать помогает ей заполнять тетрадь, в которой они фиксируют расходы и прибыль.

Фокусированность на материальной стороне работы проявилась и у некоторых русских сельчан. «*Я могу пахать день и ночь, чтобы семья была сытая*» (№ 5, рус., муж., 36 л., РТ). Они признались в подработках. «*Мы всю жизнь на зарплате. <...> Вечером чумарили, выручал трактор*» (№ 9, рус., муж., 56 л., РТ). Но такой дискурс присутствовал заметно реже, чаще

подчеркивалось, что главное – «...не богатство, конечно» (№ 8, рус., муж., 46 л., РТ).

Многие уверены в том, что «*Деньги меняют людей*» (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ), «*Больше денег – больше проблем*» (№ 10, рус., муж., 64 г., РТ), а зарабатывание «*Здоровье забирает только*» (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ). Такие информанты выражают сочувствие обеспеченным людям («...богатые, наверное, спят и боятся» (№ 9, рус., муж., 56 л.; РТ)) и смирение с материальным положением, отражающим православную этику («*Что дано, то и дано. Значит, заслужила*» (№ 9, рус., жен., 52 г., РТ)). Эклектика трудовых ценностей русских сельчан зафиксирована в разных регионах. Она проявилась и в повседневных трудовых практиках семей.

Рутинные трудовые практики в контексте семейных отношений

Повествуя о повседневных заботах, информанты двух национальностей много говорили о семье. Она выступает главным ресурсом решения социально-экономических проблем сельчан. Между тем анализ выявил разные у русских и татар представления о семье и опосредованные ими будничные трудовые практики.

У русских сельчан обычными являются семьи с одним-двумя детьми, живущие отдельно от бабушек и дедушек и часто не имеющие плотных связей с родственниками. Диалог супругов является ярким тому подтверждением: «*У меня вообще очень мало родственников. У мужа их очень много. Только толку никакого. С двоюродными, троюродными не общаемся. Как-то некогда. Сейчас все в таком режиме работают: работа – дом. На праздник – смс, картинку отправили – поздравили*» (№ 5, рус., жен., 32 г.; муж., 36 л., РТ). У татар распространен расширенный тип семьи – многочисленные родственники, взаимодействующие друг с другом. «*Двоюродные у меня очень дружные. Они позвонят, мы собираемся. Нас очень много двоюродных братьев, сестры*» (№ 1, тат., муж., 31 г., РТ). Хотя среди них были и те, кто нацелен на нуклеарную семью, а отдельные русские считают, что жить с родителями и родственниками лучше и правильнее.

Специфика повседневных трудовых практик обнаружена при обсуждении статусов мужчин и женщин в семье. Русские информанты часто говорили об их равенстве, поэтому хозяйки нередко признавались в том, что они могут заняться мужскими делами, а их мужья – женскими. *«Даже по хозяйству, например, его нет дома, я все делаю. То же самое, когда я на работе <...> **Все делаем одинаково.** Я не сижу, не жду. Зимой надо дрова нарубить, я нарублю»* (№ 1, рус., жен., 31 г., РК). Татары, напротив, нередко сообщали о разделении повседневных забот между супругами. *«У меня работа, у неё дом»* (№ 3, тат., муж., 30 л., То).

Главенство мужчины в татарских семьях влечет за собой возлагаемую на него ответственность, в первую очередь, по материальному обеспечению семьи. Информанты нередко подчеркивали, что, создав ее, мужчина должен построить дом, причем часто – своими руками: *«У нас всегда так. <...> Это обязанность мужчины – строить дом»* (№ 9, тат., муж., 27 л., То). Это трактуется ими как должное, целесообразное. *«Основная забота мужчин – это добывать, чтоб в семье был достаток, а женщины... У меня жена никогда не работала здесь, она все время с детьми была. И я считаю, что это правильно. <...> Такое деление – это самое рациональное, полезное для семьи»* (№ 8, крым. тат., муж., 63 г., РК).

Влияние традиционной семьи на повседневность обнаружено и у части русских. Наиболее явно оно проявилось среди казаков в Тюменской области, русских Крыма и потомков старообрядцев в Татарстане. У них *«...семья очень большая. <...> как мини-свадьба получается, все собираются. <...> Около 20 человек. Так взрослых только! Детей-то сколько еще»* (№ 1, рус., жен., 36 л., То).

Родственники вместе занимаются строительством домов и надворных построек, уходом за домашним скотом, птицей, большим приусадебным участком, принимают друг у друга детей и внуков во время каникул и отпусков. В таких семьях обычным является наделение главы мужскими обязанностями. *«Тяжелую работу я делаю. Илья (сын – прим. авт.) помогает. Например, перепахать огород, дрова, снег почистить»* (№ 4, рус., муж., 47 л., То). Хозяйки выполняют сугубо женские работы. *«Каждый на своем месте находится. <...> Физические обязанности*

по дому, <...> чтоб ремонт какой-то – такое за мужем. А женщина на кухне» (№ 4, рус., муж., 27 л., РК).

Сохраняется традиция обязательного проживания невестки в доме родителей мужа в первые пять лет брака (у казаков) и статус главы семейства, когда *«последнее слово за хозяином»* (№ 11, рус., жен., 39 л., РТ). А критерием выбора брачного партнера выступает трудолюбие. *«Сестра с зятем меня встретили <...> и говорят: “Давай уже женись. Такая хорошая девочка”. А че же в деревне? Мы же все трудяжки, да работяжки – все на виду. Наверное, работяжку увидели»* (№ 6, рус., жен., 61 г., РК). В таких традиционных семьях дети обязательно имеют обязанности. *«У нас воспитание было строгое. <...> Родители на работе, дети занимаются хозяйством. В доме уборка, огород <...> Родители пришли с работы, чтобы в доме чистота, в огороде чистота, в хозяйстве накормлено, на столе кушать есть»* (№ 3, рус., жен., 27 л., РК). Родители нередко занимаются бизнесом в родном селе. В семье из Крыма поведали о продаже бытовых изделий из дерева и металла, сделанных главой семейства. Супружеская пара из тюменского села открыла магазин.

Слой высоко мотивированных на экономический прирост среди сельских русских оказался заметно выше в Крыму. Живущие здесь русские часто рассказывали про трудовую социализацию детей и про нынешнюю работу в сельском хозяйстве. Респондент, занимающийся пчеловодством, поведал, что ремеслу он обучился у отца, который *«...заставлял работать в детстве, выполнять работу на пасеке»* (№ 4, рус., муж., 53 г., РК). Другой информант вспомнил насыщенные трудовые будни детства. *«Я иду по полям корову доить. Соседка своих коров доила, у меня возьмет ведро и до дома доносит. Утром в пять утра вставала, шла на рынок, несла на рынок молоко, творог, сметану, мед – все, что дома было, все можно было продать. Я на тачку все нагружу, потащила. Приду на рынок, все выставлю. Там бабульки стоят торгуют и я с ними. <...> мы занимались тюльпанами... срезали. А то, что плохое оставалось, я ходила зарезала. Накручу, иду на рынок, стою, торгую. Это были мои цветы, деньги были мои»* (№ 3, рус., жен., 27 л., РК). Основой социально-экономической мотивации выступает замеченный нами высокий традиционализм крымских сельчан.

У татар опосредующее влияние семьи на труд проявляется в отношениях с многочисленными родственниками. Крупный фермер из Башкортостана обучил детей «нужным» профессиям: старший сын получил ветеринарное образование, дочь – юридическое, младший сын – специалист муниципального управления. *«Обязанности распределялись по такому принципу – чей объем интеллекта и технические возможности соответствуют для исполнения той или иной задачи»* (№ 5, тат., муж., 60 л., РБ). За каждым закреплено направление – разведение породистых лошадей, крупного рогатого скота, птицы, растениеводство, агротуризм. Так, у хозяйки *«...целое поголовье. Она полностью курирует козоводство наше, овцеводство, дойную <...> птицеводство»* (№ 7, тат., муж., 26 л., РБ). Старший брат главы семьи неоднократно одалживал деньги на старте бизнеса, другие его братья помогают с уборкой урожая.

В других семьях дети, родственники из города сообщили об обязательном участии в ведении хозяйства и сбыте продукции, когда они приезжают в свободное время в родную деревню. *«Сәт сдәватә итәбез. <...> Тәмәнгә апаратым мин Гөлфия кысыма. Ул анда нимдәдә линиядә кондуктор булып эшләде. Ул илгән кенә шоферлар арасында сатада / Молоко сдаем <...> Отвожу в Тюмень к дочке Гульфии. Она там на линии кондуктором работает. ... водителям продает»* (№ 8, тат., жен., 60 л., То). Ресурсы семьи привлекаются и к развитию иных форм хозяйствования. Крымский татарин, приехав в Крым, организовал строительную бригаду из родственников и занимается возведением коровников, домов, ремонтом жилья сельчан.

Таким образом, семья и труд выступают для татар в неразрывном единстве. Эта связь рассматривается ими в контексте укрепления семьи (*«Трудности бывают и моральные, и финансовые – это сплачивает нас»* (№ 13, тат., жен., 65 л., РТ) и получения удовольствия от жизни ее членами (*«работа делает меня счастливым человеком. Я думаю, и всю семью»* (№ 7, тат., муж., 26 л., РБ)). И даже среди качеств будущего супруга/супруги детей татары почти всегда называли целеустремленность, порядочность, доброту, заботливость, ум, но особенно часто – трудолюбие: *«...эти кебек трудолюбивый булырга тиеш ул, эш яратырга / ...должен быть трудолюбивый как отец, любить труд»* (№ 6, тат., жен., 27 л., РБ).

Сельские русские, рассуждая о семье и опосредованных этим институтом трудовых практиках, во всех регионах заметно чаще рассуждали об эмоционально-духовных связях членов семейств, а материальные аспекты зачастую выделялись ими отдельно. *«Самое богатство – это семья. Именно отношения семейные. А уже потом, на втором плане финансовая независимость и все остальное»* (№ 6, рус., жен., 35 лет, То). Они прибегают к категориям доверие, согласие, счастье, дружба, теплота, взаимопонимание, уважение и сплоченность – ко всему тому, что придает этнокультурную специфику смыслам их рутинных трудовых практик.

Социальные структуры рутинных трудовых практик этнических групп

Исследование выявило эклектичность будничных трудовых практик русских сельчан. Так, в области ведения сельского хозяйства одна их часть продемонстрировала высокий интерес к нему. Ее представляют владельцы крупных, состоятельных личных подсобных хозяйств, обладатели солидного парка техники и обширной сети покупателей. *«У нас свои поля, мы сеем зерно. Он (муж – прим. авт.) занимается землей <...> В этом году убрали ячмень и пшеницу. <...> Подымались с хозяйства: держали овец, шерсть сдавали, мясо продавали. Держали коров, молочко сами перерабатывали, сами возили и продавали. По церквям предлагали, везде ездили, распродали, по организациям ... Мы всегда были в работе, огород, хозяйство, дети, закатка»* (№ 3, рус., жен., 60 л., РК).

В то же время сельские русские заметно чаще татар признавались в отсутствии домашнего скота или птицы, реже сообщали о занятиях пчеловодством или собирательством (в Тюменском крае), о работах, связанных с переработкой или продажей продукции из личного хозяйства. Среди них оказались и откровенные тунеядцы. В тюменской семье работает лишь молодая хозяйка (на полставки санитаркой в сельской больнице), в числе других доходов – пенсия престарелой матери и пособия на детей. Несмотря на большой приусадебный участок, он не обрабатывается, хотя в семье есть здоровый мужчина, занятый случайными приработками, и дети-подростки. Близость

к городу никак не мотивирует главу семейства к поиску там постоянной работы. Члены семьи высказали многочисленные просьбы и жалобы на отсутствие помощи от государства, администраций района, села. Подобные кейсы зафиксированы и в других регионах.

Трудовые практики сельских татар носят более цельный характер. Во всех регионах они продемонстрировали одинаковый образ жизни, основанный на целерациональных действиях. *«Сегодня экономическое положение говорит о том, что мы должны работать. Мы должны быть заняты и обеспечивать себя и своё потомство»* (№ 10, тат., жен., 50 л., То). Специфика их трудовой мотивации отмечалась русскими. *«Татары – они трудяги»* (№ 4, рус, муж., 53 г., РК). Более явной она оказалась в Башкортостане. *«Постоянно нужно работать, делать, делать, делать, делать, делать надо»* (№ 1, тат., жен., 57 л., РБ).

Заметными у татар оказались и более распространенные практики ведения сельского хозяйства. *«Хозяйство увеличиваем, выращиваем телят. На продажу. Мясо мы ежегодно в мае месяце (продаем – авт.). Молоко, сметана, яйца, творог»* (№ 10, тат., жен., 50 л., То). Некоторые русские из числа участников исследования объяснили это тем, что татары сильнее привязаны к земле, *«хозяйством больше занимаются»* (№ 1, рус., муж., 37 л., То), *«... а наша молодежь в основном все уезжают в город. В городе чтоб чистая работа была»* (№ 7, рус, жен., 30 л., РК).

Другой особенностью социальной структуры будничных трудовых практик татар является главная цель-принцип их жизни – упорядоченность повседневности. *«...һәрбер кешенең эше буырга тиеш, үз урыны булырга тиеш / ...у каждого – свое дело, свое место должно быть»* (№ 6, тат., муж., 48 л., РБ). Не случайно они нередко произносили слово *“тәртип”* (с тат. – порядок, дисциплина). *«Направлять итәргә кирәк инде, потому что направлять итмәсәң, булмый хәзерге заманда ... потому что без теге опыт бар / В настоящее время надо их (детей – прим. авт.) постоянно направлять, без этого нельзя. ... потому что мы – опытные»* (№ 4, тат., жен., 47 л., РБ).

Такая регламентация приводит к тому, что дети из татарских семей нередко повторяют профессию родителей, ждут «рецептов» и «держат отчет» перед ними, став даже взрослыми людьми. *«Завтра в Елбаево поедем. <...> Он (отец – прим. авт.)*

<...> *чтоб знал... где мы, если что где нас искать, позвонить*» (№ 2, тат., муж., 43 г., РТ). Они обязательно советуются с мамой и папой «...насчет того, куда пойти учиться. <...> кем бы мне стать, кем вы меня в будущем видите» (№ 8, тат., жен., 16 л., То).

Родители, в свою очередь, контролируют детей («С вечера, например, скажу сыну ...: “Улым (сынок – прим. авт.), ... нужно сделать то-то (прим. авт.). В обед позвоню, спрошу у него, начал косить или нет. <...> Ага, закончил, тогда вот этим теперь займись» (№ 2, тат., муж., 43 г., РТ)), но по мере взросления им предоставляют право высказывать собственное суждение. «Бәләкәй чакта инде болайрак иде, хәзер үзләренең мнениелары бар инде һәрбересенең / В детстве по-другому было, сейчас у каждого свое мнение уже есть» (№ 4, тат., жен., 47 л., РБ).

Указанная цель-принцип суживает появление в татарской среде неординарных, эвристических идей, в отличие от русских, для которых «свобода» выступает важным структурирующим и мотивирующим элементом организации повседневности. Это проявилось в двух моментах.

Для большинства представителей старшего поколения русских семей важно привитие у детей самостоятельности, установки на поиск и творчество. («Иди сама, как говорится, своей тропой, потом уже поймешь, твое это – не твое. Мы не лезли. <...> Вот теперь она поняла, что пошла не туда. <...> Каждый человек, мне кажется, сам должен пройти этот путь, должен сам понять – ты правильно сделал или нет» (№ 8, рус., жен., 42 г., РТ)). Сами дети поддерживают такой цель-принцип. «Как говорится: “Слушай, но делай по-своему”. **Своя голова на плечах**» (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ). Он проявляется и в вовлечении при его реализации множества акторов. Русские сельчане, вспоминая людей, определивших их выбор профессии, нередко называли соседей, воспитателей, тренеров, друзей, коллег, руководителей, учителей, а в Башкортостане и Татарстане – духовных родителей.

Среди татар, хотя и нашлись те, кто сообщил о влиянии знакомых («У нас у отца были друзья, друг семьи. <...> Он сам такой человек, который на войне был, очень аккуратный, очень интеллигентный человек был. Смотря на него, выбирал (профессию – прим. авт.)» (№ 3, тат., муж., 43 г., РТ)), но чаще

назывались лишь учителя и семья. Указанное разнообразие жизненных стратегий русских способно повлиять на возникновение в их среде многоаспектных трудовых практик.

Другим проявлением структуры трудовой повседневности у этнических групп выступает наличие у их представителей четких планов. Татары разных возрастов не только отметили, что у них *«Всё запланировано»* (№ 9, тат., муж., 27 л., То), но и осудили отсутствие планов. *«Без этого никак. Без этого просто ты пробегаешь, просто впустую потратил свое время. И ничего не добьешься, обязательно надо все выстраивать. <...> обязательно четкие приоритеты»* (№ 7, тат., муж., 26 л., РБ). При этом главным мотиватором планирования у татар вновь выступает материальный аспект. *«Надо жить, чтобы знать, что ты будешь делать завтра, начиная от самого себя. Планирование бюджета, на что ты потратишь его сегодня, завтра? На что отложишь? На отдохнуть или ещё на что-то»* (№ 9, тат., жен., 21 г., То).

Часть русских также заявила о важности планов и жизненных стратегий. *«Хочу развести побольше скотины, вообще всего. <...> Сейчас разведем, будем опять и в семью, и в стройку»* (№ 1, рус., муж., 31 г., РК); *«Мы зимой планируем: <...> отстраиваем баню, строим беседку. Через месяц меняем мебель или что-то подобное. Не так, чтобы спонтанно. Всё равно планы какие-то строятся»* (№ 11, рус., муж., 28 л., То).

Такие сельчане ориентированы на собственные силы и умения. Их было заметно больше в Тюменской области и Крыму. *«Нужно больше трудиться, не жалея себя. <...> если хочешь жить в достатке»* (№ 4, рус., муж., 16 л., То); *«...в первую очередь надейся сама на себя»* (№ 2, рус., жен., 63 г., То).

Но были и те, кто высказал противоположное мнение, выступив *«...против планирования жизни. А зачем? <...> Как в жизни дано, так и идет»* (№ 1, рус., муж., 57 л., То), потому, что *«Жизнь неизвестно что преподнесет»* (№ 11, рус., муж., 42 г., РТ). Такие информанты опасаются случайностей жизни, превратности судьбы, неисполнения обязательств. *«Планов я не строю. Живу одним днем. Никому ничего не обещаю. Завтра все может измениться. Чтобы на меня никто не надеялся, чтобы не подводить»* (№ 7, рус., муж., 23 г., РТ).

Несмотря на выявленные этнические особенности жизненных планов, сельские русские и татары едины в том, что *«На государство надеяться нельзя. Государство никому еще не помогло»* (№ 11, рус., жен., 39 л., РТ) и *«Өмет итеп ятсаң, ышаныч юк алай / Если будешь надеяться, ничего не получишь»* (№ 4, тат., муж., 49 л., РБ). Большинство одинаково рассчитывает на свои ресурсы и поддержку близких. *«На себя надеешься и рассчитываешь на себя, на свои силы, на свои возможности, на возможности своей семьи»* (№ 4, рус., муж., 40 л., РБ).

Выводы

Исследование выявило сохраняющееся значение культуры в социально-экономическом развитии России на уровне повседневного трудового поведения сельчан разных национальностей. Это проявляется в специфических социальных структурах будничной жизни их представителей.

У сельских татар Башкортостана, Татарстана, Крыма и Тюменской области социальный конструкт повседневности формируется вокруг расширенной семьи, которая придает смысл их жизненному миру. Она выстраивает их основные цели-принципы – материальная достижительность, регламентация и планирование, которые проявляются в таких трудовых практиках, как стремление к наращиванию экономического капитала семьи, поддержание правил, регулирующих поведение детей, супругов и в целом брачные отношения во имя интересов семейства. Используемые татарами ресурсы расширенной семьи должны учитываться при реализации аграрной и социальной политики в местах их компактного проживания в селах России.

У русских сельчан в основе социальной структуры повседневности находится индивидуализированный конструкт с его более выраженными интересами личности. Центральной целью-принципом у них выступает духовный аспект: многие осуществляемые практики рефлексированы в контексте обращения к внутреннему миру человека, некоторые мотивированы православной этикой с ее установкой на нестяжательство. Большое значение ими придается «свободе», которая формирует практики самостоятельного самоопределения и стимулирует появление в сельской русской среде неординарных, эвристических

решений. Сосредоточенность русских на смысложизненных вопросах должна учитываться при создании проектов, успех которых будет определяться наличием в их целях и в средствах достижений духовных ценностей. Процесс может тормозить выявленная эклектика социальной структуры их повседневности.

Исследование выявило много общего у сельчан разных национальностей. Все они оказались в равных условиях кризиса российской деревни, из-за которой нарушилась иерархия жизненных ценностей. «Работа» у большинства перестала выступать целью-принципом, а сельскохозяйственный труд не вызывает массового интереса. Акцент сельчан на духовных и материальных ценностях труда демонстрирует уникальную, отличную от горожан, трудовую этику. Учет его может повысить эффективность аграрной политики России.

Гипотеза о роли фактора длительного взаимодействия этнических групп в регионах в формировании одинаковых моделей их повседневных трудовых практик получила лишь частичное подтверждение. Определяющее значение имеет состояние культуры этнической общности. Материалы экспедиций позволяют сделать заключение о большем традиционализме татарских сел в сравнении с русскими. Это проявляется в относительно более высоком интересе татар к сельскому хозяйству и сохранению сельской общины. Традиционные функции села поддерживаются у них и за счет плотных связей между сельчанами и горожанами, сохраняющейся глубокой эмоциональной привязанности последних к деревне. Русское село из-за более ранней урбанизации русского этноса оказалось сильнее подвержено модернизации, из-за чего трансформации подвергся институт семьи, культура хозяйствования, механизмы поддержания национальной культуры. Хотя в отдельных регионах – Башкортостане и Крыму, и у отдельных русских Татарстана и Тюменской области, это явление просматривалось менее явно.

Литература

Бергер П. Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Питер Людвиг Бергер, Томас Лукман; перевод с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241–254.

Дробижева Л. М. Потенциал интеграции в условиях возрастающего многообразия национальностей // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. С. 428–463.

Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 8(52). С. 59–60.

Зарубина Н. Н. Бизнес в зеркале русской культуры. М., 2004. 305 с.

Кузнецов И. М. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян // Вестник Института социологии. 2017. № 22. С. 12–31. DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009. 408 с.

Магун В. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260–279.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93), январь-февраль. С. 33–58.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

Тоценко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995. 235 с.

Шкаратан О. И., Карачаровский В. В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 3–56.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture, 2011. URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (дата обращения: 27.01.2020).

Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 с.

Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. Revue française de sociologie. 2006. № 42. Pp. 249–288.

Статья поступила 06.08.2020.

Статья принята к публикации 20.09.2020.

Для цитирования: *Габдрахманова Г. Ф.* Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар // ЭКО. 2021. № 2. С. 85–103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-85-103.

Summary

Gabrakhmanova, G.F., Doct. Sci. (Sociology), Institute of History named after Sh. Mardzhani AN RT, Head of the Department of Ethnological Research, Kazan

Significance and Practices of Daily Work Behavior of Rural Russians and Tatars

Abstract. The article describes the social structures (meanings and practices) of everyday working life of rural Russians and Tatars in four regions of Russia (Bashkortostan, Crimea, Tatarstan and Tyumen region). By analyzing the daily labor behavior of individuals are identified the culturally determined patterns of their socio-economic reality. The study revealed a lot in common among villagers of both nationalities. The specificity was manifested in the fact that the social construct of everyday life among rural Tatars is formed around an extended family, which gives meaning and meaning to their life world, and among Russian villagers, the individualized spiritual aspect is the central goal-principle: many routine practices are reflected in the context of an appeal to the inner world a person and life-meaning issues. Models of everyday labor behavior of different nationalities complement each other and create a unique world of multicultural rural Russia.

Keywords: *culture; socio-economic sphere; everyday life; labor behavior; ethnic groups; regions of Russia*

References

Berger, P.L. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Piter Lyudvig Berger, Tomas Lukman: perevod s angl. Ye. Rutkevich. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).

Drobizheva, L.M. (2002). Potentsial integratsii v usloviyakh vozzrastayushchego mnogoobraziya natsional'nostey. In *Social inequality of ethnic groups: perceptions and reality*. avt. proyekta i otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow, Academia. Pp. 428–463. (In Russ.).

Gofman, A.B. (2010). In Search of Lost Identity: Traditions, Traditionalism and National Identity *Voprosy sotsial'noy teorii*. Vol. IV. Pp. 241–254. (In Russ.).

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed 27.01.2020).

Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Khalikov, N.A. (1995). *The economy of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries)*. Kazan'. 235 p. (In Russ.).

Kuznetsov, I.M. (2017). The value markers of Russians' cultural and historical identity. *Vestnik instituta sociologii. Institute of the Institute of Sociology*. No. 22. Pp. 12–31. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). *Culture as a factor of social progress*. Moscow. 408 p. (In Russ.).

Magun, V. (2003). Range change (modern Russian labor values and Protestant ethics). *Otechestvennyye zapiski*. No. 3. Pp. 260–279. (In Russ.).

Magun, V., Rudnev, M. (2008). Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries. *Vestnik*

obshchestvennogo mneniya. The Russian Public Opinion Herald. No. 1 (93), yanvar' – fevral'. Pp. 33–58. (In Russ.).

Social inequality of ethnic groups: perceptions and reality (2002). Ed. project and otv. ed. L. M. Drobizheva. Moscow: Academia. (In Russ.).

Schwartz, S.H. (2006). Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. *Revue française de sociologie.* No. 42. Pp. 249–288.

Shkaratan, O.I., Karacharovskiy, V.V. (2002). Russian labor and management culture. *Mir Rossii. Universe of Russia.* No. 1. Pp. 3–56. (In Russ.).

Shyuts, A. (1988). The structure of everyday thinking. *Sotsiologicheskie Issledovaniya. Sociological Studies.* No. 2. Pp. 120–136. (In Russ.).

Toshchenko, Zh.T., Velikiy, P.P. (2018). The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii. Universe of Russia.* Vol. 27. No. 1. Pp. 7–30. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–1–7–33

Zarubina, N.N. (2004). *Business in the mirror of Russian culture.* Moscow. 305 p. (In Russ.).

Zhigunova, G.V. (2015). Everyday life as a social phenomenon. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem. Modern Research of Social Problems.* No. 8(52). Pp. 59–60. (In Russ.).

For citation: Gabdrakhmanova, G.F. (2021). Significance and Practices of Daily Work Behavior of Rural Russians and Tatars. *ECO.* No. 2. Pp. 85-103. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO131-7652-2021-2-85-103..

Совершенствование организационной модели электросетевого комплекса: зарубежный опыт и российская практика¹

Б.И. ФАЙН. E-mail: fayn-bi@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0891-4849.

Директор Центра экономических исследований инфраструктурных
отраслей Института экономики естественных монополий,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации деятельности распределительного электросетевого комплекса в Российской Федерации и ряде зарубежных стран. Дан обзор основных моделей организации такого комплекса, нашедших применение в мировой практике. Проанализированы предпосылки и результаты первого этапа консолидации отечественного электросетевого комплекса. Дана оценка динамики консолидации и концентрации рынков электросетевых услуг в разрезе субъектов Федерации. Выявлены проблемы, связанные с практической реализацией планов консолидации. Обоснована необходимость совершенствования механизмов консолидации электросетевого комплекса РФ, представлены соответствующие предложения и рекомендации.

Ключевые слова: бенчмаркинг; естественная монополия; зарубежный опыт; инфраструктура; консолидация; распределение электроэнергии; территориальная сетевая организация; территория обслуживания; электрические сети; электросетевой комплекс

Введение

Электросетевой комплекс Российской Федерации – важнейшая инфраструктурная отрасль, обеспечивающая передачу и распределение электрической энергии, а также технологическое присоединение потребителей к электросетям. Его устойчивое функционирование, предполагающее надежное энергоснабжение потребителей по приемлемым ценам (тарифам) и доступность электросетевой инфраструктуры для новых подключений, явля-

---

¹ Статья подготовлена по результатам выполнения НИР «Исследование последствий консолидации электросетевого комплекса Российской Федерации» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2020 г.

ется необходимым условием для динамичного социально-экономического развития и обеспечения энергетической безопасности страны [Рясин, 2005; Репетюк и др., 2016].

Современная организационная структура электросетевого комплекса России² сложилась в результате проведенного на рубеже 1990–2000-х годов реформирования электроэнергетического сектора, в ходе которого вертикально интегрированные компании, осуществлявшие всю цепочку производственной деятельности – от производства электроэнергии до ее сбыта конечным потребителям, были реструктурированы с выделением в отдельные хозяйствующие субъекты потенциально конкурентных и естественно-монопольных видов деятельности.

Потенциально конкурентные сферы (генерация, сбыт, ремонты и сервисы) были либерализованы с созданием конкурентных рынков, а естественно-монопольные (передача и распределение электрической энергии, диспетчеризация) продолжили функционирование в условиях государственного регулирования³ [Correns, Vivet, 2004].

Однако в процессе реформирования электроэнергетики не была решена проблема раздробленности электросетевого комплекса, заключающаяся в наличии большого количества владельцев электросетевых активов, значительная часть из которых не обладает необходимыми компетенциями и ресурсами для обеспечения надежного энергоснабжения потребителей по приемлемым тарифам. На решение этой проблемы направлена проводимая в последние годы консолидация электросетевого комплекса, целью которой является рост эффективности его организационной структуры.

В настоящей статье подведены итоги первого этапа консолидации отечественного электросетевого комплекса, в том числе в региональном аспекте, рассмотрены модели его организационной структуры, применяемые в зарубежной практике, представлены предложения и рекомендации по совершенствованию

---

² Реформирование электроэнергетики с разделением по видам деятельности проводилось также в некоторых зарубежных странах начиная с конца 1980-х годов

³ Чубайс А. Б. Экономика и управление в современной электроэнергетике России: пособие для менеджеров электроэнергетических компаний. М.; НП КОНЦ ЕЭС, 2009. 1074 с.

механизмов проведения консолидации, направленные на повышение ее эффективности.

Теория

Деятельность по передаче и распределению электрической энергии экономическая наука традиционно относит к сферам естественных монополий, которые характеризуются такими особенностями, как низкая эластичность спроса, отсутствие товаров-заменителей и субаддитивный характер функции издержек при любых объемах производства, что обеспечивает эффект масштаба [Королькова, 1999]. Ряд исследователей в качестве условия естественной монополии рассматривают общественную значимость отрасли, наличие линейной (сетевой) инфраструктуры, высокие издержки входа на рынок, связанные с необходимостью капитальных вложений [Карибов, 2009].

Исследователи сходятся во мнении, что деятельность, осуществляемая в сферах естественных монополий, более эффективна при отсутствии конкуренции. Применительно к электросетевому комплексу это означает, что на определенной территории обслуживания издержки при передаче электрической энергии будут наименьшими в рамках одной компании, а не нескольких, в связи с отсутствием необходимости создания дублирующей инфраструктуры.

В то же время теория естественных монополий не дает однозначного ответа на вопрос об оптимальных географических границах рынка, обслуживаемого одной компанией, в частности – должна ли зона ответственности электросетевой организации ограничиваться пределами населенного пункта, муниципалитета, региона или всей страны.

С одной стороны, расширение географических границ деятельности электросетевых организаций ведет к возможности построения более эффективной системы управления, оптимизации использования финансовых, материальных и трудовых ресурсов [Сперанский, 2020]. С другой – чрезмерная централизация и укрупнение снижают возможности для гибкого взаимодействия с потребителями на местах и оперативного реагирования на потребности территорий, а также для внедрения механизмов квазиконкуренции (бенчмаркинг, конкуренция

за рынок), стимулирующих рост операционной эффективности [Маслов, 2013; Ярошевич, 2016].

С учетом исторических особенностей развития отрасли и различных подходов регуляторов к нахождению баланса между управляемостью, гибкостью, доступностью и надежностью, в странах мира сложились разнообразные организационные модели электросетевого комплекса, различающиеся по степени централизации, масштабам деятельности таких организаций (площади обслуживаемой территории, количеству потребителей, объему и структуре полезного отпуска), соотношению государственного и частного капитала при владении электросетевыми активами.

Таким образом, консолидация электросетевого комплекса, предполагающая укрупнение сетевых организаций, направлена на реализацию эффекта масштаба, обеспечивающего минимизацию затрат, однако конкретные параметры и механизмы консолидации, создающие целевую конфигурацию электросетевого комплекса, должны определяться с учетом особенностей соответствующих региональных рынков.

Данные и методы

Эмпирическая база данных сформирована на основе материалов решений органов исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии на 2014–2020 гг., а также материалов зарубежных регуляторов и иных открытых данных о количестве и объемах услуг распределительных электросетевых организаций, функционирующих в рассматриваемых странах⁴. Путем анализа имеющейся открытой информации, включая агрегирование данных регулирующих органов, выявлены типовые модели организации электросетевого комплекса, определено суммарное количество электросетевых организаций, в том числе в региональном разрезе, дана оценка уровня концентрации на региональных рынках электросетевых услуг Российской Федерации.

---

⁴ Выборка для проведения анализа особенностей организационной структуры и масштабов деятельности зарубежных электросетевых организаций включала 36 стран, в том числе страны Европейского союза, Великобританию, США, Китай, Австралию, Аргентину, Бразилию, а также государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Модели организации электросетевого комплекса в зарубежных странах

В контексте совершенствования структуры организации электросетевого комплекса Российской Федерации в процессе проведения консолидации представляют интерес модели организации распределительного электросетевого комплекса, нашедшие применение в зарубежных странах.

Несмотря на то, что *вне зависимости от страны деятельность электросетевых компаний осуществляется в условиях естественной монополии, а тарифы на услуги по передаче электрической энергии подлежат государственному регулированию*, спектр существующих в мире организационных моделей электросетевого комплекса достаточно широк. Они имеют свои особенности в каждой стране, обусловленные, в частности, историческим процессом формирования и реформирования электроэнергетического сектора, территориальными особенностями и структурой потребления, а также соотношением полномочий между центральным правительством, региональными и муниципальными органами власти.

Анализ данных моделей показал, что наиболее типовыми для всех стран являются следующие:

- 1) модель крупных частных распределительных сетевых компаний регионального уровня;
- 2) концессионная – с сохранением собственности на распределительные электросетевые активы за муниципалитетами;
- 3) модель полного государственного контроля над распределительным электросетевым комплексом;
- 4) смешанная – с сочетанием распределительных электросетевых организаций различных форм собственности и масштабов деятельности.

Следует учитывать, что отнесение модели электросетевого комплекса конкретной страны к той или иной типовой модели является достаточно условным, поскольку в реальной ситуации отдельные их элементы могут комбинироваться.

Модель крупных частных сетевых компаний регионального уровня

Наиболее яркие примеры ее реализации являют электросетевые комплексы Великобритании и Австралии.

В Великобритании функционируют 14 операторов распределительных электрических сетей (Distribution network operators, DNO), владеющих и управляющих электросетевыми активами, каждый из которых обладает монопольным правом на распределение электрической энергии в своей зоне обслуживания (территории определенного региона)⁵. DNO были созданы в 1990 г. в ходе реформирования электроэнергетической отрасли и в последующем приватизированы.

Также оказание услуг по передаче электроэнергии осуществляют 13 независимых операторов распределительных сетей (Independent Network Operators, IDNO), обеспечивающих развитие и эксплуатацию сети в пределах отдельных локальных территорий (зон новой жилой и коммерческой застройки). Тарифы на услуги IDNO, как правило, аналогичны тарифам на услуги DNO.

Деятельность как DNO, так и IDNO подлежит лицензированию. Согласно условиям лицензий, операторы электрических сетей не могут совмещать деятельность по распределению электроэнергии с энергосбытовой деятельностью [Файн, Мозговая, 2016].

В настоящее время регулятором рынка электроэнергии и газа (Office of Gas and Electricity Markets, Ofgem) инициировано обсуждение вопроса о необходимости (в перспективе до 2030 г.) преобразования операторов распределительных сетей (DNO) в операторов распределительных систем (DSO). Данная инициатива связана с кардинальными изменениями в функционировании розничных электроэнергетических рынков в условиях возрастания роли распределенной генерации и иных современных технологий в энергосистеме страны. Предполагается, что после реформы операторы распределительных систем должны будут не только выполнять функции распределения электроэнергии от передающих сетей высокого напряжения до энергопринимающих устройств потребителей, но и возьмут на себя функции диспетчеризации в зоне своей ответственности, включающие, наряду с управлением объектами электросетевого хозяйства, управление выдчей мощности объектами распределенной генерации, активное управление

---

⁵ Данные Управления по рынку газа и электроэнергии Великобритании. The GB electricity distribution network. URL: <https://www.ofgem.gov.uk/electricity/distribution-networks/gb-electricity-distribution-network>

нагрузкой и системами аккумулирования, что позволит обеспечить функционирование системы энергоснабжения на принципиально ином технологическом и экономическом уровне⁶.

Аналогичная организационная модель электросетевого комплекса представлена в Австралии, где функционируют 16 операторов услуг распределительных сетей (Distribution Network Service Providers, DNSP), обслуживающих территорию определенного региона страны. Каждый штат/территорию Австралии обслуживают от одного до пяти DNSP с закрепленными за ними зонами обслуживания (Виктория, Тасмания и Северные территории – 1, Квинсленд и Южная Австралия – 2, Новый Южный Уэльс – 3, Виктория – 5) [Hilson, Cunsolo, 2019].

Кроме того, в Австралии существует понятие «оператор встроенной электрической сети» (Embedded Network Operator, ENO). Последние управляют электрическими сетями, посредством которых осуществляется энергоснабжение всех помещений в пределах определенной местности или здания. Как правило, операторы встроенной сети назначаются владельцем здания и осуществляют оптовую покупку электроэнергии на входе в сеть и продажу ее внутренним пользователям.

Таким образом, британская и австралийская модель организации электросетевого комплекса предполагают наличие крупных операторов распределительных сетей, ответственных за энергоснабжение определенного региона страны (провинции, штата) в соответствии с административно-территориальным устройством государства. Внутри соответствующих территорий могут выделяться отдельные локальные зоны, обслуживаемые независимыми сетевыми операторами.

Преимуществом данной модели является наличие единого центра ответственности за энергоснабжение потребителей в каждом из регионов страны, что позволяет обеспечить высокую надежность энергоснабжения. Кроме того, данная модель позволяет осуществлять бенчмаркинг между компаниями, осуществляющими деятельность по передаче электроэнергии в различных регионах.

---

⁶ Ofgem asks for feedback on DNO-DSO transition and flexibility // OFGEM. 2019. URL: <https://www.engerati.com/transmission-distribution/ofgem-asks-for-feedback-on-dno-dso-transition-and-flexibility>, UK networks: Making the switch from DNO to DSO // Engerati. 2019. URL: <https://www.engerati.com/transmission-distribution/uk-networks-making-the-switch-from-dno-to-dso/>

Концессионная модель с сохранением собственности на распределительные электросетевые активы за муниципалитетами

Одним из примеров реализации подобной модели является электросетевой комплекс Франции. Распределительные электросетевые активы этой страны находятся преимущественно в муниципальной собственности и эксплуатируются операторами на основании договоров концессии. Операторов распределительных сетей Франции можно разделить на три категории:

- компания Enedis (100%-е дочернее акционерное общество национальной энергокомпании Électricité de France (EDF)) обслуживает около 95% распределительных сетей на территории континентальной Франции) [Prettico et al., 2019];

- местные распределительные электросетевые компании (около 150 организаций), обслуживающие примерно 5% распределительных электрических сетей на территории континентальной Франции⁷, находятся как в муниципальной, так и в частной собственности, по масштабам деятельности охватывают от нескольких десятков до более миллиона точек поставки;

- Systèmes électriques insulaires (филиал Électricité de France) осуществляет обслуживание электрических сетей на заморских территориях страны.

Все вышеуказанные операторы занимаются обслуживанием распределительных линий электропередачи и подстанций на основании договоров концессии, заключаемых с муниципалитетами, владеющими соответствующими электросетевыми активами. При этом они обязаны обслуживать всех потребителей на определенной территории вне зависимости от себестоимости и сложности такого обслуживания, обеспечивать качество и надежность энергоснабжения (в том числе, инвестируя в модернизацию электросетевых активов), своевременно ликвидировать аварийные ситуации, способствовать реализации программ городского (муниципального) развития [Prettico et al., 2019].

К странам с преимущественно муниципальной собственностью на распределительные электросетевые активы, в том числе эксплуатируемые на условиях концессии, можно отнести и Германию.

---

⁷ Данные компании Enedis. URL: <https://www.enedis.fr/electricity-network#onglet-421-enedis-and-local-distribution-companies-ldec> (дата обращения: 14.07.2020).

Электроэнергетика Германии исторически развивалась как совокупность межрегиональных, региональных и коммунальных организаций, находящихся как в частной, так и в государственной (муниципальной) собственности. В настоящее время деятельность по распределению электрической энергии в Германии осуществляют в общей сложности около 900 операторов, к числу которых относятся⁸:

– крупные вертикально интегрированные энергетические компании «Большой четверки» (Rheinisch-Westfälisches Elektrizitätswerk (RWE), Energie Baden-Württemberg AG (EnBW), E.ON и Vattenfall). Указанные энергокомпании имеют в своем составе специализированные подразделения, осуществляющие функции операторов распределительных электрических сетей. Они управляют основной частью передающих электросетевых активов с уровнем напряжения 220 и 330 кВ и обеспечивают в общей сложности около 80% объемов полезного отпуска электрической энергии. При этом часть обслуживаемых электросетевых активов находится в собственности указанных компаний, а часть обслуживается на основании договоров концессии, заключаемых с муниципалитетами на 20-летний период;

– региональные (муниципальные) коммунальные предприятия, обеспечивающие около 20% полезного отпуска электроэнергии конечным потребителям. В настоящее время в Германии функционируют 890 таких организаций, из которых около 700 – муниципальные коммунальные предприятия (Stadtwerke), зачастую совмещающие деятельность в сфере энергетики с оказанием других коммунальных услуг.

Концессионная модель организации распределительного электросетевого комплекса используется и в таких странах, как Бельгия, Аргентина, Бразилия и ряде других. Преимуществом данной модели является возможность обеспечения конкуренции между операторами за право концессии, посредством которой выбирается компания, предлагающая наилучшие условия. При отсутствии единого центра ответственности и наличии большого количества сетевых компаний надежность энергоснабжения достигается за счет соблюдения участниками рынка единых

---

⁸ Report on the German power system. Country profile. URL: <https://erranet.org/download/report-on-german-power-system> (дата обращения: 14.07.2020).

требований и стандартов и взаимной кооперации между ними без объединения собственности, а также наличия централизованной системы лицензирования, мониторинга и контроля за надежностью энергоснабжения [Петюков, 2017; Меден, 2013].

Модель полного государственного контроля над распределительным электросетевым комплексом

В ряде стран распределительный электросетевой комплекс находится под полным контролем государственных компаний. Так, в Китайской Народной Республике деятельность по оперативно-диспетчерскому управлению, передаче, распределению и сбыту электрической энергии осуществляется двумя крупными электросетевыми компаниями, выполняющими также функцию единого закупщика электроэнергии у конкурирующих между собой генерирующих компаний. Северные и центральные регионы страны обслуживает государственная электросетевая корпорация Китая (State Grid Corporation of China, SGCC), а южные регионы – китайская южная электросетевая компания (China Southern Power Grid, CSG). Обе они созданы в рамках проведенной в 2002 г. реорганизации, в ходе которой единая энергетическая корпорация Китая была разделена на 11 государственных предприятий, специализирующихся на определенных видах деятельности.

Деятельность SGCC охватывает около 88% территории страны. В настоящее время это крупнейшая электросетевая компания в мире, осуществляющая энергоснабжение в 26 провинциях, автономных районах и муниципалитетах КНР с населением более 1,1 млрд человек⁹.

Южная электросетевая компания обеспечивает передачу и распределение электроэнергии в пяти южных провинциях Китая (Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу и Хайнань) с общей численностью около 252 млн человек¹⁰.

Таким образом, деятельность по передаче и распределению электрической энергии в КНР является высокоцентрализованной и осуществляется двумя крупными государственными корпорациями.

---

⁹ Corporate Profile // State Grid. URL: http://www.sgcc.com.cn/html/sgcc_main_en/col2017112300/column_2017112300_1.shtml

¹⁰ China Southern Power Grid. Company Profil // China Southern Power Grid. URL: http://eng.csg.cn/About_us/About_CSG/201601/t20160123_132060.html

Помимо Китая, примером страны, где электросетевой комплекс вертикально интегрированный и полностью сосредоточен в рамках крупной государственной компании, является Республика Беларусь. Государственное производственное объединение электроэнергетики (ГПО) «Белэнерго» осуществляет производство, передачу, распределение и сбыт электрической энергии.

Смешанная модель с сочетанием распределительных электросетевых организаций различных форм собственности и масштабов деятельности

Во многих странах мира, в особенности имеющих большую территорию (включая Российскую Федерацию), используется смешанная модель организации распределительного электросетевого комплекса, при которой на рынке функционируют электросетевые организации с различными формами собственности и масштабами деятельности, при этом особенности организации электросетевого комплекса в отдельных регионах страны могут отличаться друг от друга.

Одной из стран, где параллельно функционируют распределительные электросетевые компании различных типов, за каждой из которых закреплена своя зона обслуживания, являются Соединенные Штаты Америки. При этом особенности организации рынков и механизмы регулирования определяются законодательством конкретных штатов, в каждом из которых используются собственные подходы [Орлова, 2014]. Исторически распределительные электрические сети США формировались на основе решений местных властей и находились в муниципальной собственности. Однако деятельность малых коммунальных электросетевых предприятий не была достаточно эффективной, в результате чего значительная их часть была приватизирована. Распределение электрической энергии в США осуществляют около 3200 сетевых организаций, которые можно классифицировать следующим образом [Kassakian, Schmalensee, 2011; Огневенко, 2005]:

– организации, находящиеся в собственности частных инвесторов (Investor-Owned Utilities, IOUs) и обслуживающие территории одного или нескольких штатов (242 компании, обеспечивающие 66% полезного отпуска);

– организации, находящиеся в федеральной собственности, собственности штатов, муниципалитетов и городских округов (около 2 200);

– кооперативы (818). Осуществляют деятельность на территории 47 штатов (преимущественно на Среднем Западе и Юго-Востоке) и, как правило, обслуживают те сельские районы, которые исторически не входили в зону обслуживания других электросетевых организаций.

К числу недостатков данной модели, предполагающей наличие большого количества электросетевых организаций, следует отнести относительно низкую надежность энергоснабжения в США по сравнению с ведущими европейскими странами [Rouse, Kelly, 2011].

В целом в США существуют различные, подчас диаметрально противоположные, точки зрения на оптимальную форму собственности сетевой инфраструктуры. Ряд штатов планируют приватизировать принадлежащее им сетевое имущество, в то время как другие рассматривают целесообразность огосударствления и ремунципализации распределительных электрических сетей из-за имеющихся претензий к частному электросетевому бизнесу (низкие показатели надежности энергоснабжения и недостаточное финансирование развития и модернизации сетевого хозяйства).

Другим примером модели с параллельным функционированием распределительных сетевых организаций различных типов является электросетевой комплекс Республики Казахстан, который по своей структуре очень близок к российскому. Его организационная структура включает следующие типы электросетевых организаций:

– 21 региональная электросетевая компания (РЭК) осуществляет эксплуатацию электрических сетей на уровнях напряжения 0,35-220 кВ, обеспечивая электрические связи внутри регионов и осуществляя передачу и распределение электроэнергии розничным потребителям. Региональные электросетевые компании обслуживают в общей сложности около 500 подстанций и 500 тыс. км электрических сетей;

– около 140 малых и средних энергопередающих компаний различных форм собственности, имеющих собственные или используемые на правах аренды (лизинга, доверительного

управления и иных видов пользования) линии электропередачи. Большинство указанных сетевых организаций находятся в частной собственности, около 20% – в муниципальной.

В Республике Казахстан, как и в Российской Федерации, реализуются меры, направленные на укрупнение и сокращение количества электросетевых организаций [Есымханова, 2017].

Таким образом, подходы к организации электросетевого комплекса различны в каждой стране и определяются историческими особенностями развития электросетевой инфраструктуры, географическими различиями, ролью муниципалитетов, развитием рыночных отношений в электроэнергетике и иными факторами. По мнению автора, исходя из анализа зарубежного опыта, при формировании целевого видения модели организации электросетевого комплекса в Российской Федерации следует избегать крайних ситуаций – как хаотичного и неконтролируемого образования новых электросетевых организаций, не ориентированных на долгосрочное развитие инфраструктуры, так и избыточной концентрации рынка электросетевых услуг в рамках единственной сетевой компании, поскольку это фактически исключило бы использование механизмов бенчмаркинга и квазиконкуренции для стимулирования повышения эффективности.

Консолидация электросетевого комплекса Российской Федерации

Основу распределительного электросетевого комплекса России образуют межрегиональные и региональные сетевые компании, являющиеся дочерними зависимыми обществами контролируемого государством холдинга ПАО «Россети», имеющие филиалы на территории 73 субъектов РФ.

Кроме того, в ряде регионов функционируют не входящие в структуру холдинга межрегиональные и региональные сетевые компании, наиболее крупными из которых являются ПАО «Дальневосточная распределительная сетевая компания» (входит в ГК «РусГидро» и осуществляет деятельность на территории Хабаровского и Приморского краев, Амурской области, Еврейской АО и Республики Саха (Якутия)), АО «Оборонэнерго» (осуществляет энергоснабжение объектов, подведомственных Минобороны России, на территории 74 субъектов Федерации), АО «Сетевая

компания» (Республика Татарстан), АО «Башкирская электросетевая компания» (Республика Башкортостан), АО «Региональные электрические сети» (Новосибирская область), ОАО «Иркутская электросетевая компания» (Иркутская область).

Наряду с указанными компаниями на рынке присутствуют и другие (различные по масштабам и формам собственности) территориальные сетевые организации (ТСО), сформировавшиеся преимущественно на базе бывших муниципальных и промышленных электросетевых активов.

Таким образом, типовую структуру организации электросетевого комплекса в субъекте Российской Федерации можно представить как двухуровневую. Основной объем электросетевых услуг оказывается региональным филиалом межрегиональной сетевой компании либо региональной сетевой компанией. Оставшийся объем распределен между прочими ТСО региона. Кроме того, во многих регионах имеются объекты электросетевого хозяйства, владельцы которых не обладают статусом ТСО (тариф на услуги по передаче электроэнергии для них не устанавливается), а также бесхозяйные электросетевые объекты.

«Стратегией развития электросетевого комплекса Российской Федерации» от 2013 г.¹¹ (далее – Стратегия) в качестве одного из основных направлений государственной политики в электросетевом комплексе определено проведение консолидации электросетевых активов, которая продолжается и в настоящее время. Необходимость консолидации обусловлена тем, что на момент утверждения Стратегии в России функционировало в общей сложности около 3000 территориальных сетевых организаций, каждая из которых обслуживала определенную территорию или конкретных потребителей [Москвичев, 2013]. Наличие избыточного количества мелких и неэффективных электросетевых компаний приводило к снижению надежности энергоснабжения и доступности электросетевой инфраструктуры для новых подключений в зоне их обслуживания, что сдерживало потенциал экономического развития российских регионов [Юнусов, Файн, 2017]. А перераспределение в их пользу части тарифной выручки сдерживало развитие более эффективных сетевых организаций.

---

¹¹ «Стратегия развития электросетевого комплекса Российской Федерации», утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.04.2013 № 511-р (ред. от 29.11.2017).

В последующем Правительством РФ был принят ряд нормативных правовых актов¹², определивших конкретные меры по консолидации, основанные на установлении критериев наделения собственников электросетевых активов статусом ТСО.

Начиная с 2014 г. в Российской Федерации реализуются предусмотренные Стратегией меры по консолидации электросетевого комплекса, которые позволили сократить раздробленность электросетевого хозяйства за счет передачи крупным сетевым организациям регионального уровня бывших муниципальных электросетевых активов, а также вывести с рынка основную часть недобросовестных и неэффективных ТСО, не обладавших необходимыми компетенциями и ресурсами, которые были созданы в период, когда статус ТСО (предполагающий возможность компенсации затрат за счет тарифа) присваивался каждому владельцу и арендатору электросетевого имущества¹³.

За период с 2014 г. по 2020 г. под контроль Холдинга ПАО «Россети», а также ряда крупных региональных сетевых компаний, не входящих в структуру Холдинга, перешла часть активов мелких сетевых организаций, ранее контролируемых муниципалитетами, органами власти субъектов РФ и частными акционерами. Кроме того, лишились статуса ТСО владельцы электросетевых активов, обслуживавших преимущественно одного потребителя («моносети»), снизилось количество бесхозяйных электрических сетей.

По состоянию на начало 2020 г.¹⁴ количество ТСО в России, сократившись на 43% по сравнению с 2014 г., составило 1623 организации. Динамика их численности в 2014–2020 гг. показана на рисунке 1.

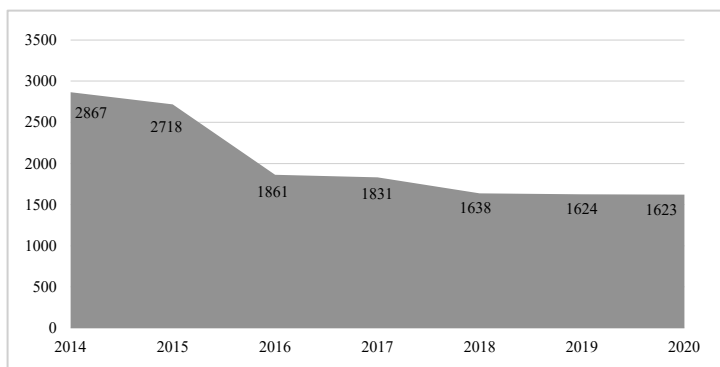
---

¹² Постановление Правительства РФ от 07.03.2014 № 179 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам электроэнергетики», Постановление Правительства РФ от 28.02.2015 № 184 «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям», Постановление Правительства РФ от 17.10.2016 № 1056 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям».

¹³ «Сети натянут ту же. С электросетевого рынка уберут недобросовестных игроков» // Российская Бизнес-газета – Промышленное обозрение. 2014. № 19(948). URL: <https://rg.ru/2014/05/20/seti.html>

¹⁴ Согласно сведениям, представленным в материалах решений органов исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования тарифов об установлении единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

Источник рис. 1–5. Рассчитано автором на основании материалов решений региональных регулирующих органов.

Рис. 1. Количество ТСО в Российской Федерации
в 2014–2020 гг., ед.

Несмотря на существенное сокращение количества ТСО за период с начала реализации Стратегии, после 2017 г. отмечается снижение темпов консолидации ввиду того, что потенциал административных механизмов консолидации, заключавшихся в установлении требований (критериев), которым должны соответствовать владельцы электросетевых активов для получения статуса ТСО, к 2017 г. был в основном реализован. Для достижения поставленной Стратегией цели сокращения к 2030 г. количества ТСО до 800 представляется необходимым задействовать не столько административные, сколько экономические механизмы консолидации, направленные на стимулирование передачи электросетевого имущества наиболее эффективным собственникам.

Региональные аспекты консолидации электросетевого комплекса

С учетом того, что российский рынок услуг по передаче электрической энергии характеризуется существенными региональными различиями, а единые (котловые) тарифы на услуги по передаче электроэнергии в соответствии с действующим законодательством устанавливаются на уровне субъектов РФ, необходима оценка результатов проведения консолидации распределительного электросетевого комплекса не только в целом по Российской Федерации, но и в региональном разрезе.

Структура региональных рынков услуг по передаче электроэнергии может быть охарактеризована такими показателями, как:

– суммарное количество электросетевых организаций в регионе,

– коэффициент рыночной концентрации (concentration ratio, CR), который отражает сумму долей рынка нескольких крупнейших электросетевых организаций к совокупному объему рынка всех ТСО, функционирующих на региональном розничном рынке. В работе итальянских исследователей [Cambini, Meletiou, 2016] для оценки концентрации электросетевых рынков предлагается использование коэффициента рыночной концентрации CR_3 (отражающего долю на рынке трех крупнейших электросетевых компаний). По мнению автора, для оценки концентрации электросетевых компаний на рынках электросетевых услуг в регионах России данный коэффициент также наиболее показателен ввиду того, что основные компетенции по эксплуатации электрических сетей сосредоточены, как правило, в трех крупнейших электросетевых компаниях региона.

Также могут быть использованы индекс Херфиндаля-Хиршмана (Herfindal-Hirshman Index, НИИ), индекс Линда и другие показатели.

Далее в рамках данной статьи представлены результаты расчета таких показателей, как количество электросетевых организаций в разрезе субъектов РФ и коэффициент рыночной концентрации CR_3 , которые, по мнению автора, наиболее применимы для оценки общей динамики количества ТСО и изменения рыночной доли крупных сетевых организаций в регионах страны.

Суммарное количество ТСО в регионах России определено на основе материалов решений региональных регулирующих органов об установлении единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

Количество ТСО по регионам Российской Федерации по состоянию на начало 2020 г. представлено на рисунке 2. В настоящее время количество ТСО, функционирующих на территории отдельных субъектов РФ, существенно различается и составляет от 1 до 66. Наибольшее количество сетевых организаций работает в Московской, Саратовской, Самарской и Челябинской областях, в Краснодарском крае.

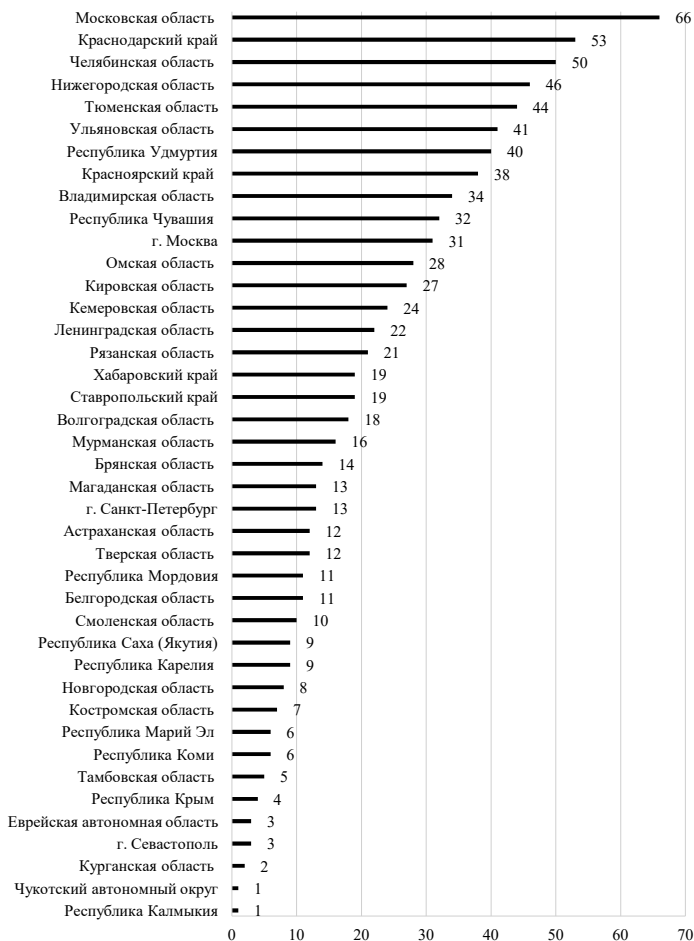

Рис. 2. Количество ТСО по отдельным субъектам
Российской Федерации в 2020 г., ед.

Динамика изменения количества ТСО по субъектам РФ за период с 2014 г. по 2020 г. показана на рисунке 3. Как видно из данных, за рассматриваемый период количество ТСО существенно сократилось практически во всех регионах, хотя масштабы сокращения различались. В большинстве

субъектов РФ количество ТСО сократилось не менее, чем на 40%, на 80% – в Смоленской и Курганской областях, в Республике Калмыкия.

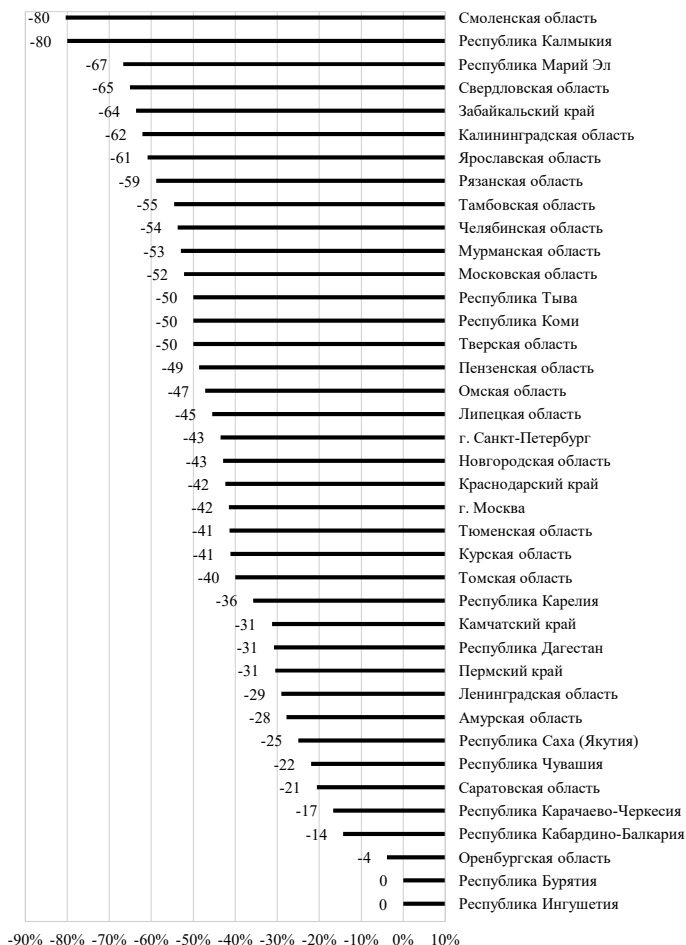

Рис. 3. Динамика количества ТСО по отдельным субъектам Российской Федерации за период с 2014 г. по 2020 г., %

Коэффициент CR_3 рассчитан на основе данных об утвержденной региональными регулирующими органами необходимой валовой выручки (НВВ)¹⁵ на содержание сетей по трем крупнейшим ТСО региона. Расчет коэффициента CR_3 проведен на основе формулы 1.

$$CR_3 = \sum_{i=1}^3 \frac{НВВ_{\text{сод } i}}{НВВ_{\text{сод } \Sigma}}$$

где $НВВ_{\text{сод } i}$ – НВВ на содержание сетей i -ой по величине ТСО региона, утвержденная на соответствующий период регулирования,

$НВВ_{\text{сод } \Sigma}$ – суммарный объем НВВ на содержание всех ТСО, функционирующих на региональном розничном рынке, учтенных регулирующим органом при формировании котловой НВВ на содержание сетей по региону.

Расчетные значения коэффициентов концентрации CR_3 , отражающие долю трех крупнейших распределительных сетевых компаний на региональных рынках услуг по передаче электроэнергии по состоянию на начало 2020 г., показаны на рисунке 4. Как свидетельствуют данные, степень концентрации ТСО сильно варьирует по регионам. В девяти из них тремя крупнейшими ТСО контролируется 100% рынка электросетевых услуг, в половине на их долю приходится более 95% объемов оказываемых услуг. Лишь в 20 регионах три крупнейшие ТСО занимают менее 90% рынка, что свидетельствует об относительно высоком присутствии на этих рынках мелких ТСО.

Динамика изменения коэффициента концентрации CR_3 за период с 2014 по 2020 гг. показана на рисунке 5. За указанный период наиболее значительно возросла концентрация на рынках электросетевых услуг Московской, Самарской, Сахалинской и Кемеровской областей. В то же время в большинстве регионов

---

¹⁵ Использование в расчете величины НВВ обусловлено наличием в открытом доступе постановлений об установлении единых котловых тарифов на услуги по передаче электрической энергии на территории субъектов Российской Федерации, содержащих утвержденную величину НВВ на содержание сетей по каждой ТСО региона (в т.ч. за прошедшие периоды по ТСО, в последующем утратившим данный статус), при отсутствии аналогичных открытых данных о величине полезного отпуска электроэнергии и количестве условных единиц электросетевого хозяйства в разрезе каждой ТСО региона.

страны рост доли трех крупнейших ТСО на региональных рынках был относительно небольшим (менее 5%), а в отдельных регионах доля трех крупнейших ТСО даже снизилась по сравнению с уровнем 2014 г.

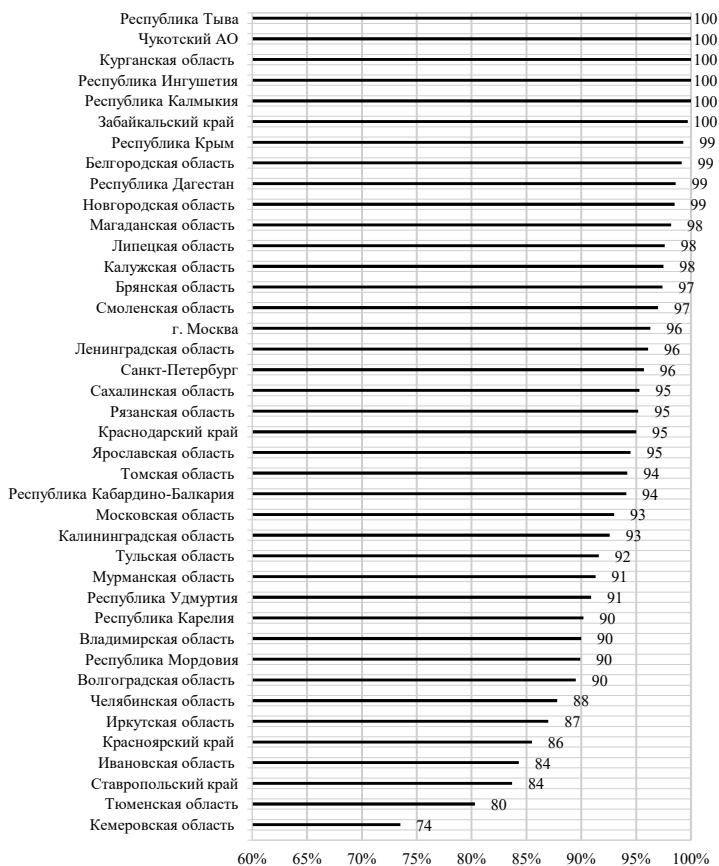

Рис. 4. Коэффициент рыночной концентрации трех крупнейших распределительных электросетевых компаний (CR_3) на рынках электросетевых услуг по отдельным субъектам Российской Федерации по состоянию на 2020 г., %

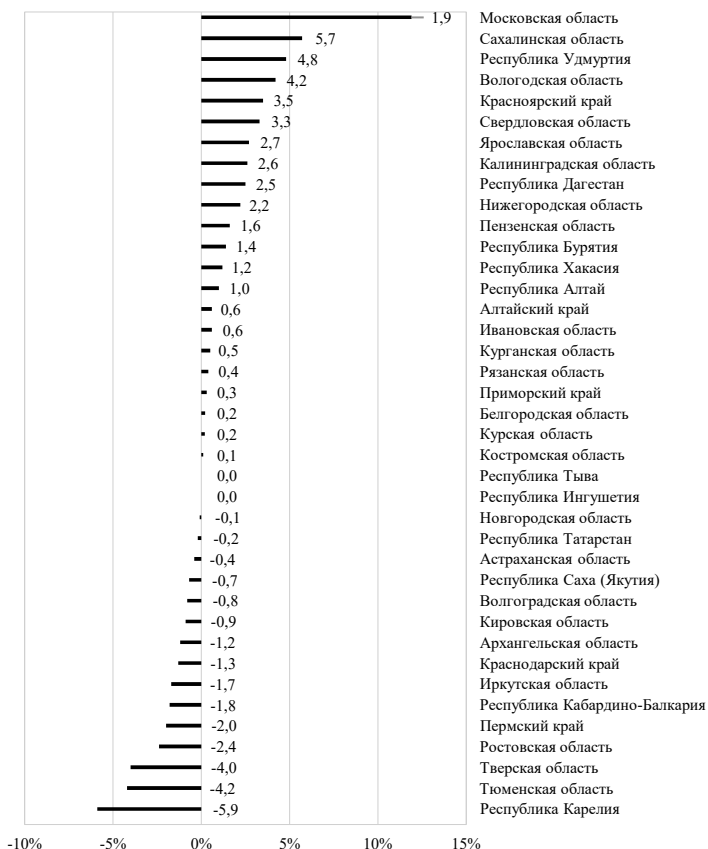

Рис. 5. Изменение коэффициента рыночной концентрации трех крупнейших распределительных электросетевых компаний (CR3) по отдельным субъектам РФ за период с 2014 по 2020 гг., %

Таким образом, процесс консолидации имел свои особенности в каждом регионе Российской Федерации. Если в некоторых из них удалось добиться ухода с рынка основной части мелких неэффективных сетевых организаций, то в других консолидация заключалась преимущественно в присоединении к структурам ПАО «Россети» других крупных региональных ТСО, также

входивших в тройку лидеров, в то время как наименее эффективные мелкие ТСО были затронуты консолидацией в меньшей степени.

Проблемы консолидации электросетевого комплекса РФ и предложения по совершенствованию ее механизмов

Процесс консолидации электросетевого комплекса сталкивается с рядом следующих проблем, сдерживающих его темпы и снижающих эффективность:

- недостаточность экономических стимулов для крупных ТСО к консолидации в своем составе электросетевых активов мелких компаний, в том числе не имеющих статуса ТСО, и хозяйственного электросетевого имущества. Движущими силами консолидации на данный момент являются лишь административные механизмы, поскольку не сформированы рыночные сигналы, стимулирующие передачу электросетевых активов наиболее эффективным ТСО (этим же объясняется и снижение темпов консолидации в последние три года);

- не установлены обязательные требования к предварительной оценке эффективности и тарифных последствий проектов по приобретению/передаче электросетевых активов и слиянию ТСО, реализуемых в рамках процесса консолидации электросетевого комплекса;

- отсутствие четкого нормативного регулирования возможности и порядка использования тарифных средств при выкупе электросетевых активов крупными ТСО у их нынешних владельцев, а также вопросов распределения между ТСО и потребителями эффектов в виде снижения расходов, достигаемых по результатам консолидации.

По мнению автора, к настоящему времени используемые механизмы проведения консолидации электросетевого комплекса практически исчерпали себя и для полной реализации потенциала консолидации необходима ее перезагрузка путем формирования и активного применения экономических механизмов.

Одним из таких механизмов может стать внедрение метода эталонов (сравнения аналогов) при регулировании тарифов на услуги по передаче электрической энергии [Мозговая и др., 2019].

Расчет эталонов должен осуществляться на основе прозрачной методологии бенчмаркинга с использованием информационной базы о деятельности сопоставимых компаний [Дробыш, 2013; Репетюк и др., 2017; Суюнчев и др., 2017]. Применение данного метода не позволит неэффективным ТСО компенсировать свои избыточные затраты за счет тарифа, что стимулирует передачу принадлежащего им сетевого имущества.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо усиление требований к владельцам электросетевого имущества, претендующим на получение статуса ТСО, установленных Постановлением Правительства РФ № 184 от 28.02.2015 г. «Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям». В частности, необходимо ввести дополнительные требования о наличии в штате организации квалифицированного эксплуатационного персонала, а также собственных электросетевых активов (сегодня разрешается иметь арендованные). При этом для ТСО, выступающих в качестве центров консолидации, целесообразно введение дополнительных (по отношению к обычным ТСО) квалификационных требований, включая длительность работы на рынке, конкурентоспособный уровень удельных эксплуатационных затрат, выполнение требований по показателям надежности энергоснабжения и качества обслуживания.

Проведение мероприятий по консолидации должно осуществляться только при условии предварительной оценки вызываемых ими тарифных последствий. Представляется необходимым внесение уточнений в методологию формирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии, которые позволили бы исключить финансирование за счет тарифов расходов по приобретению электросетевых объектов одними ТСО у других в целях недопущения повторного финансирования за счет потребителей стоимости электросетевых активов, ранее профинансированных за счет уже учтенных в тарифе расходов на реализацию инвестиционных программ. В качестве основного источника финансирования мероприятий по консолидации предлагается использовать собственные и привлеченные заемные средства, окупаемость которых может быть обеспечена путем сохранения при тарифном регулировании за сетевой организацией эффекта в виде снижения затрат на период окупаемости.

При совершенствовании российской практики консолидации целесообразно использовать положительный опыт Республики Казахстан, где в соответствии с законодательством¹⁶ применяются, в частности, следующие механизмы ее проведения:

– передача энергопередающим организациям в доверительное управление или в безвозмездное пользование электрических сетей, находящихся на праве хозяйственного ведения или оперативного управления государственных юридических лиц;

– передача на баланс энергопередающих организаций бесхозяйных электрических сетей (предусмотрены налоговые льготы для новых собственников);

– введение дополнительных требований к деятельности энергопередающих организаций (наличие систем диспетчерского управления, укомплектованных аттестованным персоналом служб; договоров с системным оператором; автоматизированных систем коммерческого учета электроэнергии (АСКУЭ)). При этом затраты, необходимые для доведения соответствующих сетевых организаций до уровня соответствия указанным требованиям, не допускается учитывать при определении тарифа на услуги по передаче электрической энергии.

Заключение

В мировой практике применяются различные модели организации электросетевого комплекса, каждая из которых имеет определенные достоинства и недостатки. Организационная структура распределительного электросетевого комплекса должна регулярно совершенствоваться с учетом текущего и целевого состояния технологической инфраструктуры, территориального распределения потребителей, сложившихся отношений собственности и иных факторов.

Консолидация отечественного электросетевого комплекса направлена на реализацию эффекта масштаба и призвана обеспечить минимизацию затрат и повышение качества управления в отрасли, сдерживание темпов роста тарифов для потребителей, повышение надежности энергоснабжения.

---

¹⁶ Закон Республики Казахстан от 11 июля 2017 года № 89-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам электроэнергетики».

Реализация мероприятий по консолидации электросетевого комплекса за период с 2014 г. по 2020 г. позволила практически вдвое сократить количество ТСО. Динамика консолидации существенно различалась по субъектам Российской Федерации, при этом в течение последних трех лет темпы консолидации снизились. Для повышения эффективности процесса консолидации требуется совершенствование ее процедур и механизмов, включая усиление требований к ТСО, формирование экономических стимулов проведения консолидации и приема на обслуживание бесхозных электросетевых объектов (в том числе за счет пересмотра методологии тарифного регулирования), обязательное проведение предварительной оценки тарифных последствий мероприятий по консолидации.

«Стратегией развития электросетевого комплекса Российской Федерации» в качестве целевого показателя на 2030 г. определено сокращение количества ТСО до 800, что почти в четыре раза ниже, чем в момент начала реализации мероприятий по консолидации (2014 г.) и в два раза ниже, чем мы имеем в 2020 г. Тем не менее, даже достигнув целевого показателя в 800 электросетевых организаций, Российская Федерация будет обладать одним из наиболее высоких в мире количеством электросетевых организаций (после США и Германии).

В связи с этим, по мнению автора, должны быть приняты меры по встраиванию всех продолжающих функционирование электросетевых организаций в единый контур управления электросетевым комплексом вне зависимости от их формы собственности. Для этого необходимо введение единых процедур реализации технической и тарифной политики, инвестиционного планирования и контроля вне зависимости от принадлежности электросетевых активов.

Также необходима разработка концепции целевой модели электросетевого комплекса Российской Федерации на период за пределами 2030 г., определяющей в том числе целесообразность дальнейшего сокращения количества распределительных электросетевых организаций в указанной перспективе. Такая целевая модель должна предусматривать привлечение частных инвестиций и развитие конкуренции в электросетевом комплексе, что может быть реализовано путем передачи консолидированных

региональных электросетевых комплексов в концессию частным компаниям на конкурсной основе.

В целом продолжение мероприятий по консолидации при условии совершенствования используемых для ее проведения процедур и механизмов позволит создать в нашей стране эффективную систему организации и управления электросетевым комплексом.

Литература

Дробыш И. И. Бенчмаркинг при регулировании тарифов электросетевых компаний // Труды Института системного анализа РАН. 2013. Т. 63. № 1. С. 97–106.

Есымханова З. К. Некоторые аспекты энергообеспечения Казахстана в условиях проведения «Астана Экспо – 2017» // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл). 2017. С. 297–301.

Карибов А. П. Эволюция теоретических взглядов на природу естественной монополии во второй половине XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика, экология. 2009. № 2(15). С. 170–175.

Королькова Е. И. Тенденции в развитии теоретических подходов к регулированию естественных монополий // Экономический журнал ВШЭ. 1999. № 2. С. 238–264.

Маслов А. Пути повышения энергетической эффективности в региональной электросетевой инфраструктуре // Электроэнергия. Передача и распределение. 2013. № 6 (21). С. 8–10.

Меден Н. К. Социальные аспекты энергетической политики Германии // Пространство и время. 2013. № 1. С. 155–161.

Мозговая О. О., Шеваль Ю. В., Кузнецов В. В. Эталонный метод регулирования как путь к повышению эффективности деятельности гарантирующих поставщиков // Вестник Евразийской науки. 2019. [Эл. ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/77ECVN519.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

Москвичев С. А. Стратегический вектор развития российских распределительных электрических сетей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика, экология. 2013. № 2 (23). С. 100–107.

Огневенко Г. С. Сравнительный анализ организации электросетевого комплекса России и некоторых зарубежных стран в условиях конкурентной энергетики // Ползуновский вестник. 2005. № 2. С. 82–90.

Орлова Ю. А. Реформа регулирования тарифов электросетевых компаний России: условия повышения конкурентоспособности сектора // Современная конкуренция. 2014. № 4 (46). С. 26–48.

Петюков С. Э. Зарубежный опыт обеспечения безопасности и надежности электроэнергетических систем на примере Великобритании и Германии и целесообразность его применения в России // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 165–171.

Репетюк С. В., Мозговая О. О., Темная О. В. Бенчмаркинг отечественных электросетевых компаний на основе эконометрического метода // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. [Эл. ресурс]. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/47EVN617.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

Репетюк С. В., Мозговая О. О., Файн Б. И. Регулирование деятельности по технологическому присоединению потребителей к электрическим сетям: российский и мировой опыт // Экономическая политика. 2016. № 1. С. 61–78. DOI: 10.18288/1994–5124–2016–1–05.

Рясин В. И. Энергетическая безопасность региона как системообразующий фактор экономической безопасности // Вестник ИГЭУ. 2005. № . С. 61–164.

Сперанский С. А. Слияние и консолидация как способы оптимизации расходов и повышения эффективности управления компанией (на примере ПАО «Россети») // Экономика регионов России: современное состояние и прогнозные перспективы. Сб. статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов Ивановского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. С. 263–267.

Суюнчев М. М., Файн Б. И., Трегубова Е. А. Анализ зарубежного опыта бенчмаркинга затрат при регулировании тарифов на передачу электроэнергии // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. [Эл. ресурс]. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/105EVN517.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

Файн Б. И., Мозговая О. О. Исследование опыта Великобритании по прогнозированию развития электросетевого комплекса // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. [Эл. ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/30EVN616.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

Юнусов Л. А., Файн Б. И. Актуальные задачи тарифной политики в распределительном электросетевом комплексе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 204. С. 462–477.

Ярошевич Н. Ю. Анализ современных теорий торгов за концессию отраслей естественных монополий // Инновационное развитие. 2016. № 4. С. 54–57.

Cambini C., Meletiou A. [и др.]. Market and regulatory factors influencing smart-grid investment in Europe: Evidence from pilot projects and implications for reform // Utilities Policy. 2016. URL: <https://sciencedirect.com/science/article/pii/S095717871630073X> (дата обращения: 25.11.2020).

Coppens F., Vivet D. Liberalisation of Network Industries: Is Electricity an Exception to the Rule? // National bank of Belgium, 2004. 42 p.

Hilson Z., Cunsolo A. Electricity regulation in Australia: overview // Baker McKenzie. – 2019. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-010-9549?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-010-9549?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1) (дата обращения: 25.11.2020).

Kassakian J., Schmalensee R. The Future of The Electric Grid // Massachusetts Institute of Technology. 2011. [Эл. ресурс]. URL: <http://energy.mit.edu/wp-content/uploads/2011/12/MITEL-The-Future-of-the-Electric-Grid.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).

Prettico G., Flammini M. G., Andreadou N., Vitiello S., Fulli G., Masera M. Distribution System Operators observatory 2018 – Overview of the electricity distribution system in Europe. Publications Office of the European Union. 2019. 78 p.

Rouse G., Kelly J. Electricity reliability: Problems, progress, and policy solutions // Galvin Electricity Initiative, 2011. Vol. 28. Pp. 17–20.

Статья поступила 20.09.2020.

Статья принята к публикации 19.10.2020.

Для цитирования: Файн Б.И. Совершенствование организационной модели электросетевого комплекса: зарубежный опыт и российская практика // ЭКО. 2021. № 2. С. 104-134. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-104-134.

Summary

Fayn, B.I., Director of the Center for Economic Research of Infrastructure Industries of the Natural Monopoly Economics Institute, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow

Enhancing the Organization Model of the Power Grid Complex: International Experience and Russian Practice

Abstract. This paper presents the results of benchmarking for operators of electricity distribution networks in Russia's regional markets and abroad. An overview is given for the principal global organization models of power grid complexes. Premises and results of the first stage of the power grid complex consolidation have been analyzed. The consolidation and concentration level of regional electricity distribution markets in the Russian Federation has been evaluated. The plans of industry consolidation have encountered some implementation problems. Recommendations have been given to increase the efficiency of consolidation mechanisms in the network industry of the Russian Federation.

Keywords: *benchmarking; natural monopoly; foreign practices; infrastructure; consolidation; electricity distribution; distribution network operator; service area; electricity networks; power grid complex*

References

Cambini, C., Meletioui, A. [и др.]. (2016). Market and regulatory factors influencing smart-grid investment in Europe: Evidence from pilot projects and implications for reform. Utilities Policy. Available at: <https://sciencedirect.com/science/article/pii/S095717871630073X>

Coppens, F., Vivet, D. Liberalisation of Network Industries: Is Electricity an Exception to the Rule? National bank of Belgium. (In Russ.) Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/144273/1/wp059.pdf> (accessed 25.11.2020)

Drobysch, I.I. (2013). *Benchmarking in tariff regulation of electricity distribution companies*. Transactions of the Institute for System Analysis of the Russian Academy of Sciences. Vol. 63. No. 1. Pp. 97–106. (In Russ.)

Esymkhanova, Z.K. (2017). *Some aspects of Kazakhstan's energy supply in the context of «Astana expo-2017»*. Regional economy: Technologies, economy, ecology, And infrastructure Proceedings of the 2 international scientific and practical conference (Kyzyl), Russiapp. Pp. 297–301. (In Russ.)

Fayn, B.I., Mozgovaya, O.O. (2016). The Study of the Electricity Network Development Planning in Great Britain. *Internet magazin 'Naukovedenie'*. Vol. 8.

No. 6. (In Russ.) Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/30EVN616.pdf> (accessed 25.11.2020).

Hilson, Z., Cunsolo, A. (2019). Electricity regulation in Australia: overview // Baker McKenzie- Available at: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-010-9549?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true&bhcp=1](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-010-9549?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true&bhcp=1)

Kassakian, J., Schmalensee, R. (2011). The Future of The Electric Grid // Massachusetts Institute of Technology. Available at: <http://energy.mit.edu/wp-content/uploads/2011/12/MITEI-The-Future-of-the-Electric-Grid.pdf> (accessed 25.11.2020).

Karibov, A.P. (2009). Evolution of the theoretical approaches to the natural monopoly essence in the second half of the XX century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Ecologiya*. No. 2 (15). Pp. 170–175. (In Russ.)

Korolkova, E.I. (1999). Trends in the development of theoretical approaches to the regulation of natural monopolies. *HSE Economic Journal*. No. 2. Pp. 238–264. (In Russ.)

Maslov, A. (2013). Ways to improve the energy efficiency in the regional electric grid infrastructure. *Electricity. Transmission and distribution*. No. 6 (21). Pp. 8–10. (In Russ.)

Meden, N.K. (2013). Social aspects of Germany energy policy. *Space and time*. No. 1. Pp. 155–161.

Moskvichev, S.A. (2003). Strategic vector of development of the Russian distributive electric grid. *Vestnik Volgogradskogo state un-ty*. Ser. 3, *Ekonomika. Ecological*. No. 2 (23). Pp. 100–107. (In Russ.)

Mozgovaya, O.O., Sheval Yu.V., Kuznetsov V.V. (2019). Development of default electricity suppliers' efficiency by the yardstick regulation. *The Eurasian Scientific Journal*. No. 5(11). (In Russ.) Available at: <https://esj.today/PDF/77ECVN519.pdf> (accessed 25.11.2020).

Ognevenko, G.S. (2005). A comparative analysis of the organization of the electric grid complex of Russia and some foreign countries in the context of competitive energy. *Polzunovskiy Bulletin*. No. 2. Pp. 82–90. (In Russ.)

Orlova, Yu.A. (2014). Electricity distribution tariffs regulation reform in Russia: provisions for increase competitiveness of the sector. *Modern Competition*. No. 4 (46). Pp. 26–48. (In Russ.)

Petyukov, S.E. (2017). Foreign Experience of Providing Safety and Security in Power Grids of the Great Britain and Germany and necessity of its Implementation in Russia. *Innovations and Investments*. No. 2. Pp. 165–171. (In Russ.)

Pretticco, G., Flammini, M.G., Andreadou, N., Vitiello, S., Fulli, G., Masera, M. (2019). Distribution System Operators observatory 2018. Overview of the electricity distribution system in Europe. Publications Office of the European Union. 78 p.

Repetyuk, S.V., Mozgovaya, O.O., Fayn, B.I. (2016). Distribution Electricity Network Connection activities: practice of regulation in Russian Federation and other countries. *Economic Policy*. No. 1. Pp. 61–78. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-1-05. (In Russ.)

Repetyuk, S.V., Mozgovaya, O.O., Temnaya, O.B. (2017). Russian electricity networks benchmarking based on the econometric approach. Internet magasin 'Naukovedenie'. Vol. 9. No. 6. (In Russ.) Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/47EVN617.pdf> (accessed 25.11.2020).

Rouse G., Kelly J. (2011). Electricity reliability: Problems, progress, and policy solutions // Galvin Electricity Initiative. Vol. 28. Pp. 17–20.

Ryasin, V.I. (2005). Energy security of the region as a system-forming factor of economic security. West. IGEU Issue. Pp. 161–164. (In Russ.)

Speransky, S.A. (2020). *Merger and consolidation as ways to costs optimization and the company' management efficiency increase (etc. PJSC 'ROSSETI')*. Russian regions' economy: the current status and the forecast prospects. Collection of articles on the materials of the II All-Russian scientific-practical conference of teachers, graduate students, undergraduates of the Ivanovo branch of the G.V. Plekhanov. Pp. 263–267. (In Russ.)

Suyunchev, M.M., Tregubova, E.A., Fayn, B.I. (2017). Electric networks costs benchmarking: international regulatory practices overview. *Internet magazin 'Naukovedenie'*. Vol. 9. No. 5. (In Russ.) Available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/105EVN517.pdf> (accessed 25.11.2020).

Yaroshevich, N.Yu. (2016). The analysis of modern theories of auctions for concession in industries natural monopolies. *Innovative development*. No. 4. Pp. 54–57. (In Russ.)

Yunusov, L.A., Fayn, B.I. (2017). *Challenges of the tariff policy in the in the electricity distribution networks*. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. Vol. 204. Pp. 462–477. (In Russ.)

For citation: Fayn, B.I. (2021). Enhancing the Organization Model of the Power Grid Complex: International Experience and Russian Practice. *ECO*. No. 2. Pp. 104-134. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-104-134.

Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов¹

И.В. ВОЛЧКОВА, кандидат экономических наук. E-mail: volchkovairina@bk.ru
ORCID: 0000-0002-3692-4964

Томский государственный педагогический университет

Е.В. УФИМЦЕВА, кандидат экономических наук. E-mail: ufimtseva80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9946-0220

Томский государственный архитектурно-строительный университет

Н.Р. ШАДЕЙКО, кандидат экономических наук. E-mail: shnr@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-3722-529X

Томский государственный архитектурно-строительный университет

А.А. СЕЛИВЕРСТОВ, кандидат экономических наук. E-mail: seliverstov@live.ru
ORCID: 0000-0003-2455-7690

Томский государственный педагогический университет, Томск

Аннотация. Исследование направлено на обобщение результатов научных трудов, предметом изучения которых выступают современные тенденции пространственного развития российских агломераций. В статье проведен анализ ряда положений и ключевых приоритетов Стратегии пространственного развития России, показаны сопряженные с этим развитием глобальные и региональные вызовы и угрозы, обозначена роль в этом процессе агломераций. Приведены имеющиеся в научной литературе точки зрения на сущность, тенденции и противоречия пространственного развития агломераций, его влияния на социально-экономические процессы, протекающие в соответствующих регионах. На основе ряда исследований систематизированы факторы пространственной поляризации агломераций, показаны условия их сбалансированного развития. Проведенный анализ официальных документов позволил выделить стратегические приоритеты, вектор и сценарии развития агломераций в интересах экономического роста России.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития; агломерация поселений; пространственное развитие агломераций; экономический рост; социально-экономическое развитие; глобальные вызовы

Введение

В научных кругах необходимость «установления эффективно и адекватного пространственного порядка» [Кожевников, 2019] осознавалась еще со времен распада СССР. Трансформационные преобразования социально-экономического строя страны конца

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-110-50107.

XX века привели к существенному обострению проблем регионального развития, эффективным средством «расшивки» которых, по мнению В.Л. Глазычева, должно было стать продуманное пространственное развитие, «воспринятое как идеологически, так и технологически» [Глазычев, Щедровицкий, 2004]. Тем не менее в начале нового тысячелетия, несмотря на имеющиеся разработки теоретико-методологических основ пространственного развития в условиях рыночной экономики [Jensen, 1973; Puu, 1985; Yang, 1992; Fujita et al., 1999; Button, 2000; Albrechts, 2004], богатый практический опыт пространственного планирования в странах Европейского союза², в России пространственное развитие не стало самостоятельным предметом государственной политики, зачастую отождествляясь с «социально-экономическим», чаще «экономическим» [Лексин, 2018].

В июне 2014 г., с принятием закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», терминология стратегического планирования была официально дополнена понятием «Стратегия пространственного развития» (далее – Стратегия), а принятый спустя четыре года одноименный документ³ определил приоритеты, цели и задачи регионального развития страны на ближайшую перспективу. Едва обнародованная Стратегия подверглась критике со стороны экспертного сообщества, в том числе во многом – из-за убежденности в том, что разработка стратегий в стране малопродуктивна и напоминает «строительство воздушных замков или планы поворота сибирских рек» [Зубаревич, 2015].

Открывшаяся дискуссия, помимо вопросов к терминологии, содержанию и идеологии документа, выявила наличие принципиально разных точек зрения на саму сущность пространственного развития и на концептуальные основы его исследования и регулирования [Лексин, 2018], что стало дополнительным аргументом

---

² European Spatial Development Perspective (ESDP). 1999. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf (дата обращения: январь 2020).

Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента. 2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902026751> (дата обращения: январь 2020).

³ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» / Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: январь 2020).

в пользу необходимости совершенствования методологии и инструментария территориального планирования.

Кроме того, процесс подготовки и обсуждения Стратегии «был чрезмерно зарегламентирован правительственными решениями, на которые были вынуждены ориентироваться разработчики» [Кузнецова, 2019], так что в итоге документ приобрел «весьма декларативный характер, близкий по своей сути к декларации о намерениях» [Герцберг, 2018] и не обладающий признаками «современного по методологии стратегического документа в области экономики – системностью, этапностью, согласованностью целей и имеющихся ресурсов» [Бухвальд, 2019].

Переход к новому технологическому укладу; неблагоприятная геополитическая обстановка в мире; санкционное давление; усиление дефицита природных ресурсов; изменение территориальной структуры расселения; усиление миграционной подвижности; чрезмерная концентрация экономического роста в ограниченном числе центров; высокий уровень внутрирегиональной социально-экономической дифференциации и системные диспропорции в межрегиональном развитии; редкая сеть городов и низкая плотность населения; слабая инфраструктурная обустроенность экономического пространства и транспортные ограничения – вот далеко не полный перечень глобальных и региональных вызовов и угроз, с которыми сопряжено пространственное развитие России. Все это обуславливает необходимость серьезного осмысления методов и путей модернизации, поиска резервов и новых механизмов развития страны, одним из которых выступает «переход на пространственно сбалансированную государственную политику» [Русановский и др., 2018], адекватную новым вызовам и геоэкономическим процессам.

Роль агломераций в пространственном развитии России: взгляд экспертов

Опуская полемику вокруг сущностно-содержательной характеристики пространственного развития, остановимся на ряде ключевых обсуждаемых положений Стратегии относительно роли агломераций в пространственном развитии России. Прежде всего, серьезной критике подверглись представления разработчиков документа о процессах урбанизации, точках экономического роста и условиях сокращения экономической дифференциации.

Так, авторы Стратегии не смогли представить убедительных доказательств того, что предлагаемый вектор пространственного развития не нарушает «однородности экономического пространства и однозначно ведет к сокращению межрегиональной экономической дифференциации». Ускорение темпов экономического роста отдельных территорий и сокращение межрегиональной дифференциации – «во многом противоречащие друг другу цели» [Кузнецова, 2019]. Тем самым документ «противоречит сам себе: то достаточно отчетливо централизует идею “точек роста”, то призывает к сокращению внутрирегиональной экономической дифференциации» [Бухвальд, 2019].

К тому же, по мнению ряда исследователей, имеющийся зарубежный опыт не дает однозначного подтверждения того, что «экономический рост сосредоточен в крупных городах и агломерациях», более того, в перспективе «основную роль точек роста должны сыграть не крупнейшие мегаполисы, а города и агломерации второго порядка» [Мельникова, 2017; Михеева, 2018]. По мнению экспертов, урбанизация будет эффективна только в том случае, если она «обеспечит раскрытие потенциала каждого города независимо от его размера» [Михеева, 2018]. При этом экономический прорыв может быть создан «не несколькими точками роста, а равномерным покрытием экономического пространства страны» [Иванов, Бухвальд, 2018]. Сосредоточение экономической деятельности в ограниченном числе агломераций, обуславливающее «сжатие пространства», будет способствовать формированию «либо безлюдных пустынь, либо мест временного проживания», а обширная территория России станет «бременем, а не фактором развития» [Жоломак и др., 2018].

Отметим, что ключевым приоритетом пространственного развития во многих европейских странах выступает концепция полицентрического развития, направленная на «увеличение числа центров экономического роста, обладающих конкурентоспособной экономикой, а также обеспечение высокой связанности центров между собой и с прилегающими территориями»⁴. В России,

---

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» / Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: март 2020).

по оценкам фонда «Институт экономики города»⁵, к настоящему времени только 11 агломераций (Московская, Санкт-Петербургская, Екатеринбургская, Новосибирская, Ростовская, Казанская, Уфимская, Нижегородская, Воронежская, Краснодарская, Томская) характеризуются развитой экономикой и высоким потенциалом для естественных структурных сдвигов, не требующих особых мер государственной политики.

Результатами другого исследования [Русановский и др., 2018] стали выводы о том, что безусловными драйверами экономического развития, обладающими агломерационными эффектами, выступают лишь Москва и Новосибирск. Наличие резервов роста выявлено у ряда крупных городов – Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Омск, Самара, Санкт-Петербург, Уфа, Челябинск, на которые, по мнению исследователей, целесообразно направить усилия по повышению их роли в экономике страны. Волгоград, Воронеж, Красноярск и Тюмень признаны городскими округами, создающими пространственные дисбалансы за счет избыточной концентрации ресурсов.

Отчасти это обусловлено тем, что в России «зоны ускоренного роста медленно расширяются вглубь страны, и большинство крупных городов Поволжья, Урала и Сибири пока не стали новыми “точками роста” в силу объективных проблем и сверхцентрализации управления с чрезмерным изъятием финансовых ресурсов у регионов» [Зубаревич, 2017].

Тем не менее, несмотря на неоднозначные представления экспертного сообщества об агломерациях – являются ли они «точками роста», способствующими развитию периферии или «пылесосами, вытягивающими из окружающих территорий ресурсы» [Кузнецова, 2019], в Стратегии им отведена одна из ведущих ролей. Через поддержку существующих агломераций и увеличение количества центров экономического роста предполагается «создание условий для формирования устойчивой полицентрической системы пространственного развития»⁶

⁵ Официальный сайт фонда «Институт экономики города. URL: http://www.urbanecomics.ru/sites/default/files/vgp_issue3.pdf (дата обращения: март 2020).

⁶ О направлении проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Поручение Правительства Российской Федерации от 19 июля 2018 г. № ДМ-П16–32пр (пункт 2). URL: https://www.spsss.ru/assets/files/2018/v-nts_strategiya-prostranstvennogo-razvitiya.pdf (дата обращения: январь 2020).

России. Вместе с тем анализ сложившихся в России тенденций пространственного развития за последние годы позволяет заключить, что нарастающие противоречия могут значительно отодвинуть на второй план агломерационные эффекты.

Агломерации в современном пространственном измерении: тенденции и противоречия

На сегодняшний день, по некоторым оценкам, около 58% городского населения России сосредоточено в агломерациях. При этом, под влиянием центростремительных сил, «концентрация населения в крупнейших городах имеет тенденции к росту» [Кузнецова, 2019]. Крупные агломерации занимают значительные территории, «превращаясь в передовые региональные зоны развития» [Nikitskaya et al., 2019], наращивают темпы прироста населения, удельный вес которого в численности региона достигает 40–80% (таблица).

Характеристика численности и занимаемой территории крупнейших и крупных агломераций по состоянию на 1 января 2019 г.

Городская агломерация (ГА)	Удельный вес, %		Плотность населения на территории ГА, чел./км ²	Уровень городского размещения*
	населения ГА в численности региона	площади территории ГА в площади региона		
Московская	70,2	12,0	3017,5	Высокий
Санкт-Петербургская	76,7	14,0	534,4	Умеренный
Самарско-Тольяттинская	86,0	37,0	138,6	Умеренный
Екатеринбургская	50,9	6,7	167,5	Высокий
Ростовская	53,8	3,4	645,9	Умеренный
Новосибирская	75,2	9,3	126,0	Умеренный
Нижегородская	65,0	13,6	198,4	Умеренный
Челябинская	46,0	10,8	168,6	Высокий
Казанская	40,5	13,2	175,7	Слабый
Владивостокская	42,8	3,2	153,1	Высокий

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата; * данные официального сайта фонда «Институт экономики города. URL: http://www.urbanecconomics.ru/sites/default/files/tatyana_polidi.pdf (дата обращения: март 2020).

Сегодня «урбанизация обретает новые формы пространственного развития, вовлекая в сферу городской жизни все новые и новые ареалы, стирая четкие грани между городским и сельским расселением» [Марголин, 2015]. Анализ показателей жилищного

строительства позволяет заключить, что в настоящее время агломерации ориентированы на интенсивное освоение пригородов. По данным фонда «Институт экономики города»⁷, превышение душевого показателя ввода жилья в сельских поселениях агломераций над ядром в 2016 г. наблюдалось в Самарско-Тольяттинской, Челябинской, Нижегородской и др. агломерациях. При этом плотность застройки в большинстве агломераций существенно разнится между ядром и пригородом.

Тенденции последних лет характеризуются также активным взаимопроникновением мест приложения труда. Анализ миграционных потоков все чаще выявляет рост трудовой и культурно-бытовой миграций в ядра агломераций из близлежащих поселений. В ряде агломераций ежедневно около 30–40% жителей поселений-сателлитов совершают трудовые передвижения в ядро [Шугрина, Миронова, 2018]. Усложнение и изменение векторов социально-экономических взаимодействий между поселениями обуславливают необходимость совершенствования транспортно-коммуникационной и инженерной инфраструктуры. Это направление активно развивается в рамках приоритетного проекта стратегического развития РФ «Безопасные и качественные дороги».

Современные тенденции развития агломераций, а также точки зрения научного сообщества на их роль в трансформации экономики российских регионов не сложно проследить по ряду исследований. Приведем результаты некоторых из них. В исследовании влияния Екатеринбургской агломерации на пространственную трансформацию экономики Свердловской области показано, что «концентрация социально-экономической деятельности в границах агломерации стимулирует процесс возникновения точек роста в региональном развитии, которые способны транслировать инновации на периферийные зоны» [Ижгузина, 2016]. В работе коллектива авторов по изучению пространственного развития Челябинской области показано, что формирование агломераций в регионе позволит обеспечить «более комфортную среду для развития бизнеса, повышение качества жизни населения» [Колмакова и др., 2018]. Изучая трансформацию

---

⁷ Официальный сайт фонда «Институт экономики города. URL: http://www.urbanecomics.ru/sites/default/files/vgp_issue3.pdf (дата обращения: март 2020).

пространственно-экономической системы региона в условиях усиления агломерационных процессов [Гайнанов и др., 2016], авторы приходят к выводу, что развитие агломераций Республики Башкортостан «даст стимул развитию близлежащих территорий не только Уфимской агломерации, но и других перспективных агломераций». Анализируя пространственную модель развития Владивостокской агломерации [Андреев и др., 2016], авторы заключают, что Большой Владивосток представляет собой «новый тип социально-культурной и производственно-хозяйственной системы, способный изменить традиционный экономический уклад макрорегиона».

Двигаясь в русле «официальной точки зрения», подкрепленной авторитетными научными представлениями об агломерационном эффекте, ряд исследователей сходятся во мнении, что сегодня агломерационные процессы носят объективный характер, и в качестве положительных факторов агломерирования выделяют: рост экономической активности в регионе; увеличение емкости рынков; возможность формирования эффективной структуры экономического каркаса; повышение эффективности использования и концентрации ресурсов; ускорение передачи знаний; развитие инфраструктуры региона; повышение качества жизни населения и др.

Существенным противовесом выступает точка зрения, в соответствии с которой нерегулируемое развитие агломераций может значительно усилить деградацию территорий за пределами агломерационной зоны, обострить внутрирегиональное неравенство и пространственную поляризацию. Универсальной чертой центр-периферийных систем является большая дифференциация в социально-экономической сфере [Казаков, 2019], что во многом подтверждается исследованиями пространственной неравномерности социально-экономического развития ряда российских агломераций. Обратимся к некоторым из них.

В исследовании территориально-экономической связанности территории Ростовской агломерации показано, что «локализация транспортной инфраструктуры, размещение производительных сил и система расселения территории характеризуются значительной пространственной дифференциацией» [Миргородская, 2017]. Исследователи, занимающиеся вопросами пространственного развития Челябинской агломерации, отмечают, что концентрация

агломерационных территорий в северной части Челябинской области усиливает территориальную неоднородность и может привести к усилению дифференциации доходов населения региона и развитию производственного разрыва [Дегтярев, 2018]. Наблюдается неоднородность социально-экономического пространства агломерации – существенно различия ряд ключевых индикаторов социально-экономического развития ядра и периферии [Шмидт и др., 2016]. Неравномерность пространственного развития и наличие социально-экономических диспропорций также выявлены на территории Московской агломерации [Махрова и др., 2016]; Санкт-Петербургской [Межевич и др., 2016]; Самарско-Тольяттинской [Шмакова, 2013]; Белгородской [Чугунова и др., 2015]; Новосибирской [Коломак, Трубехина, 2013; Скорых, Смертева, 2015]; Томской агломераций [Волчкова и др., 2016] и ряда других.

В процессе оценки внутриагломерационных диспропорций особое внимание уделяется анализу сферы жилищного строительства и рынка жилья, которые нередко демонстрируют полярные тренды развития в разных агломерациях, что в свою очередь вызывает изменения в структуре их расселения. Пространственная дифференциация экономической структуры способствует формированию нескольких сегментов рынка жилья в агломерациях. Как правило, это единый рынок жилья в пределах 1–1,5-часовой транспортной доступности ядра (в зависимости от размера агломерации и транспортных возможностей), а также ряд самостоятельных рынков на периферии. При этом, «чем больше расстояние от регионального центра, тем ниже стоимость жилой недвижимости» [Коломак, Кукушкин, 2019].

В исследовании фонда «Институт экономики города»⁸ представлена корреляция цен на жилье с транспортной связанностью территории агломераций, на основе которой сделан вывод, что в большей части агломераций отмечена высокая корреляция уровня цен на жилье и времени, затрачиваемого на поездку до ядра, т.е. транспортная доступность является существенным фактором ценообразования. Вместе с тем, как показывают исследования, локализация транспортной инфраструктуры в российских агломерациях характеризуются значительной пространственной

---

⁸ Официальный сайт фонда «Институт экономики города». URL: http://www.urbanecomics.ru/sites/default/files/analiz_sostoyaniya_zhilishchnoy_sfery_na_territoriyah_osnovnyh_rossiyskih_aglomeracij.pdf (дата обращения: май 2020).

дифференциацией [Миргородская, 2017], а её возможности не обеспечивают достаточную пропускную способность, что значительно осложняет внутриагломерационные перемещения и усиливает дисбалансы.

Проведенный обзор научных исследований позволил систематизировать наиболее существенные факторы пространственной поляризации внутри агломераций, среди которых: транспортная доступность входящих в них поселений; уровень экономической активности, рентабельности экономической деятельности; уровень развития инфраструктуры поселений, а также рынка жилья и услуг; уровень развития человеческого капитала и степень его концентрации в поселениях, наличие научного потенциала и др. При этом в качестве основных направлений сглаживания пространственной поляризации исследователи выделяют: интеграцию транспортной инфраструктуры и стимулирование ее развития; формирование единой логистической системы; стимулирование мобильности населения; повышение социально-экономической самостоятельности сателлитов без разрыва связей с ядром; развитие конкурентных преимуществ слабозвитых поселений, повышение уровня развития их институциональной среды и др.

Итак, феномен российских агломераций проявляется в том, что не всегда их развитие имеет однонаправленный положительный эффект. С одной стороны, оно может обусловить сверхполяризованное развитие регионов [Урманов, 2010], поскольку «стягивание экономической, финансовой и сервисной функций в агломерациях происходит на фоне значительной деградации малых городов» [Animitsa, 2012; Шмидт и др., 2016]. «Концентрируя значительные объемы научного, экономического, финансового, трудового потенциалов, агломерации способствуют истощению периферии» [Ижгузина, 2016], «обезлюдиванию территорий и возникновению различного рода дисбалансов (демографических, производственных и пр.)» [Animitsa, 2012].

С другой стороны, стимулирование создания агломераций, по мнению многих исследователей, является эффективным путем развития пространственной структуры страны [Шамахов, Межевич, 2019], поскольку в них локализуются драйверы социально-экономического и пространственного развития регионов, внедряются инновации, происходит концентрация капитала,

формируется дополнительный потенциал, связанный с эффектом масштаба [Русановский и др., 2018]. Крупнейшие города, образующие агломерации и сосредоточивающие «основные ресурсы пятого технологического уклада» [Шмидт и др., 2016], являются точками экономического роста, «лидерами инновационных, инвестиционных, социальных процессов, и от стратегии их развития зависят темпы прироста экономики всей страны» [Татаркин, 2012]. Есть даже мнение, что дефицит крупных агломераций «создает проблемы для пространственного развития, стране не хватает сильных центров, организующих территорию и способных ускорять модернизацию периферии» [Зубаревич, 2007].

Очевидно, без опережающего развития мегаполисов Россия не сможет модернизироваться, но для этого необходимо снять инфраструктурные, экономические, политические барьеры, «препятствующие реализации конкурентных преимуществ крупных городов в виде агломерационного эффекта» [там же]. В первую очередь, по мнению Н. Зубаревич, нужно пересмотреть политику управления и вернуть крупным городам те ресурсы и полномочия, которые у них изъяты.

Что же касается проблемы сверхполяризованного развития агломераций, ее решение кроется, прежде всего, в разработке и реализации государственной политики управления пространственным развитием и агломерированием территорий, в развитии институциональной среды и нормативно-правового обеспечения указанных процессов [Шамахов, Межевич, 2019]. Для того чтобы взаимодействие в системе отношений «центр-периферия» было эффективным, оно должно быть управляемым.

Сбалансированное пространственное развитие агломераций: проблемы и перспективы

В настоящее время пространственное развитие агломераций весьма динамично и, как правило, сопровождается расширением их физического пространства, усилением внутренних связей, усложнением взаимного влияния поселений агломерации, интенсификацией социально-экономических взаимодействий, слиянием социально-экономического пространства поселений.

При этом отмечается, что пространственное развитие агломераций «сохраняет многие особенности советского периода,

а происходящие трансформации не всегда имеют положительный эффект» [Лимонов, 2012]. Неэффективность процесса порождена, прежде всего, отсутствием комплексного подхода к реализации социально-экономической политики и к формированию центров тяготения разного уровня; недооценкой пространственного фактора и территориальных особенностей, а также транспортной доступности поселений, пространственной локализации ресурсов и др.

Обзор научных исследований позволил систематизировать ключевые проблемы, затрудняющие сбалансированное пространственное развитие российских агломераций: отсутствие «эффективных» институтов пространственного развития, позволяющих снижать барьеры развития и достигать агломерационных эффектов; отсутствие адекватной современным реалиям системы стратегического планирования, а также стратегических документов пространственного развития агломераций, схем территориального планирования; отсутствие согласованности между документами стратегического планирования государственного и регионального уровней; слабая пространственно-экономическая взаимосвязь поселений-сателлитов с ядрами агломераций, отсутствие пространственного единства; слабый уровень развития внутриагломерационной транспортно-коммуникационной инфраструктуры и, как следствие, слабая связанность социально-экономического пространства агломераций.

При этом именно социально-экономическая взаимосвязанность поселений, по мнению Е. О. Миргородской, является важнейшим показателем пространственного развития агломераций «в контексте понимания процессов формирования региональных каркасов и пространственно-экономических сетей» [Миргородская, 2017]. Налаживание взаимосвязей на агломерационном уровне имеет исключительно большое значение, поскольку указанные взаимоотношения выступают ключевым элементом территориальной структуры национальной экономики [Молчанов, Молчанова, 2019].

Надо признать, что в зарубежной практике, при изучении связанности социально-экономического пространства агломераций, большое внимание уделяется как инфраструктурным аспектам [Lao et al., 2016], главным образом обусловленными физическим расположением и степенью взаимной близости поселений, так

и взаимодействию, выраженному в когнитивной близости [He et al., 2017]. В России, в силу сложности проведения подобного рода исследований, данное научное направление пока не получило широкого распространения. Тем не менее в имеющихся на сегодня российских исследованиях, посвященных связанности социально-экономического пространства агломераций, отмечается достаточно слабая связь поселений с ядром по ряду параметров, среди которых транспортные и инфраструктурные взаимодействия, взаимодействия в области межмуниципального сотрудничества и др. [Миргородская, 2017]. Сложность достижения сбалансированности пространственного развития агломераций заключается прежде всего в высоком уровне дифференциации в социально-экономическом положении поселений, отсутствии ресурсов для обеспечения качества жизни населения и повышения конкурентоспособности отдельных поселений, имеющихся барьерах в осуществлении социально-экономических взаимодействий.

В последние годы в научных кругах прочно закрепилось мнение, что управляемое развитие агломераций может дать существенные социально-экономические эффекты. Однако необходимо подчеркнуть, что регулирование пространственного развития агломераций представляет собой сложную комплексную задачу, поскольку, «сохраняя выгоды пространственной концентрации функций, необходимо избежать основных недостатков агломерации» [Лебединская, 2018].

Важность разработки схем территориального планирования, а также Стратегии пространственного и социально-экономического развития агломераций подчеркивается в ряде научных исследований [Худякова, Шмидт, 2015; Скорых, Смертева, 2015; Лебединская, 2018; Молчанов, Молчанова, 2019; Мусинова, 2019 и др.].

Отметим, что в настоящее время есть возможность совместной разработки проектов документов территориального планирования несколькими локальными образованиями (например, частью территории субъекта РФ). В сфере развития агломераций это позволяет: осуществить выбор оптимальной пространственной модели и функционально-градостроительное зонирование; провести делимитацию; оптимизировать землепользование и транспортный каркас; разработать оптимальные направления развития ядра. Примерами реализации этих возможностей являются схемы

территориального планирования Челябинской⁹, Новосибирской¹⁰, Красноярской¹¹, Барнаульской¹², Самарско-Тольяттинской¹³ агломераций.

Обзор указанных документов позволяет заключить, что при разработке схемы территориального планирования необходимо принимать во внимание пространственную модель и границы агломерации; градостроительное развитие ядра агломерации; сложившуюся систему расселения и положение системы центров агломерационного значения; направления развития социально-расселенческого каркаса; функциональное зонирование территории; сложившийся транспортный и природно-экологический каркас; наличие инженерной инфраструктуры.

Еще одним важным документом стратегического планирования, определяющим «приоритеты, цели, направленность, масштабы и ограничения пространственного развития на долгосрочную перспективу» [Лебединская, 2018], выступает Стратегия пространственного развития агломерации, которая способствует обеспечению равенства возможностей развития для всех поселений агломерации, стимулированию социально-экономического и инфраструктурного ее развития, а также укреплению положения в региональном и национальном масштабах.

По мнению Г.А. Лебединской, Стратегия пространственного развития агломерации является «минимально необходимым документом, предвещающим территориальное планирование на уровне городов, обязательным для совместного планирования

---

⁹ Постановление Правительства Челябинской области от 20 апреля 2016 г. № 172-П «О схеме территориального планирования части территории Челябинской области применительно к главному планировочному узлу города Челябинска (территория Челябинской агломерации)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/439053585> (дата обращения: май 2020).

¹⁰ Постановление Правительства Новосибирской области от 28 апреля 2014 года № 186-п «Об утверждении схемы территориального планирования Новосибирской агломерации Новосибирской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/465712557> (дата обращения: май 2020).

¹¹ Постановление Правительства Красноярского края от 14 декабря 2017 года № 773-п Об утверждении схемы территориального планирования Красноярской агломерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/450391145> (дата обращения: май 2020).

¹² Постановление Администрации Алтайского края от 12 ноября 2015 года № 461 «Об утверждении схемы территориального планирования Барнаульской агломерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/430665835> (дата обращения: май 2020).

¹³ Постановление Правительства Самарской области от 26 июля 2016 года № 407 «Об утверждении схемы территориального планирования Самарско-Тольяттинской агломерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/434604928> (дата обращения: май 2020).

и реализации в последующих документах территориального планирования» [Лебединская, 2018]. К настоящему времени Стратегии и Концепции пространственного развития уже разработали (разрабатывают) ряд российских агломераций, в числе которых Санкт-Петербургская, Самарско-Тольяттинская, Екатеринбургская, Казанская, Иркутская, Ижевская, Томская агломерации и ряд других.

Анализ указанных документов позволяет заключить, что в качестве основных выступают следующие стратегические приоритеты пространственного развития агломераций.

1. Формирование эффективного транспортного каркаса, развитие транспортной инфраструктуры, способствующей повышению связности и доступности социально-экономических взаимодействий (межпоселенческого транспортного сообщения; сети транспортно-пересадочных узлов; новых видов скоростного транспорта; системы высокоэффективного общественного транспорта, особенно на территориях с высокой плотностью мест приложения труда и проживания; улично-дорожной сети, парковочной и пешеходной инфраструктуры поселений агломерации).

2. Формирование единой планировочной и социально-экономической системы.

3. Комплексное освоение территории, повышение эффективности использования территорий различного назначения, имеющих пространственный потенциал.

4. Совместная координация развития жилищного строительства.

5. Развитие объектов энергетической и инженерной инфраструктуры.

6. Развитие городской среды ядра и поселений агломерации.

7. Формирование рекреационной инфраструктуры.

8. Повышение равномерности размещения объектов социально-культурной сферы на территории агломерации.

Таким образом, обобщая точки зрения современных исследователей, отметим, что сбалансированность пространственного развития агломераций достигается за счет ряда условий: формирование системы управленческой деятельности по регулированию пространственного развития агломерации; оптимизация инфраструктурных сетей, повышение уровня инфраструктурной связности территории агломерации, реализация совместных

инфраструктурных проектов, развитие коммуникационного каркаса территории; оптимизация и повышение эффективности землепользования, функциональное зонирование территории, структурирование пространственной организации территории агломерации; улучшение факторов «второй природы», в том числе человеческого капитала; усиление межпоселенческих взаимодействий, интеграция программ развития; регулирование демографической обстановки и миграционных потоков, обеспечение социального баланса на территории агломерации; рациональное природопользование, экологическое равновесие территории; природно-хозяйственное районирование, достижение баланса наличия и использования ресурсов общего пользования и др.

Сегодня формирование агломераций на базе крупнейших и крупных городских центров декларируется как важный ресурс для долгосрочного развития экономики России. Сценарии их пространственного развития зависят от многих факторов, среди которых базовый (демографический природно-ресурсный, географический) и накопленный потенциал (геополитический, промышленный, кадровый, научно-инновационный, инфраструктурный, финансовый, инвестиционный и др.) территории; структурно-функциональные и планировочные особенности; наличие развитого транспортного каркаса, а также потенциальных полюсов роста; масштабы межрегиональной и внутрирегиональной миграции; уровень социально-экономической дифференциации поселений; инвестиционная привлекательность; конкурентные преимущества и ряд других.

Обзор документов стратегического планирования показал, что среди возможных сценариев пространственного развития российских агломераций на ближайшую перспективу чаще всего выделяют две группы:

- 1) сценарии моноцентрического развития, предполагающие пространственное объединение ядра с входящими в зону его влияния поселениями-сателлитами. Условиями реализации данных сценариев являются согласование планировочных осей и узлов агломерации в рамках композиционной структуры; функциональное распределение производственных сил и мест социальной оживленности. Однако моноцентрическое развитие может спровоцировать «сжатие пространства» вокруг ядра, что повлечет за собой усиление пространственной поляризации;

2) сценарии полицентрического (конурбационного) развития, предполагающие объединение нескольких крупных центров в единую пространственную структуру. Подобные сценарии предполагают наличие возможности формирования скоростной транспортной системы, а также развитую систему межмуниципального взаимодействия.

Какой бы сценарий ни был выбран в каждом конкретном случае, в конечном итоге необходимо принимать во внимание приоритеты пространственного развития России; соблюдать принципы целостности, единства, сбалансированности и эффективности территориального планирования; рационально осваивать территориальные резервы; стимулировать модернизацию институтов в поселениях агломерации; развивать конкурентные преимущества территорий и межтерриториальные взаимодействия.

Заключение и выводы

Подведем итог и сделаем ряд выводов.

Первое. Тенденции современных российских агломерационных процессов сформированы под воздействием различных факторов, обусловленных как объективной природой, так и государственной политикой регулирования регионального развития, а также влиянием рыночных механизмов. При этом некоторые национальные особенности в значительной степени замедляют их ход.

Институциональные и законодательные пробелы. Сюда относятся несовершенство институтов государственного регулирования пространственного развития; неразвитость и низкая эффективность института межмуниципального сотрудничества, порождающая барьеры территориального взаимодействия; чрезмерная централизация полномочий на региональном уровне на фоне ограниченности полномочий муниципалитетов; несовершенство нормативно-правовой базы в области регулирования пространственного развития и управления территориальной дифференциацией; несогласованность документов стратегического планирования, разрабатываемых различными уровнями власти и др.

Ограниченные финансовые возможности, выраженные в дефиците муниципальных бюджетов, зависимости муниципалитетов от трансфертов из регионального бюджета; отсутствии свободных ресурсов для совместного развития поселений.

Недостаточная инфраструктурная обустроенность экономического пространства, не соответствующая современным запросам экономики и общества. Здесь стоит отметить, что Россия существенно отстает от других стран по объёму вложений в инфраструктурные проекты. В 2019 г. государственные инвестиции в инфраструктуру составили около 1,8% ВВП, в то время как, по оценкам экспертов, потребность в них составляет не менее 5% ВВП¹⁴ ежегодно. Согласно рейтингу всемирного экономического форума (WEF, 2018–2019)¹⁵, Россия находится на 50-м месте из 141 по общему уровню развития инфраструктуры. При этом по развитию дорожного сообщения Россия – на 41-м месте; качеству дорожной инфраструктуры – на 99-м; по плотности железных дорог – на 69-м; по качеству инфраструктуры электроснабжения – на 61-м месте.

Конфликт интересов. Проявляется в превалировании муниципального соперничества над принципами межмуниципального сотрудничества; в доминировании интересов бизнеса над интересами территориального развития; в несовпадении векторов развития региональных центров и периферии.

Второе. Анализируя проводимую в настоящее время политику пространственного развития, задаешься вопросом: на что же в конечном счете направлены усилия Правительства – на поддержку и стимулирование развития «точек роста» или на сокращение региональных различий? Какова роль малых и средних городов в пространственном развитии России? Обладают ли российские агломерации потенциалом развития? Наше исследование позволяет по этому поводу сделать следующие выводы.

В последние годы ряд зарубежных стран приступили к реализации новой парадигмы региональной политики, заключающейся, главным образом, в повышении конкурентоспособности отдельных территорий и поддержке прорывных проектов, отодвигая на задний план превалирующую ранее политику сглаживания региональных диспропорций. Россия не стала исключением. В Основах государственной политики регионального развития РФ

---

¹⁴ Курс 2030: исследование развития инфраструктуры в России. URL: <https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru/infra-3.pdf> (дата обращения: 08.07.2020)

¹⁵ Global Competitiveness Report 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 09.07.2020)

на период до 2025 г.¹⁶ в качестве одной из приоритетных задач на ближайшую перспективу указывается увеличение количества «точек роста» экономики. При этом ожидаемыми результатами должны стать, помимо прочих, «развитие крупных городских агломераций как необходимое условие обеспечения экономического роста; сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов». Это порождает некоторые сложности понимания акцентов российской региональной политики в силу размытости её содержания – концентрация ресурсов в «точках роста» и сокращение поляризации пространства дают зачастую противоположные результаты.

Стоит отметить, что в арсенале федеральных органов власти числится значительное количество разнообразных инструментов, применяемых как для стимулирования опережающего развития территорий (многие из которых, кстати сказать, уже показали низкую эффективность), так и для выравнивания возникающих диспропорций. Однако несистемный характер данного инструментария, необоснованное и неупорядоченное применение заводят в тупик при попытке расставить приоритеты государственной политики.

В случае, если федеральные власти сделают ставку на политику поощрения агломераций как «точек роста», вместо желаемого естественного сглаживания диспропорций страна рискует оказаться в ситуации усиления региональных различий. Несмотря на имеющийся положительный опыт некоторых стран, естественное сглаживание дисбалансов не всегда выступает безусловным следствием экономического роста в стране, в том числе посредством стимулирования «точек роста». В качестве примера обратимся к динамике российского коэффициента Джини в сопоставлении с динамикой ВВП на душу населения, которая демонстрирует рост обоих показателей за период с 2004 г. по 2019 г. Так, коэффициент Джини за указанный период возрос с 0,409 до 0,411¹⁷, при росте ВВП на душу населения – с 10,227

---

¹⁶ Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=210967&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.8929209232081776#06880495127887076> (дата обращения: 12.07.2020 г.).

¹⁷ Официальные статистические показатели ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения: 20.07.2020).

до 29,175¹⁸ тыс. долл. Подобная динамика опровергает тезис о том, что рост благосостояния страны неизбежно приводит к снижению территориальных различий.

Некоторая «размытость» ориентиров государственной региональной политики наблюдается и в отношении малых и средних городов. В то время как «наверху» пытаются определить акценты пространственной политики, ситуация в малых и средних городах стремительно ухудшается. При этом накопленный мировой и российский опыт убедительно доказывают, что малые города имеют весомое значение в развитии регионального социально-экономического пространства, поскольку именно они выступают местом сосредоточения национальных традиций и историко-культурного наследия; обладают большим социокультурным потенциалом; играют важную роль в процессе формирования первичного уровня урбанизированной системы, тем самым выступая важнейшим ресурсом повышения пространственной связанности. Потому мы единогласно сходимся во мнении, что архиважно проводить политику всесторонней поддержки малых и средних городов: способствовать сохранению в них человеческого капитала, создавать благоприятные социальные условия, формировать комфортную жизненную среду, повышать инфраструктурную обеспеченность, содействовать повышению конкурентоспособности и развитию потенциала.

Современные процессы урбанизации ставят малые города в непростые условия. На фоне значительного сокращения их потенциала развития Правительство РФ берет курс на стимулирование развития ряда российских агломераций, объясняя данный приоритет ответом на объективные тенденции последних десятилетий.

Вместе с тем стремительное развитие агломераций само по себе способно привести определенные дисбалансы в региональное экономическое пространство. Как показано выше, агломерации могут серьезно усугубить проблему региональных различий в России, тем самым нивелировать предпринимаемые усилия (зачастую и так сомнительные по эффективности) по снижению значительной социально-экономической поляризации

---

¹⁸ Официальные статистические показатели ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40579> (дата обращения: 20.07.2020).

российского пространства. Более того, систематизированные нами мнения ведущих российских экспертов доказывают неоднозначное отношение к агломерациям. При этом мы придерживаемся точки зрения, что чрезмерная урбанизация несет в себе большое количество отрицательных эффектов – перегруженность дорожной сети, избыточную плотность населения, плохую экологию, территориальную удаленность от мест отдыха, высокую стоимость недвижимости и ряд других. На практике в России пока очевидно проявляются лишь негативные факторы, а агломерационные эффекты преимущественно остаются в теории. Подтверждение этому – исследования, проводимые как независимыми экспертами, так и аналитическими центрами¹⁹.

Необходимым условием системного поступательного развития агломераций в России является их четкая понятийная, институциональная и нормативно-правовая идентификация, чего на сегодняшний день не наблюдается. К тому же процесс формирования большинства современных российских агломераций долгое время носил стихийный характер, и быстро перевести ситуацию в управляемое русло крайне сложно. Это достаточно долгий процесс, сопровождающийся серьезным обновлением институциональной и нормативно-правовой базы.

Кроме того, если мы ставим цель позиционировать те или иные российские агломерации как востребованные «потенциальные центры роста», необходимо, как минимум, провести глубокий ретроспективный, текущий и стратегический анализ совокупности факторов и условий их функционирования: закономерности формирования и развития, социально-экономическое состояние, имеющийся потенциал, характер социально-экономических взаимодействий, степень комплексности хозяйства, уровень развития производительных сил, инфраструктурную обеспеченность, инвестиционную привлекательность, качество человеческого капитала, внутритерриториальные диспропорции, барьеры развития и многое другое. Подобный анализ крайне

---

¹⁹ См., например: Экономика российских городов и городских агломераций. URL: http://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/vgp_issue3.pdf (дата обращения: 22.07.2020);

Агломерационные эффекты, специализация и типы российских городов. URL: http://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/1_limonov1.e_aglomeracionnye_effekty.pdf (дата обращения: 22.07.2020).

важен, во-первых, для выработки системы мер с целью активизации скрытых возможностей развития, во-вторых, для выбора соответствующих приоритетов поддержки. Сомнительно, что при отборе городских агломераций, обозначенных в Стратегии пространственного развития РФ, учитывались указанные аспекты и выбор агломераций не стал заложником лоббирования со стороны региональных властей.

Третье. Противоречия в пространственном развитии России и российских агломераций весьма многоаспектны. Сложившиеся на современном этапе развития тренды и глобальные вызовы усиливают объективные барьеры пространственного развития, которые можно преодолеть лишь с помощью пространственно-сбалансированной государственной политики, адекватной сложившимся вызовам, ситуации в социально-экономической сфере, геоэкономическим процессам. Анализ российских тенденций пространственного развития за последние годы позволяет заключить, что нарастающие проблемы могут в значительной степени нивелировать положительные агломерационные эффекты. В этой связи сглаживание пространственной поляризации, предотвращение чрезмерной дифференциации между ядром и периферией, формирование единого-социально-экономического пространства агломераций должны стать одним из ключевых стратегических аспектов управления пространственным развитием агломераций.

Литература

Андреев В. А., Вольнчук Я. А., Султанова Е. В. Исследование пространственной и функциональной модели развития Владивостокской городской агломерации // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 12. С. 821–825.

Бухвальд Е. М. Приоритеты стратегии пространственного развития: возможности и ограничители // *Региональная экономика. Юг России*. 2019. № 3. С. 4–14. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.1

Волчкова И. В., Данилова М. Н., Подопригора Ю. В., Уфимцева Е. В., Шадейко Н. Р., Селиверстов А. А. Социально-экономическое пространство Томской агломерации: предпосылки формирования и текущее состояние // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2016. № 9 (143). С. 34–38.

Гайнанов Д. А., Атаева А. Г., Уляева А. Г. Трансформация пространственно-экономической системы региона в условиях усиления агломерационных процессов // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2016. № 12. С. 14–19.

Гайнанов Д. А. Интегративное межтерриториальное взаимодействие в условиях экономических и политических вызовов. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. 170 с.

Герцберг Л. Я. Способствует ли решению проблем расселения Стратегия пространственного развития РФ? // АСАДЕМІА. Архитектура и строительство. 2018. № 4. С. 5–11.

Глазычев В. Л., Щедровицкий П. Г. Россия: принципы пространственного развития: доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. Центр стратег. исслед. Приволж. федер. округа. М.: Архитектура-С, 2004. 128 с.

Дестярев П. Я. Анклавный вектор пространственного развития России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 67–73. DOI: 10.24411/1994–2796–2018–10708

Зубаревич Н. В. Агломерационный эффект или административный угар // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4–5(22). С. 11–13.

Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития после кризиса: от больших проектов к институциональной модернизации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 226–230.

Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 46–57.

Ижгузина Н. Р. Влияние крупных городских агломераций на пространственную трансформацию экономики региона (на примере Свердловской области) // Управление. 2016. № 3(61). С. 62–71.

Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Первый пятилетний план и пространственное стратегирование для России // Этап: экономическая теория, анализ и практика. 2018. № 6. С. 7–22. DOI: 10.24411/2071–6435–2018–10055

Казаков М. Ю. Определение пространственно-экономической системы «центр-периферия» в единстве интегративных признаков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 7–1. С. 10–22.

Кожевников С. А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3(48). С. 1–9. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1

Колмакова Е. М., Колмакова И. Д., Дегтярева Н. А. Пространственное развитие региона в контексте стратегии социально-экономического роста // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2018. № 3 (413). С. 30–37.

Коломак Е. А., Крюков В. А., Мельникова Л. В., Селиверстов В. Е., Суслов В. И., Суслов Н. И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 264–287. DOI: 10.15372/REG20180212

Коломак Е. А., Трубахина И. Е. Исследование агломерационных процессов на территории Новосибирской области // Регион: экономика и социология. 2013. № 3 С. 239–259.

Коломак Е. А., Кукушкин Р. Г. Оценка влияния агломерационных процессов на рынок жилья // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19. № 1. С. 55–63. DOI 10.25205/2542–0429–2019–19–1–55–63

Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // *Пространственная экономика*. 2019. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107–125

Лебединская Г.А. О месте стратегии пространственного развития в системе территориального планирования Российской Федерации // *Academia. Архитектура и строительство*. 2018. № 1. С. 59–66. DOI: 10.22337/2077–9038–2018–1–59–66

Лексин В.Н. Стратегия пространственного развития страны: дискуссия о приоритетах // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. 2018. С. 114–118.

Лимонов Л.Э. Особенности и факторы пространственного развития агломерации в постсоветский период (на примере Санкт-Петербурга) // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 433–441.

Марголин А.М. Развитие городских агломераций как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // *Государственная служба*. 2015. № 6 (98). С. 58–62.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2016. № 5. С. 77–85.

Межевич Н.М., Лачининский С.С., Береснев А.Е. Эффекты местоположения и экономическое развитие Санкт-Петербургского крупного городского ареала // *Псковский регионологический журнал*. 2016. № 2 (26). С. 9–20.

Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // *ЭКО*. 2017. № 7. С. 5–19. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2017–7–5–19

Миргородская Е.О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // *Вестник ВолГУ. Серия 3. Экономика. Экология*. 2017. № 4. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1>

Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // *ЭКО*. 2018. № 5. С. 159–178. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2018–5–158–178

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Особенности формирования Стратегии пространственного развития России // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Издательство: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 159–165.

Мусинова Н.Н. Развитие городских агломераций как одно из направлений Стратегии пространственного развития России // *Вестник университета*. 2019. № 2. С. 46–51. DOI: 10.26425/1816–4277–2019–2–46–51

Русановский В.А., Марков В.А., Бровкова А.В. Моделирование эффекта пространственной локализации в городских агломерациях России // *Экономическая политика*. 2018. Т. 13. № 6. С. 136–163. DOI: 10.18288/1994–5124–2018–6–136–163

Скорых Н.Н., Смертева В.Ю. Пространственное развитие региона: институционализация управления Новосибирской агломерацией // *Развитие территорий*. 2015. № 2. С. 37–43.

Татаркин А. И. Развитие экономического пространства регионов России на основе кластерных принципов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. Вып. 3(21). С. 5–12.

Урманов Д. В. Локальные территории в пространственном развитии системы «Центр периферия» региона // Вестник Том. гос. ун-та. 2010. № 339. С. 127–130.

Худякова Т. А., Шмидт А. В. Формирование городских агломераций как необходимое условие повышения эффективности социально-экономического развития региона // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2015. № 4. 16–23.

Шамахов В. А., Межевич Н. М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 19–27. DOI 10.22394/1726–1139–2019–4–19–27

Шмидт А. В., Антонюк В. С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 776–789. DOI: 10.17059/2016–3–14

Шмакова М. В. Факторы пространственного развития и их учет в региональных стратегиях // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука: сб. науч. ст. часть II. 2013. С. 87–91.

Шугрина Е. С., Миронова Г. В. Общая характеристика российских агломераций: соотношение de jure и de facto // Местное право. 2018. № 1. С. 3–24.

Чугунова Н. В., Полякова Т. А., Игнатенко С. А., Лихневская Н. В. Пространственно-временное развитие белгородской агломерации в условиях глобальных процессов урбанизации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2015. № 7(204). С. 23–29.

Animitsa E. G. Outlines of the theory of urban agglomerations self-development. *Economy of region*. 2012. Vol. 1. Pp. 231–235. DOI: 10.17059/2012–1–22

Albrechts L. Strategic (spatial) planning re-examined, *Environment and Planning B: Planning and Design*. 2004. Vol. 31 (5). Pp. 743–758.

Button K. New approaches to spatial economics // *Growth and Change*. 2000. Vol. 31. Pp. 480–500.

Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge: MIT Press. 1999. 367 p.

He J., Li C., Yu Y., Liu Y., Huang J. Measuring urban spatial interaction in Wuhan Urban Agglomeration. Central China: a spatially explicit approach // *Sustainable Cities and Society*. 2017. Vol. 32. Pp. 569–583. DOI: 10.1016/j.scs.2017.04.014

Jensen R. C. Aspects of The Spatial Dimension in Economics // *Economic Analysis and Policy*. 1973. Vol. 4. Pp. 1–16.

Lao X., Zhang X., Shen T., Skitmore M. Comparing China's city transportation and economic networks // *Cities*. 2016. Vol. 53. Pp. 43–50. DOI: 10.1016/j.cities.2016.01.006

Nikitskaya E. F., Rusanovskiy V. A., Valishvili M. A., Gretchenko A. A., Demenko O. G. Agglomeration Effects in Spatial Development of Russia's Regions // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. Vol. 8. Pp. 4851–4859. DOI: 10.35940/ijrte.B3535.078219

Puu T. Continuous spatial modelling in economics // *Papers of the Regional Science Association*. 1985. Vol. 56. Pp. 21–36.

Shaw D., Sykes O. The concept of polycentricity in European spatial planning: reflections on its interpretation and application in the practice of spatial planning // *International Planning Studies*. 2004. Vol. 9 (4). Pp. 283–306.

Yang W. Economic geography, spatial economics and regional science // *Acta Geographica Sinica*. 1992. Vol. 47. Pp. 561–569.

Статья поступила 26.07.2020.

Статья принята к публикации 11.09.2020.

Для цитирования: Волчкова И.В., Уфимцева Е.В., Шадейко Н.Р., Селиверстов А.А. Агломерации как драйвер экономического роста России в условиях глобальных вызовов // ЭКО. 2021. № 2. С. 135-164. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164.

Summary

Volchkova, I.V., Cand. Sci. (Econ.), Tomsk State Pedagogical University, Ufimtseva, E.V., Cand. Sci. (Econ.), Tomsk State University of Architecture and Building, Shadeyko, N.R., Cand. Sci. (Econ.), Tomsk State University of Architecture and Building, Seliverstov, A.A., Cand. Sci. (Econ.), Tomsk State Pedagogical University, Tomsk

Spatial Development of Russian Agglomerations as a Driver of Russia's Economic Growth in the Face of Global Challenges

Abstract. The study aims to summarize the results of scientific works that investigated current trends in spatial development of Russian agglomerations. The paper analyzes a number of provisions and key priorities of the Spatial Development Strategy of Russia considering global and regional challenges and threats associated with spatial development of Russia. The authors elaborate on the role of agglomerations in spatial development of Russia discussing some points of view on the nature, trends and contradictions of spatial development of agglomerations, its influence on socio-economic processes in the region. Spatial polarization factors of agglomerations are systematized based on a number of studies revealing key problems that impede their spatial development. Having analyzed conditions of balanced spatial development of agglomerations, the authors identified strategic priorities of spatial development of agglomerations and presented development scenarios in the interests of Russia's economic growth.

Keywords: *spatial development strategy; agglomeration of settlements; spatial development of agglomerations; the economic growth; socio-economic development; global challenges*

References

Animitsa, E.G. (2012). Outlines of the theory of urban agglomerations self-development. *Economy of region*. No. 1. Pp. 231–235. DOI: 10.17059/2012-1-22

Albrechts, L. (2004). Strategic (spatial) planning re-examined, *Environment and Planning B: Planning and Design*. Vol. 31 (5). Pp. 743–758.

Andreev, V.A., Volynchuk, Ya.A., Sultanova, E.V. (2016). Study of the spatial and functional development model of the Vladivostok city agglomeration. *Fundamental'nye issledovaniya. Fundamental Research*. No. 12. Pp. 821–825. (In Russ.).

Buhvald, E.M. (2019). Priorities for spatial development strategies: opportunities and constraints. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. Regional Economy. South of Russia*. No 3. Pp. 4–14. (In Russ.) DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.1

Button, K. (2000). New approaches to spatial economics. *Growth and Change*. Vol. 31. Pp. 480–500.

Chugunova, N.V., Polyakova, T.A., Ignatenko, S.A., Lihnevskaya, N.V. (2015). Spatio-temporal development of the Belgorod agglomeration in the context of global urbanization processes. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika. Belgorod State University Scientific Bulletin Series: Economics. Computer science*. No. 7(204). Pp. 23–29. (in Russ.)

Degtyarev, P. Ya. (2018). The enclave vector of spatial development of Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7 (417). Pp. 67–73. (In Russ.). DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10708

Fujita, M., Krugman, P., Venables, A.J. (1999). *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge: MIT Press. 367 p.

Gajnanov, D.A. (2016). *Integrative inter-territorial interaction in the context of economic and political challenges*. Ufa: ISEI UNC RAN. 170 p. (In Russ.).

Gajnanov, D.A., Ataeva, A.G., Ulyaeva, A.G. (2016). Transformation of the spatial and economic system of a region under conditions of agglomeration processes strengthening. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. Modern Science: actual problems of theory and practice Series: Economics and Law*. No. 12. Pp. 14–19. (In Russ.).

Gercberg, L. Ya. (2018). Does the Spatial Development Strategy of the Russian Federation contribute to solving the problems of resettlement? *ACADEMIA. Arhitektura i stroitel'stvo. ACADEMIA. Architecture and construction*. No. 4. Pp. 5–11. (In Russ.).

Glazychev, V.L., Shchedrovickij, P.G. (2004). *Russia: principles of spatial development: report of the Center for Strategic Studies of the Volga Federal District*. Center Strategist researched Volga. Feder. counties. Moscow. Arhitektura-S, 128 p. (In Russ.).

He, J., Li C., Yu, Y., Liu, Y., Huang, J. (2017). Measuring urban spatial interaction in Wuhan Urban Agglomeration. Central China: a spatially explicit approach. *Sustainable Cities and Society*. Vol. 32. Pp. 569–583. DOI: 10.1016/j.scs.2017.04.014

Hudyakova, T.A., Shmidt, A.V. (2015). The formation of urban agglomerations as a necessary condition for increasing the efficiency of the socio-economic development of the region. *Arhitektura, gradostroitel'stvo i dizajn. Architecture, urbanism & design*. No. 4. 16–23. (In Russ.).

Ivanov, O.B., Buhvald, E.M. (2018). First five-year plan and spatial planning for Russia. *Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz i praktika. ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. No. 6. Pp. 7–22. (In Russ.). DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10055

Izhguzina, N.R. (2016). The influence of large urban agglomerations on the spatial transformation of the regional economy (on the example of the Sverdlovsk region). *Upravlenec. The Manager*. No. 3(61). Pp. 62–71. (In Russ.).

Jensen, R.C. (1973). Aspects of The Spatial Dimension in Economics. *Economic Analysis and Policy*. Vol. 4. Pp. 1–16.

Kazakov, M. Yu. (2019). Definition of the spatial and economic system “center-periphery” in the unity of integrative attributes. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. Economics: yesterday, today, tomorrow*. No. 7–1. Pp. 10–22. (In Russ.).

Kolmakova, E.M., Kolmakova, I.D., Degtyareva, N.A. (2018). Spatial development of a region in the context of a strategy of socio-economic growth. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (413). Pp. 30–37. (In Russ.).

Kolomak, E.A., Kryukov, V.A., Melnikova, L.V., Seliverstov, V.E., Suslov, V.I., Suslov, N.I. (2018). Russia’s spatial development strategy: expectations and realities. *Region: ekonomika i sociologiya. Region: Economics and Sociology*. No. 2. Pp. 264–287. (In Russ.). DOI: 10.15372/REG20180212

Kolomak, E.A., Trubekhina, I.E. (2013). Study of agglomeration processes in the Novosibirsk region. *Region: ekonomika i sociologiya. Region: Economics and Sociology*. No. 3. Pp. 239–259. (In Russ.).

Kolomak, E.A., Kukushkin, R.G. (2019). Assessment of the impact of agglomeration processes on the housing market. *Mir ekonomiki i upravleniya. World of economics and management*. Vol. 19. No. 1. Pp. 55–63. (In Russ.). DOI 10.25205/2542–0429–2019–19–1–55–63

Kozhevnikov, S.A. (2019). The spatial development strategy of the Russian Federation and the prospects for the transformation of the Russian space. *Voprosy territorial'nogo razvitiya. Territorial development issue*. No. 3(48). Pp. 1–9. (In Russ.). DOI: 10.15838/tidi.2019.3.48.1

Kuznecova, O.V. (2019). The spatial development strategy of the Russian Federation: the illusion of solutions and the reality of problems. *Prostranstvennaya ekonomika. Spatial Economics*. No. 4. Pp. 107–125. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2019.4.107–125

Lao, X., Zhang X., Shen, T., Skitmore, M. (2016). Comparing China’s city transportation and economic networks. *Cities*. Vol. 53. Pp. 43–50. DOI: 10.1016/j.cities.2016.01.006

Lebedinskaya, G.A. (2018). On the place of the spatial development strategy in the territorial planning system of the Russian Federation. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. ACADEMIA. Architecture and construction*. No. 1. Pp. 59–66. (In Russ.). DOI: 10.22337/2077–9038–2018–1–59–66

Leksin, V.N. (2018). Country spatial development strategy: discussion of priorities. *Russia: trends and development prospects. Yearbook. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences*. Pp. 114–118. (In Russ.).

Limonov, L.E. (2012). Features and factors of the spatial development of the agglomeration in the post-Soviet period (on the example of St. Petersburg). *XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*. Moscow. HSE Publishing House. Pp. 433–441. (In Russ.).

Mahrova, A.G., Nefedova, T.G., Trejvish, A.I. (2016). Polarization of the space of the Central Russian megalopolis and population mobility. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. MSU Vestnik. Series 5. Geography*. Pp. 77–85. (In Russ.).

Margolin, A.M. (2015). The development of urban agglomerations as a factor in increasing the global competitiveness of states. *Gosudarstvennaya sluzhba. Public Administration*. No. 6 (98). Pp. 58–62. (In Russ.).

- Melnikova, L.V. (2017). Sizes of cities, efficiency and economic growth. *ECO*. No. 7. Pp. 5–19. (in Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2017–7–5–19
- Mezhevich, N.M., Lachininskij, S.S., Beresnev, A.E. (2016). Location effects and economic development of the St. Petersburg large-city area. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal. Pskov Journal of Regional Studies*. No. 2 (26). Pp. 9–20. (In Russ.).
- Miheeva, N.N. (2018). Spatial development strategy: new stage or repetition of old mistakes? *ECO*. No. 5. Pp. 159–178. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–5–158–178
- Mirgorodskaya, E.O. (2017). Assessment of the territorial and economic connectedness of cities in the metropolitan area (by the example of Bolshoi Rostov). *Vestnik VolGU. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya. Journal of Volgograd State University. Economics*. No. 4. Pp. 6–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1>
- Molchanov, I.N., Molchanova, N.P. (2019). Features of the formation of the Strategy of spatial development of Russia. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. Publisher: Institute for Scientific Information on Social Sciences, RAS. Pp. 159–165. (In Russ.).
- Musinova, N.N. (2019). The development of urban agglomerations as one of the directions of the Strategy for spatial development of Russia. *Vestnik universiteta. Vestnik Universiteta*. No. 2. Pp. 46–51. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816–4277–2019–2–46–51
- Nikitskaya, E.F., Rusanovskiy, V.A., Valishvili, M.A., Gretchenko, A.A., Demenko, O.G. (2019). Agglomeration Effects in Spatial Development of Russia's Regions. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. No. 8. Pp. 4851–4859. DOI: 10.35940/ijrte.B3535.078219
- Puu T. (1985) Continuous spatial modelling in economics. *Papers of the Regional Science Association*. Vol. 56. Pp. 21–36.
- Rusanovskij, V.A., Markov, V.A., Brovkova, A.V. (2018). Modeling the effect of spatial localization in urban agglomerations of Russia. *Ekonomicheskaya politika. Economic Policy*. No. 6. Pp. 136–163. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2018–6–136–163
- Shamahov, V.A., Mezhevich, N.M. (2019). The spatial development strategy of the Russian Federation for the period until 2025: economic opportunities and managerial constraints. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Administrative Consulting*. No. 4. Pp. 19–27. (In Russ.). DOI 10.22394/1726–1139–2019–4–19–27
- Shaw, D., Sykes, O. (2004). The concept of polycentricity in European spatial planning: reflections on its interpretation and application in the practice of spatial planning. *International Planning Studies*. Vol. 9 (4). Pp. 283–306.
- Shmakova, M.V. (2013). Factors of spatial development and their consideration in regional strategies. In *Innovacionnoe razvitie ekonomiki: predprinimatel'stvo, obrazovanie, nauka. Sb. nauch. st.* Pp. 87–91. (In Russ.).
- Shmidt, A.V., Antonyuk, V.S., Franchini, A. (2016). Urban agglomerations in regional development: theoretical, methodological and applied aspects. *Ekonomika regiona. Economy of region*. No. 3. Pp. 776–789. (In Russ.). DOI: 10.17059/2016–3–14

Shugrina, E.S., Mironova, G.V. (2018) General characteristic of Russian agglomerations: correlation de jure and de facto. *Mestnoye pravo*. No. 1. Pp. 3–24. (In Russ.).

Skorykh, N.N., Smerteva, V. Yu. (2015). Spatial development of the region: institutionalization of management of the Novosibirsk agglomeration. *Razvitie territorij*. No. 2. Pp. 37–43. (In Russ.).

Tatarkin, A.I. (2012). Development of the economic space of the Russian regions on the basis of cluster principles. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. Vologda: ISEDT RAS. No. 3(21). Pp. 5–12. (In Russ.).

Urmanov, D.V. (2010). Local territories in the spatial development of the system “Center periphery” of the region. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Tomsk State University Journal*. No. 339. Pp. 127–130. (In Russ.).

Volchkova, I.V., Danilova, M.N., Podoprigora, Yu.V., Ufimceva, E.V., Shadejko, N.R., Seliverstov, A.A. (2016). Socio-economic space of the Tomsk agglomeration: prerequisites for formation and current state. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Vestnik of Samara State University of Economics*. No. 9 (143). Pp. 34–38. (In Russ.).

Yang, W. (1992). Economic geography, spatial economics and regional science. *Acta Geographica Sinica*. Vol. 47. Pp. 561–569.

Zubarevich, N.V. (2007). Agglomeration effect or administrative waste. *Rossijskoe ekspertnoe obozrenie*. No. 4–5(22). Pp. 11–13. (in Russ.).

Zubarevich, N.V. (2015). Spatial development strategy after the crisis: from large projects to institutional modernization. *Zhurnal Novej ekonomicheskoy asociacii. Journal of the New Economic Association*. No. 2 (26). Pp. 226–230. (In Russ.).

Zubarevich, N.V. (2017). The development of the Russian space: barriers and opportunities of regional policy *Prostranstvennaya ekonomika. Spatial Economics*. No. 2. Pp. 46–57. (In Russ.).

For citation: Volchkova, I.V., Ufimtseva, E.V., Shadejko, N.R., Seliverstov, A.A. (2021). Spatial Development of Russian Agglomerations as a Driver of Russia’s Economic Growth in the Face of Global Challenges. *ECO*. No. 2. Pp. 135-164. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-135-164.

Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия¹

З.И. КАЛУГИНА, доктор социологических наук, профессор.

E-mail: zima@ieie.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-7420-7384

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы, связанные с экономической доступностью продовольствия, которая понимается как возможность приобретения продуктов питания по сложившимся ценам, обеспеченная соответствующим уровнем доходов населения. Выявляются региональные и социальные различия этого показателя. Чрезвычайно важным фактором обеспечения экономической доступности продовольствия является наращивание отечественного производства, в части которого выявлена положительная динамика. Установлено, что по основным группам продуктов питания страна достигла продовольственной безопасности. Показано, что первоочередной задачей на пути повышения экономической доступности пищевых продуктов для всех групп населения является борьба с бедностью. Однако предпринимаемые в этом направлении меры, судя по статистическим данным, не приносят ощутимых результатов.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; продовольственная независимость; экономическая доступность продовольствия; региональная дифференциация; потребление домохозяйств; доля продовольствия в структуре потребления; социальное неравенство

Одно из важнейших направлений социально-экономической политики государства – обеспечение продовольственной безопасности страны, понимаемой как обеспечение населения в достаточных объемах сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в соответствии с существующими нормами потребления. Гарантиями этого являются стабильность внутреннего производства, наличие необходимых резервов и запасов продовольствия, а также достаточный уровень доходов населения.

Продовольственная безопасность определяет национальную безопасность страны, это необходимое условие реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни

---

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН.

российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения.

Критерии продовольственной безопасности на международном уровне закреплены в документах Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Food and Agriculture Organization, FAO). К ним относятся: физическая и экономическая доступность, качество и безопасность продовольствия. В рамках данного исследования используется определение, утвержденное на Всемирном продовольственном саммите 1996 г. (The 1996 World Food Summit). Продовольственная безопасность – это состояние, при котором все люди той или иной страны в каждый момент времени имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточной в количественном отношении питательной пище, отвечающей их потребностям и необходимой для ведения активной и здоровой жизни.

Продовольственная безопасность в мире

В докладе ООН «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2020» указывается, что в 2018 г. не имели доступа к достаточному количеству продовольствия 820 млн чел. При этом в течение последних трех лет число голодающих в мире выросло примерно на 10 млн чел². Принятая десятью годами ранее, в 2009 г., Декларация всемирного саммита по продовольственной безопасности констатировала: для того чтобы прокормить растущее население Земли, численность которого, как ожидается, превысит в 2050 г. 9 млрд чел., потребуется не только увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции на 70%, но и принять специальные меры по обеспечению физической и экономической доступности продовольствия³.

Индекс *продовольственной безопасности* (The Global Food Security Index), рассчитываемый с 2012 г. британской исследовательской компанией The Economist Intelligence Unit, включает наиболее полный комплекс показателей продовольственной безопасности. В мировом рейтинге по индексу продовольственной

---

² URL: <https://ria.ru/20190715/1556550708.html>

³ Декларация всемирного саммита по продовольственной безопасности. Рим, 16–18 ноября 2009 г. [Эл. ресурс] // URL: <http://www.fao.org/tempref/docrep/fao/Meeting/018/k6050r.pdf> (дата обращения: 21.10.2019).

безопасности первые десять позиций (по мере убывания показателя) занимают: США (89,0), Сингапур (88,2), Ирландия (85,4), Австрия (85,1), Нидерланды (85,0), Швейцария (84,4), Канада (84,2), Германия (83,9), Франция (83,8), Норвегия (83,8). Россия находится на 43-м месте (63,8)⁴.

В несколько ином аспекте представляет проблему продовольственной безопасности *глобальный индекс голода* (Global Hunger Index, GHI), разработанный Международным исследовательским институтом продовольственной политики (IFPRI). Индекс агрегирует три частных показателя, взятых с одинаковыми весами: показатель недоедания; доля детей в возрасте до пяти лет с отставанием в весе; смертность детей в возрасте до пяти лет. Индекс ранжирует 120 стран (2012 г.) по 100-балльной шкале, в которой «0» означает наилучший результат – отсутствие голода. Уровень показателя 0–9,9 считается низким, 10,0–19,9 – умеренным, 20,0–34,9 – серьезным, 35,0–49,9 – тревожным, 50,0 и выше – чрезвычайно тревожным. Россия входит в группу благополучных стран мира по этому критерию, имея результат в 2017 г. – 6,2 балла. В эту же группу благополучных по индексу голода стран входят Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Украина⁵.

Исследования продовольственной безопасности России находятся в центре внимания отечественных ученых. Из последних работ назовем статью С. А. Беляева о повышении роли государства в обеспечении продовольственной безопасности в условиях эмбарго [Беляев, 2017]. Н. Д. Вавилина рассматривает бедность населения как фактор, препятствующий продовольственной безопасности социальных групп [Вавилина, 2000]. Работа И. В. Троцук, А. М. Никулина, С. Вегрена [Троцук и др., 2018] посвящена трактовке и способам измерения продовольственной безопасности в современной России. Р. Р. Гумеров [Гумеров, 2016] акцентирует внимание на методологических проблемах измерения и оценки состояния национальной продовольственной безопасности. Академик РАН Э. Н. Крылатых [Крылатых, 2014] является автором концепции и методологических основ изучения продовольственной безопасности. Обеспечению

⁴ URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-food-security-index/info>

⁵ URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/>

продовольственной независимости и безопасности населения Сибири посвящены труды академика РАН П. М. Першукевича [Першукевич, 2018]. Мониторинг, тенденции и угрозы – в центре внимания работ Н. Шагайды, В. Узуна, О. Фадеевой [Шагайда, Узун, 2015; Фадеева, 2015]. В контексте международного сотрудничества продовольственная безопасность анализируется И. В. Щетининой [Щетинина, 2018].

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации

В нашей стране цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в исследуемой сфере формулируются в рамках Доктрины продовольственной безопасности (далее Доктрина), ее актуальный вариант утвержден в январе 2020 г.⁶ В этом документе продовольственная безопасность рассматривается как одно из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны и понимается как «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается *продовольственная независимость* Российской Федерации, гарантируется *физическая и экономическая доступность* для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления». Отсюда ориентация на самообеспечение (независимость от импорта) посредством наращивания собственного производства и импортозамещения. Эта проблема обострилась в связи с введением международных санкций против России и вступлением России в ВТО.

Критерием продовольственной независимости страны является *удельный вес отечественной сельскохозяйственной, рыбной и продовольственной продукции* в общем объеме внутреннего потребления: зерна – не менее 95%; сахара – не менее 80%; растительного масла – не менее 80%; мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85%; молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90%; рыбной продукции – не менее 80%⁷. По большинству этих показателей мы уже

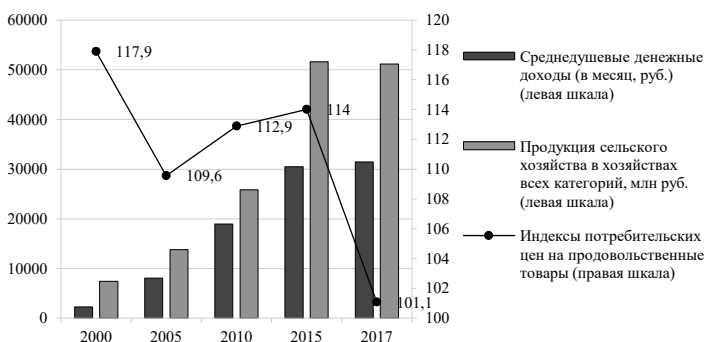
⁶ Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

⁷ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. URL: <http://base.garant.ru/12172719/> (дата обращения: 28.10.2019).

достигли целевых значений. Таким образом, вопросы о продовольственной независимости и тесно связанной с ней физической доступности продовольствия в нашей стране в целом можно считать решенными.

Однако не менее важным аспектом продовольственной безопасности является достижение и поддержание *экономической доступности продовольствия*, которая определяется как возможность приобретения пищевых продуктов должного качества по сложившимся ценам в объемах и ассортименте, соответствующим рекомендуемым рациональным нормам потребления. Эта возможность зависит от уровня цен на продовольственные товары и реальных доходов населения.

В целом, согласно статистическим данным, после 2000 г. в стране наблюдалась положительная динамика как в объемах производства сельскохозяйственной продукции, так и в уровне жизни населения. Так, среднедушевые денежные доходы населения Российской Федерации выросли примерно в 14 раз. Если в 2000 г. они составляли 2281 руб. в месяц, то в 2017 г. – 31422 руб. Объем производства сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий в этот же период вырос с 7424,2 до 51198,4 млн руб. Индексы потребительских цен на продовольствие при этом менялись неоднозначно (рис. 1).

Источник: Российский стат. ежегодник, 2018. С. 190, С. 636; 2017 г. С. 777; 2012. С. 518.

Рис. 1. Динамика среднедушевых денежных доходов населения РФ, объемов продукции сельского хозяйства и индексы потребительских цен на продовольственные товары в 2000–2017 гг. (декабрь к декабрю предыдущего года)

К сожалению, при рассмотрении картины в более сильном приближении (в разрезе регионов или децильных групп по доходам) вполне, казалось бы, благополучные показатели экономической доступности оказываются не такими уж радужными.

Дифференциация доходов населения

В целом по стране в последние годы произошли положительные сдвиги в распределении доходов. По сравнению с 2013 г. вдвое снизилась доля населения с минимальными доходами (доходы – до 10000 руб. в месяц) – с 20,3% до 10,2%, а богатых с доходом от 75 тыс. – возросла с 3,8% до 8,5% (таблица).

**Распределение населения РФ по величине
среднедушевых денежных доходов в 2013–2019 гг., %**

Население со среднедушевыми денежными доходами в месяц, руб.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
До 7000,0	9,8	8,2	6,2	5,9	5,4	4,9	4,1
От 7000,1 до 10000,0	10,5	9,5	8,0	7,8	7,3	6,9	6,1
От 10000,1 до 14000,0	14,3	13,5	12,3	12,0	11,5	11,0	10,1
От 14000,1 до 19000,0	15,3	15,1	14,5	14,3	14,1	13,7	13,1
От 19000,1 до 27000,0	17,5	17,9	18,2	18,2	18,2	18,0	17,9
От 27000,1 до 45000,0	19,3	20,6	22,4	22,8	23,3	23,7	24,6
От 45000,1 до 60000,0	6,4	7,2	8,3	8,5	8,9	9,4	10,1
От 60000,1 до 75000,0	3,1	3,5	4,3	4,4	4,7	5,0	5,5
От 75000,1 до 100000,0	2,2	2,6	3,2	3,4	3,6	4,0	4,5
Свыше 100000,0	1,6	1,9	2,6	2,7	3,0	3,4	4,0

Источник: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1>

По величине среднедушевых денежных доходов населения Сибирский федеральный округ в 2019 г. занимал предпоследнее место⁸. Ниже среднедушевые доходы были только в Северокавказском федеральном округе. Среднемесячная величина денежных доходов населения Сибири варьировала от 16583 руб. (в Республике Тыва) до 31379 руб. – в Красноярском крае. В целом в Российской Федерации среднедушевые денежные доходы составляли в 2019 г. – 35247 руб. в месяц.

К сожалению, несмотря на все усилия по борьбе с бедностью, социальная структура в нашей стране все еще остается

⁸ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

архаичной – в ней высока доля беднейшего населения, узкая прослойка среднего класса и мизерная доля богатых. При этом на долю 10% самых богатых людей России приходится 83% всего личного благосостояния страны⁹.

Одним из основных показателей, характеризующих уровень жизни населения, является доля расходов на продукты питания. В развитых странах этот показатель составляет 10–15% от общих затрат домохозяйств, тогда как в развивающихся экономиках семьям приходится тратить на еду почти половину своего бюджета. Среди европейских стран минимальная доля расходов домохозяйств на продукты питания в 2018 г. была в Люксембурге (8,7%), далее следуют Великобритания, Нидерланды, Ирландия, Финляндия, Австрия, Норвегия, Швейцария с показателем 10–11%¹⁰. У жителей Казахстана и Молдавии на продукты уходит более 40% доходов, Украина с затратами на питание более 50% занимает последнюю строчку рейтинга.

Россия занимает 31-е место из 40, находясь между Черногорией и Литвой. Россияне тратят на продукты 31,2% своих доходов (впрочем, годом ранее показатель был на 1,1% выше). Не случайно Госдума РФ приняла Закон о бесплатном горячем питании школьников с 1 сентября 2020 г. до 1 сентября 2023 г.

Наибольшую долю потребительских расходов на продукты в России несут жители Дагестана (58,7%), Крыма (48,5%), Ингушетии (44,7%) и Бурятии (43,7%). Наименьший показатель – у жителей ХМАО (24,1%), Ямало-Ненецкого АО (25,1%), Татарстана и Московской области (по 25,9%)¹¹. Такие различия обусловлены существующей дифференциацией доходов населения и региональными различиями цен на продукты питания.

Социальная дифференциация доступности продовольствия

Одним из показателей экономической доступности продовольствия может служить энергетическая ценность суточного рациона

---

⁹ Данные Global Wealth Report 2019, подготовленные швейцарским банком Credit Suisse. URL: <https://rg.ru/2019/10/21/rossiia-obognala-ssha-po-urovniu-lichnogo-blagosostoianiiia-millionerov.html>

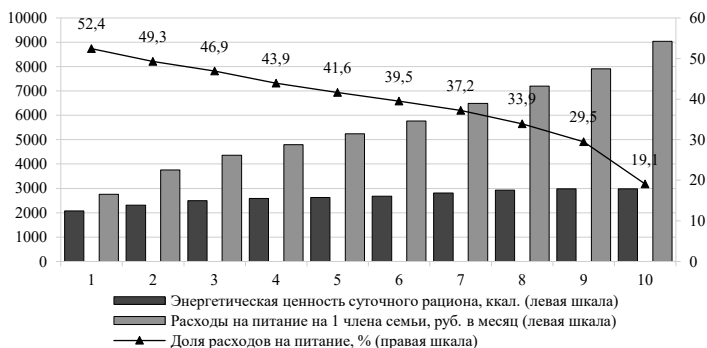
¹⁰ Расходы семей на еду в странах Европы – рейтинг 2018. URL: <https://riarating.ru/infografika/20181218/630114347.html> (дата обращения: 28.10.2019).

¹¹ URL: <https://dag.life/2017/02/27/po-dole-rashodov-na-produkty-pitaniya-v-byudzhetse-emej-dagestan-opredelen-kak-bednejshij-region/>

граждан. Статистические данные свидетельствуют о высокой дифференциации населения России по этому критерию. Так, калорийность пищи по децильным группам населения варьирует от 2000 до 3000 ккал. При этом расходы на питание на одного члена семьи в месяц составляют от 2756 руб. в беднейших слоях населения до 9038,9 руб. – в самых обеспеченных группах.

Неравенство в потреблении продовольствия касается всех основных питательных веществ. По сравнению с десятой наиболее богатой частью россиян беднейшее население страны (первая и вторая 10%-е группы) потребляет в 1,6 раза меньше белков (а белков животного происхождения вдвое меньше), в 1,7 раза – жиров, углеводов – в 1,25 раза.

Дифференциация потребления продуктов питания прослеживается и по квинтильным группам. Соответственно энергетическая ценность продуктов питания варьирует от 1993,4 ккал. в группе с наименьшими доходами до 2946,5 килокалорий в пятой – с наибольшими располагаемыми ресурсами. Отсюда можно сделать вывод о том, что беднейшее население может позволить себе только дешевые низкокалорийные продукты питания, а богатые слои – высококалорийную и дорогостоящую пищу. При этом чем беднее социальная группа, тем выше доля затрат на питание в семейном бюджете. В наиболее обеспеченных слоях населения России она составляет 19,1% против 52,4% в малоимущих семьях (рис. 2).

Источник: Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2017 г. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_101/Main.htm

Рис. 2. Энергетическая ценность и экономическая доступность продовольствия по 10%-м группам населения РФ, 2017 г.

Таким образом, одной из первоочередных мер по повышению экономической доступности продовольствия должна стать борьба с бедностью. И действительно, на государственном уровне принимаются меры по повышению доходов беднейших слоев. Так, с 1 мая 2018 г. минимальный размер заработной платы был приравнен к прожиточному минимуму. Должны сыграть важную роль в борьбе с бедностью запланированные меры по модернизации экономики, созданию высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест. Позитивно скажется на доходах семей с детьми продление Программы материнского капитала до 2022 г., адресные выплаты при рождении детей и т.д. Все эти меры позволят поднять уровень жизни населения и повысить экономическую доступность продовольствия.

Заключение

Из всего вышесказанного вытекает, что несмотря на достигнутые успехи в обеспечении продовольственной независимости нашей страны, повышении среднедушевых доходов населения, ситуация с экономической доступностью продовольствия у нас пока далека от благополучной. По оценке экспертов, около 5% населения России не получают достаточной в количественном отношении питательной пищи, необходимой для ведения активной и здоровой жизни¹². Кроме того, сохраняется высокая дифференциация этого показателя как по регионам России, так и в разрезе доходных децильных групп. Это означает, что на текущем этапе основными мерами по обеспечению экономической доступности продовольствия должны стать решительные шаги по уменьшению социального неравенства в обществе и сглаживанию региональных и социальных различий в потреблении, в том числе и продуктов питания.

Литература

Беляев С.А. О повышении роли государства в обеспечении продовольственной безопасности в условиях эмбарго // *Иннов: электронный научный журнал.* 2017. № 4 (33).

---

¹² Economist Intelligence Unit: рейтинг стран мира по уровню продовольственной безопасности в 2016 году URL: <https://gtmarket.ru/news/2016/01/29/7291>

Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Сиб. акад. гос. службы. Новосибирск: СибАГС, 2000. 510 с.

Гумеров Р. Методологические проблемы измерения и оценки состояния национальной продовольственной безопасности // Экономист. 2016. № 4. С. 33–41.

Крылатых Э.Н. Концепции и методологические основы изучения продовольственной безопасности // Никоновские чтения. 2014. № 19. С. 3–5.

Перишкевич П.М. Оценка и регулирование обеспечения продовольственной независимости и безопасности населения Сибири // Регион: экономика и социология. 2018. № 3 (99). С. 57–76.

Троцук И.В., Никулин А.М., Вегрен С. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 34–64.

Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с.

Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблемы оценки // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 63–78.

Щетинина И.В. Продовольственная безопасность и международное сотрудничество // Вестник НГИЭИ. 2018. № 10 (89). С. 135–152.

Статья поступила 07.04.2020.

Статья принята к публикации 09.09.2020.

Для цитирования: Калугина З.И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия // ЭКО. 2021. № 2. С. 165–175. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175.

Summary

Kalugina, Z.I., *Doct. Sci. (Soc.), Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Economic Accessibility of Food: Regional and Social Differences

Abstract. The paper reviews problems of economic availability of food, which is understood as the possibility of purchasing food at current prices, afforded by a corresponding level of personal income. Regional and social differences in this indicator are examined. An extremely important factor of ensuring the economic availability of food is building up domestic production, which has shown a positive trend. It is established that the country has achieved food security in the main food groups. It is argued that combatting poverty is a priority task on the way to increase the economic accessibility of food products for all population groups. However, the statistics shows that measures taken in this direction have not yet brought tangible results.

Keywords: *food security; food independence; economic availability of food; regional differentiation; household consumption; share of food in the structure of consumption; social inequality*

References

- Belyaev, S.A. (2017). On increasing the role of the state in ensuring food security under the embargo. *Innov: Elektronnyj nauchnyj zhurnal*. No. 4(33). (In Russ).
- Fadeeva, O.P. (2015). Rural communities and economic structures: from survival to development/ Ed. Z.I. Kalugina. Novosibirsk: IEOPP SO RAN. 264 pp. (In Russ).
- Gumerov, R. (2016). Methodological problems of measuring and assessing the state of national food security. *Ekonomist*. No. 4, Pp. 33–41. (In Russ).
- Krylatyh, E.N. (2014). Concepts and methodological foundations for studying food security. *Nikonovskie chteniya*. No. 19. Pp. 3–5. (In Russ).
- Pershukevich, P.M. (2018). Assessment and regulation of food independence and security of the population of Siberia. *Region: ekonomika and sociology*. No. 3(99). Pp. 57–76. (In Russ).
- Shagajda, N., Uzun, V. (2015). Food security: problems of assessment. *Voprosy ekonomiki*. No. 5. Pp. 63–78. (In Russ).
- Shchetinina, I.V. (2018). Food security and international cooperation. *Vestnik NGIEI*. No. 10(89). Pp. 135–152. (In Russ).
- Trocuk, I.V., Nikulin, A.M., Vegren, S. (2018) Interpretations and methods of measuring food security in modern Russia: discursive and real contradictions. *Mir Rossii*. T. 27. No. 1. Pp. 34–64. (In Russ).
- Vavilina, N.D. (2000). Poverty in Russia as a social phenomenon and social problem. Novosibirsk. 510 p. (In Russ).

For citation: Kalugina, Z.I. (2021). Economic Accessibility of Food: Regional and Social Differences. *ECO*. No. 2. Pp. 165-175. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175.

Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии»

Н. А. ШАПИРО, доктор экономических наук. E-mail: nshapiro@herzen.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6942-7518
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы институциональной экономики, поднятые В. Н. Ефимовым в журнале «ЭКО» № 9–10 (2020 г.) «Анти-Аузан: критика одной социальной философии». Несогласие с представленной критикой аргументируется тем, что оценка теории произведена с точки зрения неактуального понимания состояния современной экономической науки и ее методологии. «Критика из прошлого» вылилась в комплекс распространенных заблуждений относительно институциональной экономики. Не принимая требований современной методологии и тестируя институциональную экономику хаотическим выбором инструментов или определений прошлого, г-н Ефимов практически отрицает научную продуктивность институциональной экономики. В статье дан вариант концептуального оппонирования «критики из прошлого» по вопросам о деньгах, о соотношении институциональной экономики и неолиберализма, и о претензии институциональной экономики на социальную философию с точки зрения ее современного методологического состояния.

Ключевые слова: методология экономической науки; критика; неоклассика; теории денег; неолиберализм; социальная философия

В статье «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» г-н Ефимов [Ефимов, 2020 а, b], насколько удалось понять, рассуждает по факту не о социальной философии, а большей частью об институциональной экономике (новой институциональной теории), потому как он использует фамилию Аузан [Аузан, 2014] в названии статьи и, как свидетельствует текст, полагает, что тот пересказывает монографию Т. Эггертссона «Экономическое поведение и институты» [Эггертссон, 2001]. При этом г-н Ефимов почему-то называет работу А. Аузана учебником, тогда как это научная публицистика. Кого же в итоге критикует автор – Аузана или Эггертссона, остается не выясненным.

При этом г-н Ефимов игнорирует норму современного научного дискурса, относящуюся к оценке персональных взглядов современников. Как отмечают коллеги Л. Роббинса, когда тот читал курс лекций по истории экономической мысли в Лондонской школе экономики (1979–1981), то не затрагивал взгляды современников по очевидной причине: «...мы слишком близко стоим друг к другу, чтобы высказывать непредвзятые суждения» [Медема, Сэмюэлс, 2013. С. 427]. Поэтому обратимся, прежде всего, к теории институциональной экономики.

Известен критический взгляд на институциональную экономику, высказанный У. Дж. Сэмюэлсом [Сэмюэлс, 2002], где ряд утверждений совпадает с позицией В. Н. Ефимова. Например, что началом институциональной экономики являются работы авторов традиционного американского институционализма: Т. Веблена, Дж. Коммонса и У. Митчелла. Такая точка отсчета представляется ошибочной уже потому, что в основополагающей работе Р. Коуза «Природа фирмы» [Coase, 1937] нет никаких ссылок на взгляды традиционных институционалистов.

В то же время можно согласиться с У. Дж. Сэмюэлсом, что институциональная экономика – все еще корпус знаний, а не их система. Объяснение факта исторической случайности, в результате которого одним термином «институционализм» оказались обозначены различные по сути концепции, можно найти в публикациях российских авторов [Расков, Марков, 2015]. Кроме того, в настоящее время есть еще одно направление теоретической мысли, использующее в своем названии термин «институционализм» – это радикальный политический институционализм [Dugger & Waller, 1996], который связан идеологически с трактовками политических «левых» [Кирдина-Чэндлер, 2017].

Критика г-на Ефимова построена так, будто бы он знает истинную и абсолютно верную теорию, на правомерность выводов которой не влияют ни время, ни цели, ни задачи исследования. Между тем по факту он бессистемно сопоставляет положения институциональной экономики с разными теориями прошлого. Результатом критики «из прошлого» стали некорректные выводы и оценки продуктивности институциональной экономики.

Задача данной статьи – показать, что критика не имеет универсального набора инструментов или правил, что не достаточно, например, формальной логики или личной веры в правоту отдельных высказываний для получения корректных выводов.

Критика и современная методология экономической науки

Точка зрения, положенная в основу критики той или иной теории, важна не менее, чем изложение истории этой теории, поскольку от этого зависит результат. Например, когда в истории науки теории прошлого противопоставляются ее развитому состоянию, результатом является «монументальная коллекция ошибок» [Дин, 2002. С. 29]. Когда одной из теорий приписывается право на обладание истиной, изучение всех остальных сводится к якобы совершенным ими ошибкам. Так было в советской экономической науке, где ошибались все, кроме марксистов.

Но если бы на самом деле появилась теория, обладающая бесспорной истиной, все остальные бы канули в Лету за ненадобностью. Множество теорий существует вовсе не потому, что одни исследователи скрывают от других правильные подходы, а потому, что человечество еще не научилось генерировать абсолютно правильный продукт в результате когнитивной деятельности. Множество исследователей неустанно ведут этот поиск. Если теория получила известность и признание, это означает, что ее авторам удалось конкретно и конструктивно отразить тот или иной феномен, решая вставшие проблемы и отвечая на вызовы. Однако глубина ее «правомерности» может быть признаваемой от недель до веков.

Современное состояние экономической науки характеризуется термином «постмодернистский конструктивизм» для одних и как «кризис» или «хаос» для других. Но, вне зависимости от того, какая из этих позиций ближе конкретному исследователю (постмодернизм или кризис, конструктивизм или хаос), нельзя не считаться с тем фактом, что к началу XXI века мир экономической теории и ее истории стал значительно шире, сложнее и разнообразнее, чем когда бы то ни было прежде.

Гетеродоксия или теоретический плюрализм, фрагментарность современной экономической науки, теоретическая и методологическая неоднородность, степень проникновения

в сущность изучаемых явлений, различие исследовательских программ, предполагающих, как отмечал И. Лакатос, разные векторы отрицательной и положительной эвристики [Лакатос, 2003. С. 75] являются неоспоримыми фактами. Все перечисленные (и не перечисленные) факторы привели к тому, что исчез эталон теории, некая норма, опираясь на которую, можно однозначно утверждать, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что нет.

В статье г-на Ефимова используется модель знания экономической теории, сложившаяся к концу XIX в., когда все многообразие теории представлялось тремя течениями: неоклассика, марксизм и историческая школа [Ефимов, 2020а. С. 76]. Это слишком просто для нынешнего времени, а потому не имеет отношения к действительному положению дел, иначе говоря, – не релевантно.

Практика экономической науки в целом, равно как и каждой из школ, из которых экономическая наука состояла в XX веке и состоит в XXI, показывает, что гетеродоксия отразилась на состоянии не только общего теоретического пространства, но и на мейнстриме. Как отмечают современные историки экономической мысли, после Второй мировой войны даже то, что считалось ортодоксией или гетеродоксией, стало принимать самые разнообразные формы [Медема, Сэмюэлс, 2013. С. 427].

Динамичность исследовательской экономической практики привела к проникновению гетеродоксии в мейнстрим. Теперь это не одна известная теория, играющая роль нормы, сопоставление с которой дает основания к критическим оценкам и замечаниям, а набор теорий и концепций, используемых для исследования и объяснения актуальных проблем окружающего мира.

В первой половине XX века в развитых странах Запада роль мейнстрима в экономической науке выполняла неоклассическая теория рынка. С 1917 г., начиная от России/СССР до Китая после Второй мировой войны, мейнстримом теории о социализме было ученье К. Маркса. И то, и другое учения сегодня не столь однозначны и ортодоксальны как прежде. (Про мейнстрим теории социализма можно прочесть у П. А. Ореховского [Ореховский, 2020].)

Первый, получивший известность в XX веке, гетеродоксальный по составу мейнстрим был представлен П. Самуэльсоном в его «Основах экономической теории» [Samuelson, 1947]. В этой

работе не просто описывались одновременно микро- и макро-экономика, но последняя, в особенности, включала фрагменты разных теорий, отобранных по принципу лучшего решения тех или иных макроэкономических проблем.

Современный мейнстрим – это корпус наиболее апробированных практикой теоретических инструментов, представленных теорией общего равновесия, новой классической макроэкономикой, чикагской школой, некоторыми фрагментами кейнсианства и неокейнсианских теорий, новая институциональная теория (институциональная экономика) и поведенческая экономика.

Многозначность и изменчивость экономической теории предвидел А. Маршалл – один из основателей неоклассики, предложивший изменить название научной дисциплины «политическая экономия» на *economics*. Объясняя свою позицию, он писал: «В задачи экономической науки входит получение знаний для самой себя и выработка руководства к поведению в практической жизни, прежде всего общественной...поэтому она (*экономическая наука – Н.Ш.*) является наукой – чистой и прикладной, а не одновременно и наукой и искусством. Вот почему ее лучше обозначать широким термином “экономическая наука” (*Economics*), чем более узким термином “политическая экономия” (*Political Economy*) [Маршалл, 1993. С. 100].

Потребности практической жизни требуют от экономической науки разных исследований, порой не имеющих друг с другом непосредственной логической связи, что приводит к разработке разных инструментов. Это и заставляет менять теории, определяющие состав мейнстрима. При этом присущая неоклассике предельная абстрагированность от социально-институционального контента позволяет «погружать» ее в разные среды и обстоятельства, поэтому она присутствует во многих фрагментах мейнстрима, включая институциональную экономику.

В условиях гетеродоксальной теории критика может сопоставлять варианты теоретических решений, рассматривать положительные и отрицательные стороны разных вариантов, отталкиваясь от потребности решения конкретной проблемы или ситуации. Цитирования, пусть и более известных, с точки зрения критика, альтернативных теорий, абсолютно недостаточно для того, чтобы делать вывод об ошибках. «Понравившиеся» ему определения могут быть даны: 1) на основе решения иных

проблем, 2) в других обстоятельствах и контекстах, 3) самое главное – в других методологических стандартах. Без выяснения указанных моментов методологической совместимости любая критика теории бесплодна и бессмысленна, чревата цепью ошибочных рассуждений. Кроме того, нужно иметь в виду, что оценка теоретического наследия меняется со временем [Шапиرو, 2015b].

Критика представляет собой результат методологической рефлексии теории. Если теория стала фрагментарной, этот факт отражается в методологии. В современных условиях работает только один общий неэкономический критерий – «филологическая правильность» [Ронкалья, 2018. С. 15]. Это можно прокомментировать так, что границы критики теории заложены в самой теории, в ее картине мира, которую теория предполагает. Критика конструктивна в заданных смысловых рамках текстов, за границами этих рамок следуют уже мировоззренческие разногласия (т.е. оспаривание самих рамок) и предполагается предложение принципиально иной теории. Если отсутствует универсальная теория, следует исходить из того, что нет и универсальной критики.

О деньгах, неолиберализме и социальной философии

Далее остановимся на критике, данной г-ном Ефимовым, по поводу отсутствия денег в логике институциональной экономики; связи институциональной экономики с неолиберализмом и претензии институциональной экономики на роль социальной философии.

Как известно, институциональная экономика исходит из двух общих установок: социальные институты имеют значение (*institutions matter*) и они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов экономической теории. Такими стандартными инструментами являются неоклассические.

Начало новой институциональной теории (институциональной экономики) положено Р. Коузом, объектом критического внимания которого была неоклассика, а не традиционный американский институционализм Т. В. Веблена, Дж. Р. Коммонса и У. К. Митчелла, как уже отмечалось ранее. Традиционный институционализм и институциональная экономика исходят в своих теоретико-методологических построениях из критики одного объекта – неоклассики, но интенция и предмет их критики

различны. В чем-то аналогичной была ситуация с классической школой политэкономии, критика которой дала три разных направления: неоклассику, историческую школу и марксизм. Каждое из направлений сформировалось на базе критики разных аспектов одного объекта.

Традиционный институционализм и институциональная экономика также берут разные стороны неоклассической теории в качестве предмета критики. Традиционный институционализм *отказывал неоклассике в научности* из-за отсутствия эволюционности и стремления к предельно абстрактному отражению поведения хозяйствующих субъектов, через идеи маржинализма и рыночного равновесия. Институциональная экономика считала необходимым *развить и отчасти дополнить* методологию неоклассики, приблизив ее к реальности, сделав тем самым инструментарий неоклассики продуктивным для исследования реальной структуры экономики. В стремлении вести более реалистичные исследования были уточнена и продвинута концепция методологического индивидуализма (погружаясь вглубь от фирмы к отдельному человеку, получился микро-микро подход), скорректировано толкование поведения реального человека, как ограниченно рациональное (через понятие оппортунистического поведения) и конкретизирован реальный механизм рыночных трансакций с учетом затрат на их совершение (введено понятие трансакционных издержек).

Институциональная экономика однозначно не отрицает так называемое ядро неоклассических элементов (хотя это является предметом спора между самими институционалистами: переродилось ли неоклассическое ядро по мере развития привнесенных элементов в качественно новое?). А. Ронкалья отмечает, что «... это по существу еще один неоклассический синтез» [Ронкалья, 2018. С. 554]. Первым был неоклассический синтез П. Самуэльсона, который макроэкономические проблемы рассматривал с помощью предельного анализа со встроенными элементами маржинализма.

В новом синтезе взаимодействуют микроэкономика и «микро» концепции других наук: частного порядка улаживания конфликтов (юридическая наука) и организационной теории [Уильямсон, 1996. С. 32–43] через учет поведенческих аспектов экономических субъектов. Если использовать геометрические

аналогии, то первый синтез был вертикальным, а второй – горизонтальным. Заимствованием у традиционного институционализма в институциональной экономике является лишь концепция контракта Дж. Р. Коммонса, но никак не теория денег и даже не понятие института.

Восприняв ядро неоклассики, институциональная экономика использует такой инструмент, как деньги, экзогенно или эксплицитно. Неоклассическая теория построена так, что может обойтись без имманентной теории денег, потому что деньги не являются продуктом деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. В мире хозяйствующих субъектов, который формирует неоклассическая теория, деньги признаются важнейшим фактором влияния, а не элементом, определяющим его сущность. В микроэкономике важны цены. Микроэкономика есть теория цены, а не денег.

Для современной науки деньги пока остаются феноменом, несмотря на их практическую значимость. Теория денег, как, обобщая мнения других исследователей, отмечал Т. Эггертссон, (на него ссылается и г-н Ефимов, но по другим поводам), является интеллектуальным придатком известных теоретических схем, для существования которого пока нет аналитического объяснения [Эггертссон, 2001. С. 251]. Деньги – это «большая тайна», но не потому, как пишет Е. Ефимов, что «...сильные мира сего, а также те, кто находится у них в услужении, стараются скрыть. И вот уже в течение 300 лет это у них неплохо получается» [Ефимов, 2020а. С. 65], – а потому, что это – все еще феномен, несмотря на то, что многие научились им умело пользоваться.

Если бы экономическая теория располагала научно достоверной и продуктивной концепцией денег, вписывающейся в микроэкономическую методологию, это, возможно, способствовало бы более глубокому и результативному анализу. Л. Роббинс – безусловный приверженец неоклассики, заключительную лекцию своего курса по истории экономической мысли посвящал деньгам, где он останавливался на пояснении различных сложностей, связанных с местом денежной теории в современной экономической науке.

«...Хочу обратить ваше внимание на то, что в ходе развития экономической теории, которое кто-то назвал маржиналистской революцией, экономисты стали более внимательно относиться

к месту денег в этой теории» [Роббинс, 2013. С. 414]. В результате проведенного исследования научных работ, начиная с У. Петти, включая А. Маршалла, Л. фон Мизеса, Викселя, Дж. М. Кейнса, М. Фридмана и др., он выделил лишь лучшего, с его точки зрения, автора, пишущего о деньгах, – И. Фишера [Fisher, 1965]. Но это лишь лучшая работа, по мнению Л. Роббинса, а не окончательный ответ на вопросы о деньгах.

Современная экономическая теория дает известные варианты осмысления денег в курсе макроэкономики. Цитаты В. Н. Ефимова из Маклеода или Коммонса [Ефимов, 2020а. С. 65] красноречиво свидетельствуют о том, что Маклеод и Коммонс ведут свои рассуждения о деньгах в макроэкономическом контексте. Можно, конечно, сожалеть о том, что пока нет научного прорыва в понимании денег, и экономистам приходится довольствоваться их дескриптивными характеристиками.

Рассматривая взаимодействие неоллиберализма и институциональной экономики, следует отметить, что неоллиберализм имеет в современном дискурсе минимум два значения: это особая идеология и направление теорий. Во втором случае нужно иметь в виду, что соответствующая группа теорий и институциональная экономика лежат на разных методологических «полочках» и имеют разные исследовательские программы.

История появления неоллиберализма как теоретического направления известна. Коллоквиум Липмана 1937 г. был посвящен не только критике теории государственного регулирования Дж. М. Кейнса [Keynes, 1936], идеи которой либеральные экономисты расценили как чрезмерное вмешательство в рыночные механизмы, но и защите свободы в целом. Коллоквиум Липмана выработал понимание новой роли государства, поскольку концепция ночного сторожа не отвечала вызовам времени, подрывавшим архитектуру либеральной экономики [Lippmann, 1937].

Воплощение этой новой роли государства разным участникам коллоквиума представлялось принципиально различным: через правое регулирование (новые австрийцы), монетарное регулирование (чикагская школа) и разделение порядка и политики (немецкий ордолиберализм). Но все три концепции сохраняли макроэкономический статус, поскольку противостояли теории макроэкономического регулирования Дж. М. Кейнса. Следует отметить, в контексте изменения оценок со временем, что

позднее взгляды Кейнса и Фридмена перестали трактоваться антагонистично, как это было в 1937 г. Один английский экономист заметил: «... Наблюдая с возвышения битву кейнсианцев и сторонников Фридмена, сквозь дым можно было бы различить фигуры их вождей, отнюдь не ведущих в бой свои армии, а спина к спине сражающихся со своими последователями» [Браунинг, 1987. С. 78].

Взгляды Кейнса и Фридмена традиционно противопоставляются идеологически из-за разной трактовки роли государства, а не денег. Концепции денег в этих теориях, по сути, не несут в себе непреодолимых противоречий. Современная практика денежно-кредитной политики это подтверждает (приоритет монетарного регулирования над бюджетно-налоговым – это по Фридмену, и способ регулирования предложения денег через процентную ставку – это по Кейнсу), но это уже другая история.

Любопытно, что программная работа Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» была опубликована в 1936 г., а ставшая хрестоматийной для институциональной экономики работа Р. Коуза «Природа фирмы» – в 1937 г. Но если работа Кейнса вызвала мгновенную реакцию научного сообщества – полемику и дискуссии, то идеи Коуза оставались на периферии экономической мысли вплоть до 1980-х годов. Вспомнить о них пришлось в связи со становлением рыночного хозяйства в бывших социалистических странах, так как неоклассическая теория (а не неолиберализм) оказалась не приспособленной для реальных практик социального конструирования рынка (что, собственно, и подтвердило справедливость критики Р. Коуза и его сторонников в адрес неоклассики). Институциональная экономика, ориентированная на изучение форм адаптации таких институтов, как рынок и фирма, к различным условиям, объясняет, почему каждая страна имеет свой путь становления рынка, а практики копирования подходов, по сути, обречены на провал.

Из сопоставления концепций институциональной экономики и неолиберализма как направлений экономической теории, можно сделать вывод, что их развитие не оказало прямого влияния друг на друга. У них разные исследовательские программы. Неолиберализм исследовал функции и место государства в современном рынке, а институциональная экономика изучает разнообразие экономических институтов, причины их

эффективности и неэффективности, т.е. критикует отчасти тот порядок и те структуры, включая государство, которые сдерживают развитие рыночной экономики.

Неолиберализм как идеология – это нечто совсем иное. Это продукт «левого» мировоззрения, своего рода синоним «мирового зла». Содержание «мирового зла» видится левыми политиками в тех жестких рамках, которых придерживаются страны с развитой рыночной экономикой в государственном вмешательстве. Допустимое вмешательство – это контроль за ростом госсектора и активное использование приватизации, поддержка и развитие предпринимательства, контроль за расширением влияния естественных монополий; приоритеты в финансировании связаны с человеческим капиталом – образование и здравоохранение.

Проблемное поле институциональной экономики ограничивается институтами, регулирующими поведение акторов/экономических субъектов и экономических организаций в условиях рынка. Общими вопросами идеологии она не занимается и претензии к ней можно предъявлять только в том смысле, почему она вообще не выступает против рынка?!

Таким образом, приписывание институциональной экономике характерных черт неолиберализма просто некорректно.

И теперь о том, может ли институциональная экономика быть социальной философией? Друг всех любознательных – Википедия – первой среди известных форм социальной философии называет марксизм. История марксизма свидетельствует о том, что, кроме экономического содержания, его становлению способствовали достижения самой философии. Тогда «три источника и три составные части марксизма» одновременно и однонаправленно двигались к некоей общей цели – описанию будущего [Ленин, 1973. С. 39–49].

Для того чтобы институциональная экономика стала социальной философией, видимо, логически должны иметь место две предпосылки. Первая: институциональная экономика должна каким-то образом стать концепцией макроэволюции. Отметим, что шаги в сторону макроисследований уже имеют место быть. Например, Эггертссон дал макроэкономическую формулировку теоремы Коуза: «... Тип правления в стране не влияет на ее экономический рост и развитие, если издержки транзакционных процессов как в политической, так и в экономической сферах

равны нулю. Однако при положительных трансакционных издержках распределения политической власти внутри страны и структура институтов, вырабатывающих правила, являются решающими факторами экономического развития» [Эггертссон, 2001. С. 266]. Но если говорить об эволюции, такого рода сдвиги не заметны в строгих границах институциональной экономики, а концепция *path dependence* объясняет диаметрально противоположное явление: почему развития не происходит. Между тем социальная философия ведет речь о наиболее общих закономерностях функционирования и *развития* человеческого общества, отвечая на вопросы о том, что есть общество, *куда оно движется* и какое место занимает в нём человек.

Вторая важная предпосылка касается характеристики самой философии: она должна располагать конструктами, преодолевающими постмодернистскую фрагментарность, т.е. должна быть цельной. Современная же философия пока несет «вирусы» плюрализма и гетерогенности, «заражая» им социальную и гуманитарную науку в целом. (Отечественные философы используют такой термин как «постнеклассический этап» развития науки [Черникова, 2015].) Традиционная интерпретация общечеловеческих ценностей теряет актуальность, а новая формула пока не носится в воздухе, вместо этого актуализируются вопросы национальной культурной идентификации, культурного кода.

Трудно прогнозировать, каким образом и когда в философии может появиться идея, которая представит миру конструкт преодоления фрагментарности и всеобщего единения. На сегодняшний день такие трансформации в институциональной теории и философии не очевидны. Известные формы социальной философии устремлялись в будущее, оперируя и разрабатывая такие понятия, которые представляли бы нормативные социетальные ценности, разделяемые всеми. Институциональная теория, как представляется, не движется в этом направлении. Она если и использует абстрактное понятие неоклассики, то лишь для того, чтобы более четко объяснить разнообразие действительности реальной и исторической.

Если претензии г-на Ефимова к институциональной экономике по поводу игнорирования денег и тесной связи с неолиберализмом как левой идеологией «зла» неубедительны, то амбиций превращения институциональной экономики в социальную

философию он опасается необоснованно. Институциональная экономика пока переживает процесс самоопределения: является ли она лишь дополнением к неоклассике или же уже стала ее достойным конкурентом.

Так, предвидения Т. Эггертссона в начале XXI в. ограничились тем, «что когда-нибудь именно этот подход [*институциональной экономики – Н.Ш.*] будет именоваться экономической теорией» [Эггертссон, 2001. С. 15].

Но признаки превращения теории в социальную философию не являются критерием полноценности теории. Конечно, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, но армия не может состоять из одних генералов, и «неставшие» генералами солдаты вовсе не плохи. Хорошие солдаты нужны не только для появления генералов, но и для существования армии.

Вместо заключения

Думаю, не стоит нагружать читателя подробностями собственной биографии и субъективной правды об экономическом факультете МГУ им. М. И. Ломоносова в минувшие годы. У каждого – своя правда, которая фактически является оценкой событий, где все зависит от того, как эти события коснулись тебя лично.

Если же порассуждать о концепциях с приставкой «анти» (др.-греч. ἀντί), обозначающей противопоставление или противодействие [Шапиро, 2015а]... В обозримом прошлом это, конечно, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса [Энгельс, 1977], в актуальном настоящем – «антихрупкость» Н. Талеба [Талеб, 2014] или «антикризис» Ю.М. Осипова [Осипов, 2016] и др. Это модная концепция!

Что касается «Анти-Аузана», можно привести слова все того же Л. Роббинса о К. Поппере: «Поппер всегда излагает точку зрения, которую собирается раскритиковать, яснее, чем те, кого он критикует, и его описание ... заслуживает прочтения» [Роббинс, 2013. С. 320]. Эту характеристику без всяких оговорок можно отнести к работе «Экономика всего» и ее автору – А. Аузану, которому удастся объяснять теории других, лучше, чем это делают они сами. В работе «Экономика всего» [Аузан, 2014] доступно, нескудно и критически не вульгарно объяснены базовые концепции и понятия институциональной экономики. В этом

смысле «Анти-Аузан» – это тот, кому трудно дается понимание и ясность изложения не своих идей.

Литература

Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014. 160 с.

Браунинг П. Современные экономические теории – буржуазные концепции. М.: Экономика, 1987. 160 с.

Дин Ф. Роль истории экономической мысли. В кн.: Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, Т. 1. С. 28–53.

Ефимов В. М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 1 // ЭКО. 2020а. № 9. С. 52–89. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-9-62-89

Ефимов В. М. Анти-Аузан: критика одной социальной философии. Часть 2 // ЭКО. 2020б. № 10. С. 168–192. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-10-168-192.

Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 4. С. 6–15.

Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. 380 с.

Ленин В. И. Три источника, три составные части марксизма. ПСС. Т. 23. 1973. С. 39–49.

Маршалл А. Принципы экономической науки /А. Маршалл. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1993. Часть I. 414 с.

Медема С. Г., Сэмюэлс У. Дж. Послесловие в кн. Лайонел Роббинс «Истории экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики». М., 2013. 490 с.

Ореховский П. А. Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 162–175.

Осинов Ю. М. Российский антикризис. В сб.: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов, Д. В. Ефременко. М., 2016. С. 59–63.

Расков Д. Е., Марков М. В. Коуз и его методологические взгляды. В кн.: Очерки об экономической науке и экономистах. Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет свободных искусств и наук, Институт Гайдара. М.; Санкт-Петербург, 2015. С. IX–XXVII.

Роббинс Л. Истории экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики/ Лайонел Роббинс / Пер. с англ. Н. В. Автономовой. Под ред. В. С. Автономова. М.: Инд. Института Гайдара, 2013. 490 с.

Ронкалья А. Богатство идей. История экономической мысли /Алессандро Ронкалья. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 655 с.

Сэмюэлс У. Дж. Институциональная экономическая теория. В кн.: Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 125–142.

Тaleb Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М., 2019. 768 с.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб. 1996. 702 с.

Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 26–35.

Шапиро Н. А. Ценности и смыслы научной школы Н. А. Цаголова // Проблемы современной экономики 2015а. № 3(55). С. 78–82.

Шапиро Н. А. Онтологический смысл концепций «анти». Экономическая теория в XXI веке – 9(16): Российский антикризис и экономическая наука / Под ред. Ю. М. Осипова, В. М. Юрьева, Е. С. Зотовой. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2015б. С. 325–331.

Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001. 408 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., 1977. 483 с.

Coase R. The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4. No. 16. November 1937. Pp. 386–405.

Dugger W., Waller W. Radical Institutionalism: From Technological to Democratic Instrumentalism. *Review of Social Economy*. 54(2), (Summer). Pp. 169–189.

Fisher I. Mathematical Investigation in the Theory of Value and Price/ New haven transactions of Connecticut Academy of Arts and Science. N.Y.: A. M. Kelley, 1965. 320 p.

Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money, New York. Harcourt, Brace and Company. 1936. 385 p.

Lippmann W. An Inquiry into the Principles of Good Society. Boston, 1937. Pp. xxx, 402.

Samuelson P.A. Foundations of Economic Analysis. Harvard University Press, 1947. 447p.

Статья поступила 14.10.2020.

Статья принята к публикации

Для цитирования: *Шапиро Н. А.* Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии»// ЭКО. 2021. № 2. С. 176-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-176-192.

Summary

Shapiro, N.A., *Doct. Sci. (Econ.), The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg*

Institutional Economics in the Modern Economic Science or on everything raised by V.M. Yefimov in his paper “Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy”

Abstract. The paper reviews problems of institutional economics raised by Mr. Efimov in the journal ECO. No. 9–10. 2020 «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». First of all, Mr. Efimov allows himself an incorrect comparison of T. Eggertson’s scientific monograph “Economic Behavior and Institutions” and A. Auzan’s scientific journalism “The Economy of Everything”. Secondly, the disagreement with the criticism presented by him is based on the fact that the theory was evaluated from the point of view of irrelevant understanding of the state of modern economic science and its methodology. “Criticism from the past” has resulted in a set of common misconceptions about institutional economics.

Not accepting the requirements of modern methodology and testing institutional economics with a chaotic choice of tools or definitions of the past, Mr. Efimov practically denies the scientific productivity of institutional economics. This paper contains a variant of conceptual opposition to “criticism from the past” on issues of money, the relationship between institutional economics and neoliberalism, and the claim of institutional economics to be a social philosophy from the point of view of its current methodological state.

Keywords: *methodology of modern economic science; criticism; neoclassicism; theories of money; neoliberalism; social philosophy*

References

- Auzan, A.A. (2014). *Economics of everything. How institutions define our life.* Moscow. Mann, Ivanov and Ferber. 160 p. (In Russ.).
- Browning, P. (1987). *Economic Images. Current Economic Controversies.* Moscow. 160 p. (In Russ.)
- Coase, R. (1937). The Nature of the Firm. *Economy.* Vol. 4. No. 16. November. Pp. 386–405.
- Chernikova, I.V. (2015). Transdisciplinary methodologies and technologies of modern science. *Problems of Philosophy.* No. 4. Pp. 26–35. (In Russ.).
- Dean, F. (2002). The role of the history of economic thought. In the book *Companion to Contemporary Economic Thought.* Edited by D. Greenaway, M. Bleaney and I. Stewart. Saint Petersburg: School of Economics, Vol. 1. Pp. 28–53. (In Russ.).
- Dugger, W., Waller, W. (1996). Radical Institutionalism: From Technological to Democratic Instrumentalism. *Review of Social Economy.* 54(2), (Summer). Pp. 169–189.
- Eggertsson, T. (2001). *Economic Behavior and Institutions.* Moscow. 408 p. (In Russ.).
- Engels, F. (1977). *Anti-Duhring. The revolution in science by Mr Eugene Dühring* Moscow. 483 p. (In Russ.).
- Fisher, I. (1965). *Mathematical Investigation in the Theory of Value and Price.* New haven transactions of Connecticut Academy of Arts and Science. N.Y.: A. M. Kelley. 320 p.
- Keynes, J.M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money,* New York. Harcourt, Brace and Company, 385 p.
- Kirdina-Chandler, S.G. (2017). Radical institutionalism and fake economics in the 21st century. *Journal of Institutional Research.* Vol. 9. No. 4. Pp. 6–15. (In Russ.).
- Lakatos, I. (2003). *Research program methodology.* Metodologiya issledovatel'skikh program. Moscow. 380 p. (In Russ.).
- Lenin, V.I. (1973). *Three sources, three components of Marxism.* Full composition of writings. Vol. 23. Pp. 39–49. (In Russ.).
- Lippmann, W. (1937). *An Inquiry into the Principles of Good Society.* Boston. Pp. xxx, 402.
- Marshall, A. (1993). *Principles of Economics.* Vol. I. Moscow. 414 p. (In Russ.).
- Medema, S.G. and Samuels, W.J. (2013). Afterword in Robbins L. *A History of Economic Thought.* The LSE Lectures. Edited by Steven G. Medema and Warren J. Samuels. Moscow. 490 p. (In Russ.)

Orekhovsky, P.A. (2020). Left Utopia in the 21st Century. *Social sciences and modernity*. No. 2. Pp. 162–175. (In Russ.).

Osipov, Yu.M. (2016). Russian anti-crisis / In the collection: *Russia: trends and development prospects*. Yearbook. RAS. INION. Moscow. Pp. 59–63. (In Russ.).

Raskov, D.E., Markov, M.V. (2015). Coase and his methodological views. In the book: *Essays on Economic Science and Economists*. Moscow, Saint Petersburg. Pp. IX–XXVII. (In Russ.).

Robbins, L. (2013). *A History of Economic Thought*. The LSE Lectures. Edited by Steven G. Medema and Warren J. Samuels. Moscow. 490 p. (In Russ.).

Roncaglia, A. (2018). *The Wealth of Ideas. A History of Economic Thought*. Moscow. 655 p. (In Russ.).

Samuels, W.J. (2002). Institutional economics. In the book. *Companion to Contemporary Economic Thought*. Edited by D. Greenaway, M. Bleaney and I. Stewart. Saint Petersburg: School of Economics. Vol. 1. Pp. 125–142.

Samuelson, P.A. (1947). *Foundations of Economic Analysis*. Harvard University Press, 447 p.

Shapiro, N.A. (2015a). Ontological meaning of the concepts “anti”. In the book. *Economic theory in the XXI century – 9 (16): Russian anti-crisis and economic science*. Tambov. Pp. 325–331. (In Russ.).

Shapiro, N.A. (2015b). The values and meanings of the scientific school of N.A. Tsagolov. *Problems of the modern economy*. No. 3(55). Pp. 78–82. (In Russ.).

Taleb, N.N. (2019). *Antifragility. How to capitalize on the chaos*. Moscow. 768 p. (In Russ.).

Williamson, O. (1996). *The Economic Institutions of Capitalism*. St. Peterburg, 702 p. (In Russ.).

Yefimov, V.M. (2020). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 1. *ECO*. No. 9. Pp. 52–89. (In Russ.). DOI: DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–9–62–89. (In Russ.)

Yefimov, V.M. (2020). Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy. Part 2. *ECO*. No. 10. Pp. 168–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–10–168–192. (In Russ.)

For citation: Shapiro, N.A. (2021). Institutional Economics in the Modern Economic Science or on everything raised by V.M. Yefimov in his paper «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». *ECO*. No. 2. Pp. 176–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–2–176–192.

В следующих номерах вы прочтете:

- Господдержка развития редкоземельной промышленности и модернизация экономики
- Стратегия развития обрабатывающей промышленности: иллюзия прорыва
  - Что такое Сверхкомбинат?
  - Несостоявшаяся реформа науки
  - Взаимодействие власти и бизнеса в долгосрочных проектах развития технопарковой инфраструктуры
  - Синергия поддержки государства и новых подходов к реализации стратегии диверсификации компаниями ОПК
  - Технологии умного города против коронавируса
  - Технократический характер современной рыночной экономики

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77 - 77209 от 20.11.2019

2021. № 2. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2021. Выход в свет 26.02.2021

Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 240. Заказ 11. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2